

Ян Флеминг

На тайной службе Ее Величества

1. Морской пейзаж с фигурами

Стоял такой теплый сентябрь, что, казалось, лету не будет конца. Руайаль-Лез-О, прогулочная аллея длиною в пять миль, обрамленная подстриженными газонами и украшенная трехцветными клумбами шалфея, бурачка и лобелии, которые располагались на определенном расстоянии друг от друга, была вся расцвечена яркими флажками, и веселые разноцветные тенты стройными рядами спускались вниз к линии прибоя, словно рекламно-коммерческие батальоны, построенные для парада на самом большом из северных пляжей Франции. Звуки музыки — один из тех мелодичных вальсов, исполняемых на аккордеоне, — неслись из громкоговорителей, установленных вокруг закрытого бассейна олимпийских стандартов, и время от времени, перекрывая музыкальные трели, мужской голос объявлял по местному радио о том, что свою маму разыскивает Филипп Бертран, семи лет, что Иоланда Лефевр ожидает своих друзей под часами у входа или что некой мадам Дюфор звонят по телефону. От пляжа, вернее, от трех площадок для игр под названиями «Радости жизни», «Гелио» и «Лазурная», доносились детские голоса, которые то усиливались, то затихали в зависимости от накала страстей, а еще дальше, на затвердевшем песке, оставленном отступившим теперь от берега морем, инструктор по физическому воспитанию подавал команды свистком группе подростков, заканчивавших курс своих ежедневных занятий.

Все это составляло один из тех прекрасных и простеньких морских пейзажей, которыми так славится побережье Бретани и Пикардии, — это они служили объектами вдохновения Будена, Тиссо, Моне, художников, запечатлевших их, — с тех пор как лет сто назад или поболее того появилось само понятие «пляж» и вошли в моду морские купания.

Джеймсу Бонду, сидевшему в одном из пляжных бетонных закутков, подставив лицо лучам заходящего солнца, во всем этом мерещилось нечто печальное и неуловимо прошедшее. На память приходили яркие картинки детства — ощущение бархатного прикосновения теплого мелкого песка, колющий наждак мокрых песчинок, попавших между пальцами ног, когда пришло время натянуть носки и обуться, кучка редкостных морских ракушек и всякая всячина, выброшенная морем на берег, подобранная им и разложенная на подоконнике в спальне («Нет-нет, милый мой, нам придется все это оставить, ты перепачкаешь весь чемодан!»), крошечные крабики, разбегающиеся в разные стороны от прикосновения беспокойных детских ручонок, нащупывающих морские водоросли в каменистых заводях, и опять море, море, в котором можно плескаться без конца, покачиваясь на танцующих волнах, которые в те времена, казалось, всегда были освещены солнцем, и, наконец, неизбежная, вызывающая раздражение фраза: «Пора выходить из воды». Все это было, было с ним в детстве и теперь проносилось в мыслях, заставляя взглянуть на окружающие предметы по-иному. Как быстро пролетели беззаботные дни, когда он мог играть в песочек! Как далеко он ушел от того веснушчатого мальчишки, обожавшего шоколадные хлопья кондитерской компании «Кадбери» и пенящийся лимонад! Бонд нервно закурил сигарету, расправил согбенные плечи и решительно задвинул непрошенные сентиментальные воспоминания в самый дальний уголок памяти. Он давно стал взрослым, он — человек, обремененный годами неприятного и опасного опыта, он — тайный агент. Он сидит здесь, в этом бетонном укрытии, не для того,

чтобы предаваться сентиментальным воспоминаниям о каких-то там малышах-замарашках, копошащихся на пляже, где тут и там валяются крышки от бутылок и палочки от леденцов, а кромка прибоя, лоснящегося от кремов для загара, обезображена еще и стоками реки Руайаль. Он здесь потому, что так нужно, он работает, ведет наблюдение. Он следит за одной особой.

Солнце опускалось все ниже. Уже можно было ощутить прохладное дыхание сентября, которое днем не чувствовалось из-за жары. Группы купающихся спешно покидали пляж, когортами снимались они со своих бивуаков и заливали ступени лестницы, ведущей наверх, к прогулочной аллее, по которой они попадали в город, где кафе уже зажигали свои огни. У плавательного бассейна в громкоговорителе надоедливо звучала одна и та же фраза, произносимая на французском: «Внимание! Внимание! Через десять минут бассейн закрывается. После 18:00 бассейн не работает». На фоне заходящего солнца две спасательные лодки типа «Бомбар», идущие под флагами, на которых изображен синий крест на желтом поле, быстро уходили в северном направлении — к своей дальней стоянке в верховьях реки, в Старом порту. Последняя из разноцветных, похожих на жирафа «песчаных яхт», подгоняемая ветром, катилась к отдаленной кромке прибоя — к месту стоянки среди песчаных дюн, и три служителя со стоянки машин спешили на своих велосипедах среди редящих рядов автомобилей в сторону полицейского участка в центре города. За считанные минуты огромное песчаное пространство — вода, все еще отступавшая, была уже на расстоянии мили — превратится в царство чаек, которые слетятся сюда стаями, привлеченные остатками пищи, что бросили, уходя, любители пикников. Затем оранжевый шар солнца опустится в море, и пляж на некоторое время станет совсем пустым — лишь под покровом темноты скользнут к морю влюбленные парочки, чтобы безбоязненно предаться любви в укромных уголках между кабинками для переодевания и волнорезом.

На протоптанной в песке тропке, ниже того места, где сидел Джеймс Бонд, две загорелые девушки в чересчур откровенных бикини сложили принадлежности для игры «Джокери», которой они так азартно, вызываясь занимались до этого, и устремились наперегонки к ступенькам, ведущим к укрытию, где находился Бонд. Они порисовались перед ним, выставляя напоказ свои тела, остановились, поболтали немного, чтобы увидеть, как он будет реагировать, и когда устали ждать, то, взявшись за руки, не спеша направились к городу, оставив Бонда в размышлениях о том, почему именно у французских девушек, и ни у каких других, такие выпуклые пупки. Не оттого ли это, что французские хирурги в момент появления девочек-младенцев на свет стремятся внести свою лепту в их будущую сексуальную привлекательность?

И вот уже вдоль пляжа стали ходить спасатели и подавать в свои свистки сигнал-отбой, предупреждая, что они заканчивают работу; музыка, доносившаяся со стороны бассейна, оборвалась на полужуке, и огромное песчаное пространство вдруг вымерло.

Впрочем, не совсем так! В сотне ярдов в сторону, на купальном халате в черно-белую полоску, лицом вниз, распластав руки, лежала девушка; она устроилась здесь с час назад, утрамбовав песок, соорудила себе нечто вроде частных владений и затихла на этой площадке совершенно неподвижно как раз между Джеймсом Бондом и заходящим солнцем, которое теперь окрашивало покинутый всеми бассейн и мелкие ручейки в кроваво-красный цвет, делая их похожими, если приглядеться, на ветвистые каракули. Бонд продолжал наблюдать за девушкой — теперь уже в полной тишине и безлюдье — с несколько большим напряжением. Он ждал, когда она сделает что-нибудь, ждал, когда что-нибудь — он не знал что — случится. Вернее было бы сказать, что он караулил ее, — инстинкт подсказывал ему, что девушке угрожает что-то. Или это просто чувство опасности, которая витает в воздухе? Точно сказать он не мог. Уверен был лишь в том, что не должен оставлять ее одну,

особенно теперь, когда все ушли.

Джеймс Бонд ошибался. Ушли еще не все. Позади него, у «Кафе-де-ля-пляж», на другой стороне прогулочной аллеи, у отдельного столика подле самого тротуара, сидели двое мужчин в плащах и темных кепках. Перед ними стояли наполовину пустые чашечки с кофе, друг с другом они не разговаривали. Они сидели и следили за размытым силуэтом — голова и плечи, — маячившим на фоне перегородки из матового стекла, которая отгораживала место, где расположился Бонд. Они также вели наблюдение, хотя и не столь пристальное, за белым пятном на песке, там, где в отдалении лежала девушка. Неподвижность этих двух типов и неуместность их гардероба, выбранного не по сезону, произвели бы неприятное впечатление на любого, кто, в свою очередь, стал бы наблюдать за ними со стороны. Но за ними никто не следил, за исключением официанта, который решил, что с этими парнями лучше не связываться, и теперь не чаял, как от них избавиться.

Как только нижний край оранжевого солнца коснулся моря, девушка встрепенулась, как по сигналу. Она медленно поднялась на ноги, провела обеими руками по волосам, откидывая их со лба, и целеустремленно, равномерно пошла навстречу солнцу и отдаленной пенящейся кромке воды, находившейся за милю от нее. К тому моменту, когда она могла приблизиться к отступившему морю, спустились бы уже лиловые сумерки; естественно было предположить, что это последний день ее отдыха и, вероятно, последнее купание.

Но Джеймс Бонд думал иначе. Он покинул свое укрытие, сбежал вниз по лестнице к песку и быстро зашагал вслед за ней. Двое в плащах, там, сзади Бонда, за прогулочной аллеей, казалось, тоже думали иначе. Один из них поспешно бросил на стол несколько монет, оба поднялись и, шагая в ногу, пересекли аллею, направляясь к пляжу, с некоторой поспешной военной четкостью они двинулись параллельно следам, оставленным Бондом.

Теперь необычное расположение фигур на обширном пространстве песка, покрытого полосами кровавого цвета, явно казалось жутковатым. Лучше бы сейчас оказаться подальше от этого места! Что-то скверное и непонятное угадывалось в кавалькаде. Девушка в белом, молодой мужчина с обнаженной головой, двое коренастых, печатающих шаг преследователей — в этом было что-то от страшных историй, рассказываемых на ночь. В кафе официант собрал монеты и посмотрел вслед удаляющимся фигурам, все еще четко очерченным на диске почти скрывавшегося за горизонтом оранжевого солнца. Было похоже, что пахнет уголовщиной — или того хуже. Лучше держать язык за зубами, но все-таки запомнить, как все происходило. А вдруг его имя появится в газетах!

Джеймс Бонд быстро догонял девушку. Теперь ему было ясно, что он поравняется с ней у самой кромки воды. Он начал соображать, что скажет ей, как все объяснит. Не мог же он выпалить: «У меня есть предчувствие, что вы собираетесь покончить жизнь самоубийством, вот почему я бросился за вами, хотел остановить». Или: «Я разгуливал по пляжу, и мне показалось, что мы знакомы. Не пойти ли нам куда-нибудь после купания?» — нет, это уж очень наивно. Наконец он решил, что просто скажет: «О, Трейси!» — а потом, когда она обернется: «Я волновался за вас». Это, по крайней мере, прозвучит безобидно и будет соответствовать действительности.

Море отливало сталью на фоне лимонного горизонта. Слабый западный ветер с берега, уносящий нагретый воздух в море, усиливался и увеличивал рябь, которая белыми бурунчиками уходила далеко вперед. Стаи серебристых чаек лениво поднимались в воздух при приближении девушки и тут же снова садились, и воздух был полон их криков и бесконечных ударов небольших волн. Мягкие синие сумерки добавляли меланхоличности безлюдному песчаннику и морю, таким далеким теперь от уютных ярких огней и праздничной суеты Королевы Опалового Берега, как

блестяще окрестили аллею Руайаль-Лез-О. Бонду очень хотелось вернуть девушку к этим ярким огням. Он следил за стройной золотистой фигурой в белом купальнике и размышлял о том, когда же она сможет расслышать его голос за шумом чаек и моря. Она чуть замедлила шаг по мере приближения к кромке воды, голова ее с ниспадающими на плечи роскошными светлыми волосами была слегка опущена, возможно в задумчивости или от усталости.

Бонд ускорил движение и оказался шагах в десяти от нее.

— Добрый вечер, Трейси.

Девушка не вздрогнула и не оглянулась. Она словно споткнулась и остановилась, а потом, когда небольшая волна запенилась и замерла у ее ног, медленно повернулась навстречу Бонду. Ее глаза, затуманенные слезами, смотрели мимо него. Потом она взглянула ему в лицо и вяло спросила:

— В чем дело? Чего вы хотите?

— Я волновался за вас. Что вы здесь делаете? Что случилось?

Девушка опять посмотрела на него. Она вскинула сжатую в кулачок руку ко рту. Она что-то сказала, но Бонд не мог разобрать что. А потом за спиной Бонда раздался мягкий вкрадчивый голос:

— Не двигаться, если жизнь дорога.

Бонд резко обернулся, пригнувшись, рука уже потянулась к оружию, спрятанному под пиджаком. Два дула автоматических пистолетов, как два неподвижных серебристых глаза, насмешливо уставились на него.

Бонд медленно выпрямился. Он опустил руки по швам и с тихим свистом выпустил сквозь зубы задержанное дыхание. Два каменных, как у истуканов, лица профессионалов сказали ему даже больше, чем два серебристых глаза пистолетов. На этих лицах нельзя было прочесть ни напряжения, ни волнения. Слабые полуулыбки выражали спокойствие и удовлетворение. В глазах не было и тени настороженности — скорее равнодушие. Бонд смотрел в такие глаза множество раз. Здесь не было ничего нового. Эти люди — убийцы, профессиональные убийцы.

Бонд не имел ни малейшего представления, кем могли быть эти люди, на кого они работали и что все это значило. В теории выходило, что его тревога — лишь предчувствие еще большей беды; он сознательно расслабил мышцы и выбросил все вопросы из головы. Он стоял и ждал.

— Руки за голову. — Вкрадчивый настойчивый голос выдавал уроженца юга, человека с берегов Средиземного моря. Голос соответствовал внешности мужчин — грубая пористая кожа, желто-коричневые лица. Возможно, они родом из Марселя или итальянцы. Мафия? Лица эти могли принадлежать добропорядочным тайным агентам или закоренелым преступникам. Мозг Бонда заработал словно компьютер фирмы «Ай-Би-Эм», отыскивающий нужную информацию. На территорию какого противника он вторгся? Может быть, это Блофелд? Не превратился ли он из охотника в добычу?

Когда шансов нет, когда не находишь выхода, надо обязательно успокоиться, показать свое превосходство или, по крайней мере, безразличие. Бонд улыбнулся прямо в лицо говорившего с ним мужчины:

— Вот бы мать твоя обрадовалась, узнав, как сыночек проводит сегодняшний вечерок. Ведь ты католик? Ну что ж, я сделаю так, как ты просишь. — Мужчина сверкнул глазами. Попал! Бонд заложил руки за голову.

Один из них отошел в сторону, так чтобы расширить сектор обстрела, а его сообщник вынул из мягкой кожаной кобуры на брючном ремне Бонда его «Вальтер ППК» и со знанием дела обыскал Бонда сверху донизу — сначала по бокам, потом руки от плеч до запястий и ноги от паха вниз изнутри. Затем «второй номер» отошел назад, положил «Вальтер» в карман и достал свое оружие.

Бонд бросил взгляд через плечо. Девушка не произнесла ни слова, не выразила

ни удивления, ни тревоги. Теперь она стояла спиной к ним, глядя в море, явно расслабившись, как будто происходящее совершенно ее не касалось. Что же это происходит? Уж не использовали ли ее в качестве приманки? Но для кого? И что теперь делать? Неужели его убьют здесь и тело выбросит на берег прибоем? Пожалуй, иного не дано. Даже если какая-либо сделка возможна, не могут же они вчетвером просто пройти назад по песку всю эту милю, вернуться в город и пожелать друг другу счастливого пути на ступенях, ведущих к аллее. Нет, это конец. Впрочем, так ли? С севера сквозь темно-синие сумерки послышался захлебывающийся от скорости дребезжащий звук лодочного двигателя, и Бонд увидел сначала бурун у носа судна, а потом и нечеткие еще очертания одной из спасательных лодок типа «Бомбар», надувной резиновой плоскодонки с единственным двигателем «Джонсон» на корме. Их таки заметили! Может быть, заметила береговая охрана? О, вот оно, спасение! Ну уж он покажет этим головорезам, дайте только добраться до полицейского участка в Старом порту! Как же, однако, объяснить историю с девушкой?

Бонд взглянул на мужчин. И сразу же почувствовал что-то неладное. Они закатали брюки до колен и спокойно ждали, держа ботинки в одной руке, а оружие в другой. На чудесное избавление рассчитывать не приходилось. Это продолжение той же серии. Ну и ладно. Не обращая внимания на тех двоих, Бонд наклонился, закатал брюки так же, как они, и, пока возился с носками и ботинками, зажал в руке один из ножей, спрятанных в каблуке, потом, повернувшись вполоборота в сторону лодки, которая уже достигла мели, переложил его в правый карман брюк.

Не было произнесено ни слова. Девушка первой забралась в лодку, за ней Бонд, затем последовали те двое, они же помогли завести мотор на корме. Рулевой, ничем не отличавшийся от простого французского рыбака, промышляющего в глубоких водах, развернул тупой нос «Бомбары», дал полный вперед, и они поплыли в северном направлении по ударяющим в корму волнам: золотистые волосы девушки развевались за ее спиной и нежно касались щеки Джеймса Бонда.

— Трейси, вы можете простудиться. Вот, накиньте мой пиджак.

Она протянула руку, помогая ему накинуть пиджак ей на плечи. В этот момент руки их соприкоснулись, она пожала его ладонь. Что за черт? Бонд придвинулся ближе и почувствовал ее ответное движение. Он бросил взгляд на тех двоих. Они сидели, сгорбившись на ветру, держа руки в карманах, настороженные, но как бы безразличные. Быстро таяла позади, пока не превратилась в "золотистое свечение на горизонте, цепочка огней — это был Руайаль. Правой рукой Бонд нащупал в кармане нож, наличие которого несколько успокаивало, и осторожно провел большим пальцем по лезвию, острому как бритва.

Пока он раздумывал о том, как и когда сможет использовать это оружие, подсознательно проигрывал в памяти все, что случилось с ним за прошедшие сутки, стараясь понять, что бы все это могло значить.

2. Туризм по большому счету

Почти ровно сутки назад Джеймс Бонд осторожно вел свою машину, старенький «Континентл Бентли» — шасси типа "Р" с мощным шестицилиндровым двигателем и задними ведущими, коэффициент полезного действия 13:40, — на котором он ездил уже три года; он вел машину по скоростной, но однообразной трассе № 1, соединяющей Аббевилль с Монтре, по пути, которым туристы из Англии возвращаются домой — самолетом компании «Силвер сити Эрзуэйз» из Ле-Туке или паромом из Болоньи или Кале.

Он ехал быстро, но с безопасной скоростью, делая 80—90 миль в час, бросив педаль газа и поставив автомат, который встроен во все машины класса «ралли», и

мысли его были целиком заняты составлением письма о добровольной отставке, об уходе из Секретной службы.

Письмо, адресованное «лично М.», выглядело уже примерно так: "Сэр, имею честь просить Вас принять мою немедленную отставку из Секретной службы.

Причиной подачи данного прошения, которое я вручаю Вам с большим сожалением, является следующее:

(1) Мои обязанности в Службе до прошлого года были связаны с деятельностью отдела 00, и Вы, сэр, были настолько любезны, что время от времени выражали свое удовлетворение моей работой, от которой и я получал большое удовольствие. Однако, к моему большому огорчению (Бонду очень понравилось это слово — «огорчение»), после успешного завершения операции «Гром» от Вас лично я получил инструкции сосредоточить свои усилия, без указания даты исполнения (еще одна великолепная фраза!), на поисках Эрнста Ставро Блофелда и его задержании вместе с любыми другими членами организации СПЕКТР — Специального исполнительного комитета по контрразведке, терроризму, ответным действиям и принуждению, если эта организация была создана вновь после ее разгрома при завершении операции «Гром».

(2) Я неохотно принял, как вы, наверное, помните, это новое назначение. Мне казалось, и я тогда же об этом заявил, что подобная чисто следовательская работа может быть с равным успехом выполнена при помощи обычных полицейских методов другими отделами Службы — местными резидентами, союзническими зарубежными секретными службами и Интерполом. Мои возражения были отклонены, и почти год я вынужден был заниматься в разных точках земного шара обычной детективной работой, которая заключалась в проверке любых незначительных слухов, любых возможных версий и ни к чему не привела. Я не обнаружил никаких следов этого человека или возрожденного СПЕКТРа, если он вообще существует.

(3) Мои многочисленные просьбы освободить меня от этой утомительной и бесплодной работы, даже когда я обращался к Вам лично, были либо проигнорированы, либо, иногда, даже не выслушаны, мои частые уведомления, выдержанные в критическом духе (тоже неплохое выражение), о том, что Блофелд мертв, расценивались, мягко говоря, недостаточно вежливо. (Ловко! Может, даже слишком ловко!)

(4) Упомянутые выше неблагоприятные обстоятельства достигли своего апогея, когда я выполнял секретное задание (см. Дело R'S PX 437/007) в Палермо, охотясь за неким невероятно вероломным зайчиком. Животное это приняло облик некоего Блоэнфелдера, весьма респектабельного немца, занимающегося виноградарством — в частности прививками мозельского и сицилийского сортов, дабы увеличить содержание сахара в последнем, который, между прочим, да будет Вам известно (здесь, пожалуй, без соответствующей редакции не обойтись!), может прокисать. Расследование деятельности указанного субъекта обратило на меня внимание мафии, и миссия моя на Сицилии закончилась, мягко выражаясь, бесславно.

(5) Сэр, обращая Ваше внимание на вышеизложенное и в особенности на факт продолжительного использования моих возможностей не по назначению — пусть возможности эти скромны, хотя прежде они позволяли выполнять трудные, а для меня и более интересные задания, связанные с деятельностью отдела 00, я нижайше прошу принять мою отставку.

Примите уверения в моем почтении, 007".

Конечно, размышлял Бонд, пока плавно вписывал длинные корпус своей машины в крутой поворот, ему придется переписать большую часть письма. Некоторые места слишком напыщенны, в двух-трех предложениях надо будет избавиться от сарказма и несколько смягчить тон. Но это было главное из того, что он продиктует своей секретарше, когда послезавтра вернется в офис. А если она

разревется, ну и черт с ней! Он так хотел. Ей-богу, хотел. Он был сыт по горло погоней за тенью Блофелда, и уже в зубах у него навяз этот СПЕКТР. Организация была разгромлена, и даже человек такого ума, как Блофелд, если, конечно, предположить невозможное и считать, что он жив, никогда не сможет возродить дело, поставив опять на колеса машину такого класса.

Произошло это как раз на том участке дороги длиною в десять миль, что проходит через лес. Усиленно сигналив, так что могли лопнуть барабанные перепонки, мимо него промчалась низкая двухместная белого цвета «Ланция фламения загато спайдер» с опущенным верхом. «Ланция», резко подрезав его, проскочила у самого капота и исчезла на бешеной скорости; призывный звук ее двойной выхлопной трубы эхом откликнулся среди деревьев. За рулем сидела девушка в ярко-малиновом шарфике на голове, шарфик развевался на ветру, стелился изящной красноватой змейкой.

Если и было что-то в жизни Бонда, что могло вывести его из равновесия, не считая «забав» с применением оружия, так это ситуация, когда тебя на большой скорости обгоняет хорошенькая девчушка, а по опыту он знал, что девчушки, носящиеся с такой скоростью, всегда чертовски милы — мимо не пройдешь. Стремительный ураган, только что унесшийся прочь, отключил мозг, сразу вышиб все мысли; заставил перейти на ручное управление. Растянув губы в улыбке, он до конца прижал к полу педаль газа, заложил крутой вираж и помчался вслед за ней.

На спидометре 100, 110, 115, а он все еще не поравнялся с ней. Бонд нажал красную кнопку на приборной доске. Раздался тонкий пронзительный звук двигателя, больно резанувший слух, и «Бентли» рванулся вперед. 120, 125! Теперь он нагонял ее. 50 ярдов, 40, 30! Он уже видел в зеркале заднего обзора ее глаза. Но хорошая дорога кончалась. Одно из тех предупреждений, которыми французы обозначают опасный участок, промелькнуло справа от него. Впереди, за подъемом, виднелся шпиль церкви, группа домов какой-то деревушки, расположившейся у подножия крутого холма, мелькнул еще один знак, предостерегающий о целой серии поворотов. Обе машины сбавили скорость — 90, 80, 70. Бонд видел, как вспыхивали задние габаритные огни ее машины, как правая рука переключала рычаг передач; сам он почти одновременно делал то же самое. Затем оба они оказались на резком вираже на булыжной мостовой, и ему пришлось притормозить; с завистью следил он за тем, как дионовский ведущий мост ее машины мгновенно адаптировал задние колеса к езде по неровной дороге, в то время как его примитивная механика позволяла чувствовать каждый ухаб и вырывала руль из рук. И вот уже деревья остались позади, идущая впереди машина, вильнув хвостом, вышла из поворота и понеслась по прямой дороге, как будто за ней черти гнались, — он отстал ярдов на 50.

Гонка продолжалась в том же духе: то Бонд догонял ее по прямой, то отставал ровно на столько же, когда они проезжали через деревни и знаменитая конструкция «Ланции» помогала ей держать дорогу; машину, надо признать, она вела великолепно и бесстрашно. Наконец показался большой дорожный знак с рекламой компании «Мишelin»: до Монтре — 5 миль, Руайаль-Лез-О — 10, Ле-Туке-Пари-пляж — 15. Он гадал, куда же она направляется, и уже думал о том, не следует ли ему выкинуть из головы Руайаль и тот вечер, который он собирался провести в тамошнем известном казино, не лучше ли последовать за ней, куда бы она ни свернула, и выяснить, кем же является этот дьявол во плоти.

Однако принять какое-либо решение он так и не успел. Монтре — город опасный, с кривыми улочками, вымощенными булыжником, интенсивным потоком местных подвижных средств. При въезде в город Бонд был на расстоянии все тех же 50 ярдов от ее машины, но на его большом автомобиле было слишком рискованно лавировать так, как она, и к тому времени, как город остался позади и Бонд выехал на развилку над трассой Этабль — Париж, она уже исчезла. Вот и левый поворот на Руайаль.

Вроде бы можно различить на повороте облачко пыли, или ему показалось? Бонд повернул — что-то подсказывало ему, что он увидит ее опять. Наклонившись вперед, он вновь нажал на красную кнопку — надрывный звук двигателя замер, в машине стало почти тихо, теперь он ехал ровно, расслабившись. Не загнал ли он двигатель? Несмотря на предупреждение представителя компании «Роллс-ройс», выдержанное в торжественных выражениях, он установил в машине — вернее, это сделал его любимый механик на автобазе штаб-квартиры Службы — нагнетатель Арно, который был связан с магнитным сцеплением. На «Роллс-ройсе» сказали, что подшипники коленчатого вала не выдержат перегрузок, и, когда он сознался в уже совершенном проступке, они с сожалением, но весьма решительно лишили его гарантийных прав, отказавшись от своего незаконнорожденного дитя. Сейчас впервые он попробовал ехать со скоростью 125 миль в час, и стрелка тахометра колебалась в красной зоне на отметке 4500, что было очень рискованно. Но температура и масло были в норме, и никаких вроде посторонних шумов, предупреждающих о поломке. Черт возьми, разве он не получил удовольствие, прокатившись с ветерком!

Джеймс Бонд не спеша ехал через живописный пригород Руайаля, мимо молодых буков и пахучих сосен, предвкушая приятный вечер и предаваясь воспоминаниям о других своих визитах сюда, особенно ему запомнились сражения за зеленым сукном с Ле Шифром — как давно это было. Он много пережил с тех пор, не раз смотрел смерти в глаза, любил разных женщин, но именно поездки в это местечко были всегда полны драматизма и остроты, именно сюда, в Руайаль, влекло его каждый год, сюда — в казино и к крошечному церковному дворику с небольшим гранитным крестом, на котором было начертано — просто и без затей — «Уэспер Линд. Спи спокойно».

Ну а что теперь припасено для него в этом местечке в такой прекрасный сентябрьский вечер? Большой выигрыш? Крупный проигрыш? Какая-нибудь красotka? Может быть — та самая симпатичная девчушка?

Но сперва — игра. Был последний уик-энд перед закрытием сезона. Именно сегодня, в эту субботу, в казино «Руайаль» состоится прощальный вечер. Это всегда событие, туристы приедут даже из Бельгии и Голландии, не говоря о состоятельных постоянных клиентах из Парижа и Лилля. Кроме того. Объединение по обслуживанию туристов морского курорта Руайаль по традиции приглашает всех своих подрядчиков и поставщиков — бесплатное шампанское рекой и разнообразный обильный буфет: необходимо вознаградить жителей города за напряженный труд во время туристского сезона. Это грандиозная попойка, которая никогда не заканчивается раньше утра следующего дня. Столы будут ломиться от яств, а игра пойдет по-крупному.

У Бонда были кое-какие наличные деньги — 1 миллион франков, старых франков конечно, то есть что-то около 700 фунтов стерлингов. Он всегда считал свои деньги в старых франках. Так он лучше ощущал весомость имеющегося капитала. С другой стороны, все расходы по службе он подсчитывал в новых франках, потому что тогда они не казались такими большими, хотя вряд ли это его мнение разделял главный бухгалтер в штаб-квартире. Миллион франков! Сегодня вечером он — миллионер. Остаться бы им до завтрашнего утра!

Вот он уже въезжает на Променад-дез-Англе, а вот и внушительный фасад отеля «Спленид», выдержанный в имперском стиле. И здесь — какая удача — на дорожке, изгибающейся дугой, прямо у лестницы стояла маленькая белая «Ланция», и как раз в этот момент носильщик в полосатом жилете и зеленом фартуке нес ко входу в гостиницу два чемодана фирмы «Виттон».

Вот так так!

Джеймс Бонд втиснул свой автомобиль среди других роскошных — на миллион фунтов с лишним — машин на стоянке, сказал тому же носильщику, который теперь

вытаскивал из «Ланции» мелкую, но шикарную кладь, чтобы захватил наверх и его вещи, а сам направился к столу регистрации. Увидев Бонда, администратор поспешно оттеснил клерка и приветствовал постоянного клиента широкой улыбкой, обнаружившей все его золотые коронки; администратор уже сообразил, что, оперативно доложив о прибытии Бонда, можно удостоиться похвалы начальника полиции, служебное рвение которого, в свою очередь, отметят, как только он сделает соответствующее сообщение по телетайпу в Париж, во Второе управление и Службу безопасности.

— Кстати, мсье Морис — спросил Бонд, — а кто эта дама, которая только что приехала вон в той белой «Ланции»? Она у вас остановилась?

— Да, конечно, командер. — Бонд увидел еще одну приветливую улыбку, добавившую два новых золотых зуба ко всем прочим. — Эту даму здесь хорошо знают. Ее отец — крупный промышленник с юга. Это графиня Тереза ди Вичензо. Мсье, должно быть, читал о ней в газетах. Графиня — настоящая светская дама, она, как бы это выразиться, — улыбка его стала выражать тайну, понятную только мужчинам, — леди, скажем так, вкушающая все радости жизни.

— Ах так! Благодарю вас. Как прошел сезон?

Малозначительный вежливый разговор продолжался все время, пока администратор лично провожал Бонда до лифта, он поднялся вместе с ним, довел до отведенного номера, выдержанного в серо-белых тонах эпохи Директории, с кроватью под покрывалом темно-розового цвета, которую Бонд так хорошо помнил. Напоследок они еще раз обменялись любезностями, и администратор оставил Бонда одного.

Бонд был слегка раздосадован. Пожалуй, ее титул слишком высок для него, и вообще ему не нравились женщины из разряда, скажем, кинозвезд, потому что они, как ни крути, были все-таки достоянием массовой публики. Ему же по душе женщины, ничем не выдающиеся, женщины, которых он находил сам и которые принадлежали только ему. Возможно, в этом был такой-то внутренний снобизм. А может быть, что того хуже, он считал так потому, что знаменитости всегда менее доступны.

Внесли два его потрепанных чемодана, и он не спеша распаковал их, затем заказал в номер бутылку белого вина «Тейттингер», которое обычно пил, когда бывал в Руайале. Когда принесли бутылку в серебряном ведре со льдом, он сразу выпил четверть ее содержимого, а потом отправился в ванную и принял холодный душ, вымыв голову «Эликсиром Пино», наилучшим из всех шампуней, — долой дорожную пыль. Затем он надел летние темно-синие брюки из тонкой шерсти, белую легкую рубашку из хлопчатобумажной ткани, носки и черные повседневные туфли без шнурков (к шнуркам он питал отвращение), сел у окна, посмотрел на аллею, ведущую к морю, и задумался, где бы ему сегодня поужинать.

Джеймс Бонд не был гурманом. В Англии он питался жареной камбалой, вареными яйцами и холодным ростбифом с картофельным салатом. Но когда оказывался за рубежом, как правило в одиночестве, каждая трапеза становилась приятным событием, которого он с нетерпением ждал, которое призвано было снять напряжение после гонки на автомобиле, когда приходилось то самому идти на риск, то избегать опасности, проскакивая иногда на волосок от гибели, и при этом еще постоянно занимать свои мысли тем, а выдержит ли такие перегрузки его машиненка. На этот раз, однако, совершив длительный вояж от итальянской границы, которую он пересек в местечке Вентимилья, и потратив на дорогу три дня, не ущемляя собственного комфорта (с какой, в самом деле, стати нестись ему сломя голову в штаб-квартиру!), он был уже пресыщен всеми этими приманками для новичков-туристов, любящих поесть. Роскошные рестораны, старые трактиры, живописные забегаловки — с него достаточно. Он знает цену их кухне и винным погребок. Он отведал все, на что способны шеф-повара, откушал их фирменные

блюда, как правило, подаваемые под чересчур густым соусом из сливок и вина, плюс несколько грибов, дабы скрыть отнюдь не отменное качество мяса или рыбы. У Бонда был особый ритуал смакования — вкушения вина и еды, — хотя при этом ему и приходилось поглощать в огромном количестве бизодол, способствующий надлежащей работе пищеварительного тракта.

Местное французское чревоугодие отразилось на нем самым неблагоприятным образом прошитым вечером. Желая избежать остановки в Орлане, он выбрал тихое местечко к югу от этого негостеприимного города, где нашел небольшую гостиницу, стилизованную под бретонский постоялый двор и располагавшуюся на южном берегу Лауры. Несмотря на то что гостиница утопала в цветах, выставленных на подоконниках, и вся была выложена бутафорскими бревнами, не обращая внимания на фарфорового котика, охотившегося за фарфоровой птичкой на остроконечной крыше, Бонд остановился здесь просто потому, что трактир находился прямо на берегу Лауры, возможно, самой любимой им реки в мире. Он стоически старался не замечать висящих по стенам кованых медных сковородок, разных латунных кухонных принадлежностей и другой древней атрибутики, заполнявшей весь вестибюль; он оставил вещи в номере и с удовольствием отправился на прогулку вдоль берега плавно текущей реки, над которой носились ласточки. Вид столовой, где он оказался вместе с горсткой туристов, вызывал тревогу. Над электрическими поленьями и с блеском начищенным каминным прибором висел щит с гербом из пластика, на котором было начертано нечто ужасное: «Ледяная сладкая Франция». На всех тарелках кошмарного местного производства красовалась рифмованная фраза, смысл которой было нелегко уловить: «Не где-то там и вообще, а именно здесь и в вине». Угрюмый (так как подошел уже конец сезона) официант подал ему крошечный кусочек домашнего паштета (и тут же был отослан за другим кусочком) и пулярку под кремом, которая, должно быть, была древней всего другого антиквариата в этом месте. Бонд проглотил эту безвкусную еду без всякого аппетита, запил ее бутылкой все растворяющего «Пуйи-Фьюиссе» и на следующее утро долго возмущался, увидев счет за ужин, который обошелся ему больше пяти фунтов стерлингов.

Дабы избавиться от неприятных воспоминаний, связанных с расстройством желудка. Бонд и сидел теперь у окна, потягивая свой «Тейттингер» и взвешивая все за и против относительно местных ресторанов, размышляя над тем, какие блюда стоит рискнуть попробовать. Наконец он остановил свой выбор на ресторане, лучше которого, по его мнению, не было во всей Франции, — это скромное заведение располагалось в неказистом месте, прямо напротив железнодорожного вокзала в Этапле. Бонд позвонил своему старому знакомому мсье Беко и заказал столик. Через два часа он уже возвращался назад в казино, переваривая вареную рыбу тюрбо под соусом со взбитыми сливками и половинную порцию прекрасно зажаренной куропатки — лучше этого он ничего не едал.

Воодушевленный и подогретый полубутылкой «Мутон Ротшильда» разлива 1953 года и стаканчиком «Кальвадоса» десятилетней выдержки, пропущенного вместе с тремя чашечками кофе, он бодро поднимался по людной лестнице казино и был совершенно уверен, что предстоит ночь, которую он запомнит надолго.

3. Позорный гамбит

(Наконец лодка обогнула буй, сигнал которого звучал вполне меланхолично и, тархтя, стала медленно подниматься вверх по речке Руайаль, идя против течения. На правом берегу показались веселые огоньки эспланады со специально оборудованными причалами — рай для яхтсменов, любителей пересекать Ла-Манш. У Бонда мелькнула мысль дожидаться того момента, когда они поднимутся чуть выше по реке, а потом полоснуть ножом по бортам и днищу резиновой лодки да пуститься

вплавь. Но в ушах его уже стоял грохот выстрелов, свист пуль и всплески от них вокруг его головы, он будет все это слышать до тех, вероятно, пор, пока ярко не взорвется свет, и с последней вспышкой сознания он поймет, что наконец-то получил одну из пуль. А как же девушка, хорошо ли она плавает, сможет ли достичь берега при таком сильном течении? Бонд сильно замерз. Он теснее прижался к ней и вернулся к воспоминаниям о прошлом вечере, пытаясь найти в них ключ к разгадке.)

Пройдя по длинному вестибюлю мимо витрин «Ван Клифа», «Ланвина», «Гермеса» и тому подобных фирменных магазинчиков, сделав короткую остановку у длинной стойки с рядами картотечных ящичков, уплатив за входной билет, дающий право на игру, благополучно миновав цепкий оценивающий взгляд специально нанятого физиономиста, стоявшего у входа в зал, получив у тех же дверей поклон от разодетого привратника, Джеймс Бонд оказался в чреве великолепной, благоухающей игорной машины.

На секунду он задержался у кассы, ноздри его трепетали, впитывая запахи толпы, этого наэлектризованного и элегантного собрания; помедлив еще немного, он не спеша пересек зал и подошел к крайнему столу, за которым играли в железку, — рядом был вход в роскошно отделанный бар; здесь он обратил на себя внимание мсье Поля, главного распорядителя этой в высшей степени стоящей игры. Мсье Поль кивнул служителю — Бонда проводили к месту под номером семь, зарезервированному для него. Служитель быстро прошелся щеткой по зеленому сукну с внешней стороны линии, отделяющей зону игрока, находящегося за столом, — это та самая знаменитая черта, которая послужила причиной раздора в Трэнби Крофт, когда в дело оказался замешан король Эдуард VII, — протер пепельницу и выдвинул кресло для Бонда. Бонд сел. Футляр с картами находился на другом конце стола, у места под номером три. Бодрый, спокойный. Бонд всматривался в лица других игроков, пока еще один служитель разменивал его стотысячный жетон на десять кроваво-красных фишек стоимостью десять тысяч каждая. Бонд сложил их перед собой в аккуратную стопку и стал наблюдать за игрой, минимальная ставка в которой, как он заметил на табличке, укрепленной между висящими над столом лампами с зелеными абажурами, равнялась ста новым франкам, или десяти тысячам старых. Он принял, однако, во внимание, что каждый банкующий открывал игру, ставя на кон пятьсот новых франков — солидная сумма — порядка сорока фунтов для начала.

Состав игроков представлял из себя обычную интернациональную смесь — три текстильных магната из Лилля в смокингах с большими плечами; парочка полных дам в бриллиантах — вероятно, они прибыли из Бельгии; крошечная англичанка, чем-то похожая на Агату Кристи, она играла аккуратно и не без успеха, наверное, владелица какой-нибудь виллы; два американца средних лет в темных костюмах, они вели себя оживленно и были слегка выпивши, должно быть, приехали из Парижа; и — Бонд. Зеваки и случайные понтеры окружали стол двумя рядами. Девушки не было!

Игра протекала спокойно. Футляр с картами медленно перемещался по столу, каждый банкующий по очереди проигрывал на третий раз — есть нечто фатальное в этой цифре: это своего рода звуковой барьер при игре в железку, стоит его только преодолеть — и дальше все пойдет как по маслу. Каждый раз, когда наступала очередь Бонда, ему хотелось смириться с тем, что удалось выиграть и передать банк, не начиная третью игру. И каждый раз в течение почти часа он упрямо повторял себе, что комбинация карт вот-вот изменится, а если так — почему бы именно в его банк не случиться такому? Ведь карты не имеют памяти и в какой-то момент должны разложиться надлежащим образом. И каждый раз, так же, как и другие игроки, он брал третью карту. Футляр опустел. Бонд, оставив фишки на столе, пошел посмотреть на игру остальных, он постоял у рулетки, взглянул, как играют в «30—40», поинтересовался тем, что творится там, где в разгаре баккара, — он надеялся

увидеть ту девчушку. Когда она обходила его автомобиль на своей «Ланции» в тот вечер, он успел заметить лишь ее светлые волосы и правильные, довольно решительные черты лица. Однако уверен был, что сразу же узнает ее — интуитивно — при помощи той ниточки животного магнетизма, которая связала их во время гонки по дороге. Но ее нигде не было.

Бонд вернулся к столу. Крупье складывал шесть колод в продолговатый блок, который вскоре должен был занять свое место в ожидающем карты футляре. Так как Бонд находился рядом, крупье предложил ему нейтральную красную карту с чистой рубашкой, которой нужно было прорезать блок. Бонд зажал карту между пальцами и с нарочитой медлительностью прорезал ею сложенные вместе колоды, как ему показалось, чуть ли не посередине. Крупье улыбнулся при виде его движений и этой медлительности, с ловкостью фокусника перетасовал карты таким образом, что красная сигнальная карта, возвещающая об окончании игры, должна была бы появиться в прорези футляра тогда, когда в нем оставалось ну никак не больше семи карт: затем он поместил длинный блок колод в футляр, прижал их металлическим держателем и объявил громко и четко: «Мсье (слово „мадам“ по традиции не произносится, так как со времен королевы Виктории повелось считать, что дамы в азартные игры не играют), игра сделана. Банкет номер шестой». Главный распорядитель, восседавший на возвышении позади крупье, принял это заявление к сведению, служители пригласили отошедших от стола игроков вернуться на свои места, и игра продолжалась.

Джеймс Бонд уверенно выиграл у магната из Лилля, сидевшего справа от него, он добавил в банк несколько мелких фишек, удвоив его до двух тысяч новых франков — двухсот тысяч старых.

Бонд выиграл первую партию, а также следующую. Ну — теперь одолеть третьего игрока и пуститься во все тяжкие. Он выиграл девяткой, как будто иначе и быть не могло! В банке (как полагал Бонд) лежало восемьсот тысяч франков! И снова он выиграл, но на этот раз не так легко: против пятерки партнера у него оказалась шестерка. Тут он решил проявить осторожность и отложить определенную сумму. Он попросил, чтобы шестьсот тысяч из миллиона шестисот в банке «поставили на прикол», вывели из игры, теперь он мог проиграть только оставшийся миллион. Но он снова выиграл. На сей раз он «поставил на прикол» целый миллион. А в банке вновь остался прежний миллион — ему в любом случае перепал солидный куш в миллион шестьсот тысяч франков. Теперь, однако, у него появились трудности с крупными ставками. Сидящие за столом стали осторожничать с этим смуглым англичанином, который играл так спокойно, их насторожила его уверенная усмешка, появившаяся на жестко очерченных губах. Кто он? Откуда явился? Чем занимается? Сидящие за столом строили догадки, возбужденно перешептывались. Он прошел уже шесть кругов. Может, он, наконец, решит сохранить то, что попало в его карман, и передаст банк дальше? Или будет продолжать метать? Ведь карта изменчива! Но Джеймс Бонд уже все для себя решил. Карты не помнят поражений. Так, значит, они не помнят и побед. Он прошел еще три круга, каждый раз «ставя на прикол» по миллиону, и вдруг та самая крошечная старушка-англичанка, которая пропустила несколько игр, предоставляя право проигрывать другим, на десятом круге вступила в игру; Бонд улыбнулся ей через стол, зная, что она выиграет. Так и произошло, она нанесла ему позорное поражение: против ее единицы у Бонда оказался «буш» — три короля, что в сумме равнялось нулю.

Вокруг стола пронесся вздох облегчения. Колдовство кончилось! Послышался завистливый шепот, когда крупье через весь стол подвинул к Бонду своей плоской лопаточкой перламутровые фишки, возвышавшиеся стопкой высотой почти в фут, — четыре миллиона шестьсот тысяч франков, добрых три тысячи фунтов стерлингов. Бонд бросил одну фишку в сто новых франков крупье и услышал в ответ

традиционное «Мерси, мсье! Это для обслуживающего персонала». И игра пошла своим чередом.

Джеймс Бонд закурил сигарету и почти перестал следить за тем, как футляр с картами передвигается от него по столу. Он выиграл кучу денег, черт побери! Целую кучу денег! Теперь следует проявить осторожность. Надо поприжать денежки. Впрочем, чрезмерная осторожность может повредить, совсем зажиматься не стоит. Вечер выдался на славу. Стрелки часов едва перевалили за полночь, и ему еще не хотелось уходить. Будь что будет! Он опять станет банковать, когда подойдет его очередь, но не сделает ни одной ставки против кого-либо другого. Карта пошла опасная. Его последняя партия показала это. Теперь банк держат партнеры и, рискнув пойти ва-банк, можно легко прогореть.

Бонд был прав. Как только футляр с картами дошел до пятого номера, попал к одному из лилльских магнатов, сидевшему через одного от Бонда, игроку шумному, с плохими манерами, не вынимавшему изо рта сигару, вставленную в янтарный, отделанный золотом мундштук, который просто терзал карты сильно наманикюренными толстыми пальцами и швырял их на стол, как немец, играющий в таро, он легко выиграл у третьего партнера и пошел дальше, не останавливаясь. Бонд, следуя своему плану, не стал обращать на это внимания — и вот уже к шестому кругу в банке стояло двадцать тысяч новых франков — двадцать миллионов старых, все сидящие за столом вновь стали осторожничать. Никто не спешил расставаться с деньгами.

Крупье и распорядитель игры громко объявили:

— В банке двадцать тысяч. Делайте ставки, господа. Банк ждет! В банке двадцать тысяч!

Тут-то она и появилась! Возникла ниоткуда и встала рядом с крупье. Бонд успел заметить лишь руки, тронутые загаром, прекрасное, с золотистым оттенком лицо, сверкающие голубые глаза и шокирующие розовые губы. Она была одета в простое белое платье, густые пшеничные волосы струились по плечам. Как гром среди ясного неба прозвучало:

— Ва-банк!

Все уставились на нее, замерев на какое-то мгновение. Затем раздался голос крупье: «Ставки сделаны», — и это животное из Лилля (теперь Бонд относился к нему только так) стало выдирать карты из футляра: крупье на лопаточке передал их в сторону девушки.

Она нагнулась к столу, было видно, как чуть-чуть разошлась на груди V-образная складка.

— Карту.

У Бонда упало сердце. На руках у нее, конечно же, не больше пятерки. Чудовище перевернуло свои карты. Семерка. Затем этот монстр выгреб одну карту для девушки и небрежно швырнул ее через стол. Идиотская дама!

Крупье осторожно перевернул две ее другие карты кончиком своей лопаточки. Четверка! Она проиграла!

Бонд внутренне застонал и бросил взгляд через стол, чтобы увидеть ее реакцию.

Представившаяся ему картина внушала опасение. Настойчивым шепотом девушка пыталась в чем-то убедить распорядителя игры. Он раскачивал головой, по щекам его катились капельки пота. В тишине, которая воцарилась вокруг стола, в той паузе, когда те, кто почувствовал скандал, готовый вот-вот разразиться, уже потирали руки, Бонд услышал, как распорядитель твердо произнес:

— Это невозможно. Весьма сожалею, мадам. Урегулируйте этот вопрос в кассе.

Среди зевак и играющих скользкой змейкой пополз самый ужасающий в любом казино шепоток: «Нечестная игра! Бесчестье! Какой позор! Позор!»

— «Боже мой, — подумал Бонд. — Она влипла! У нее нет денег! И по той или иной причине, но кредит ей в кассе не предоставят».

Лилльский монстр наслаждался создавшейся ситуацией. Он прекрасно знал, что в любом случае казино выплатит все, что ему причитается. Откинувшись в кресле, он попыхивал сигарой, изображая из себя несправедливо обиженного.

Бонд понимал, что позор этот будет следовать теперь за девушкой постоянно. Профсоюз казино Франции спуска не дает никому. Да иначе и нельзя. Завтра же повсюду разошлют телеграммы: «Мадам графиню Терезу ди Вичензо, паспорт номер такой-то, занести в черные списки». Для нее будут закрыты все казино Франции, Италии, вероятно, также Германии, Египта и, с сегодняшнего дня, Англии. Это все равно что прослыть ненадежным клиентом страховой компании «Ллойда» или фирмы «Дан энд Брэдстрит», страхующей горожан на все случаи жизни. В Америке представители игорного бизнеса, по всей видимости, просто бы отдали приказ о ее ликвидации. Но и в Европе судьба ее незавидна. В кругах, где она предположительно вращается, все станут относиться к ней с предубеждением, как к особе, нечистой на руку. Это ведь не просто бесчестье. В хорошем обществе ее перестанут принимать, сделав изгоем.

Нисколько не заботясь о последствиях такого социального ostracism, думая только о чудесной девушке, которая на трассе Аббевилль-Монтре показала ему настоящее водительское искусство, Бонд слегка наклонился вперед. Он подвинул в центр стола две драгоценные перламутровые фишки. Слегка усталым, немного интригующим голосом он произнес:

— Прошу прощения. Мадам забыла, что мы с ней договорились сегодня вечером играть в паре. — И, не глядя на девушку, он уверенно обратился к распорядителю: — Извините. Задумался. Продолжим игру.

Напряжение вокруг стола спало. Впрочем, оно теперь связывалось с другим объектом, на девушку обращали меньше внимания. Правда ли то, что сказал этот англичанин? Должно быть, да! Ни одна девушка не стоит двадцати миллионов франков. Но раньше, насколько можно судить, они друг с другом не общались. Да и находились-то на противоположных концах стола. И делали вид, что не знают друг друга. А что же сама девушка? Она не проявила никаких эмоций. Лишь один раз прямо взглянула ему в лицо. Затем медленно отошла от стола, направляясь к бару. Определенно здесь было что-то странное, сразу в этом и не разобраться. Но игра возобновилась. Распорядитель украдкой провел платком по лицу. Крупье поднял голову, которая до этого, казалось, склонилась перед некоей эмоциональной гильотиной. И все вернулось на круги своя.

— Игра продолжается. В банке сорок тысяч!

Джеймс Бонд посмотрел перед собой на все еще внушительную стопку фишек, лежавших меж его скрещенных расслабленных пальцев. Неплохо было бы вернуть эти двадцать миллионов. На это могут уйти часы — пока еще в банке соберется подобная сумма и появится шанс. В конце концов, он уже играет на деньги, принадлежавшие казино! Его чистую прибыль составили деньги случайные, даже в случае проигрыша у него все равно останется небольшая сумма, ее хватит, чтобы расплатиться за ночлег в Руайале. И еще его страшно раздражал этот монстр из Лилля. Было очень заманчиво проиграть этот старый сюжет — сначала, как в сказке, спасти девушку, потом уничтожить чудовище. Да и пришла, наверное, пора, когда карта перестает идти в одни руки. Ведь сказано было уже — у карт нет памяти!

Пойти ва-банк Джеймс Бонд не мог, столько денег у него уже не оставалось, но полбанка он осилит, сыграет то, что называется «со столом», иначе говоря, другие игроки могут сделать ставки, отвечая за оставшуюся половину. Бонд, забыв о консервативной стратегии, которой он еще полчаса назад дал зарок следовать, слегка наклонился вперед и, произнеся «со столом», передвинул двадцать тысяч

новых франков за линию перед собой.

Вслед за его двадцатью тысячами на столе появилось еще столько же. Неужели же этот американец с зеленоватыми пальцами? Бонд с удовлетворением отметил, что и крошечная англичанка — Агата Кристи, поддержала его десятью тысячами. Хороший знак! Он взглянул на банкира — на человека из Лилля. Сигара в его мундштуке догорела, а губы в тех местах, что сжимали мундштук, побелели. По лицу его обильно катились капли пота. Он колебался — не прикрыть ли банк, сорвав и без того жирный куш, или все-таки рискнуть еще раз. Беспокойные свинячьи глазки бегали по столу, выискивая те четыре миллиона — все ли они здесь? — что должны были поставить против него.

Крупье, устав ждать, решил поторопить его, он твердо сказал:

— Ваше слово, мсье.

Человек из Лилля решился. Он шлепнул ладонью по футляру с картами, вытер руку о сукно стола и выдавил одну карту. Затем — одну себе, другую Бонду, четвертую опять себе. Бонд не стал тянуться за картами, он не хотел вторгаться на территорию игрока под номером шесть. Подождав, пока крупье подвинет карты к нему, Бонд приподнял их со стола, осторожно развернул веером, чтобы подсчитать очки, вновь сложил и мягко опустил обратно на стол. У него была пятерка! Самая негодная карта, теперь надо было гадать — прикупать или нет. Шансы добрать до девятки или сделать перебор были равными. Бонд спокойно сказал «нет» и посмотрел на розовые рубашки двух таинственных карт, которые лежали перед банкующим. Тот перевернул их и с ожесточением бросил на стол — два валета. «Буш»! Ноль! Теперь только четыре карты могли побить Бонда и одна единственная — пятерка — сравняться с ним. Сердце Бонда затрепетало. Монстр полез к футляру, выдернул карту и бросил ее на стол. Девятка. Бубновая! Бубновая девятка! Лучше не бывает!

Дальнейшее было чистой формальностью — Бонд перевернул карты, открыл свою несчастную пятерку. Над столом раздался стон.

— Надо было прикупать, — сказал кто-то. Но сделай он это — вытащил бы ту же девятку и оказался бы с четырьмя очками, что еще хуже. Впрочем, все зависело от следующей карты, розовый язычок которой, скрывая свой секрет, дразнил из прорези футляра. Бонд справился с искушением взглянуть на нее. Натянуто улыбнувшись всем сидящим за столом, как бы извиняясь перед партнерами, оказавшимися вместе с ним в проигрыше, он смахнул оставшиеся фишки в карман пиджака, дал на чай служителю, который весь вечер следил за чистотой его пепельницы, и, отойдя от стола, направился к бару. За его спиной крупье торжественно объявил:

— В банке восемьдесят тысяч франков! Делайте ваши ставки, господа. В банке восемьдесят тысяч новых франков.

— «Пошли вы все к черту», — подумал Бонд. Полчаса назад у него было небольшое состояние. А теперь из-за своего романтического донкихотства, граничащего с безумием, он потерял все. Правда, пожав плечами, решил Бонд, разве не он хотел провести вечер так, чтобы тот запомнился надолго. Словом, первая часть приключений позади. А что же принесет вторая?

Девушка с отсутствующим видом одиноко сидела за столиком, перед ней стояла полупустая бутылка «Боллингера». Она едва взглянула на Бонда, когда он опустился на стул рядом с ней и сказал:

— Кажется, наш синдикат опять потерпел крах. Я попробовал отыгаться. Сыграл «со столом». А нужно было оставить эту скотину в покое. Я не стал прикупать к пятерке, а он вытащил «буш», а затем — девятку.

— Надо было прикупать, — вяло ответила она, — я всегда так делаю. — И тут же поправилась: — Но тогда бы у вас оказалась четверка. А какая шла следующая карта?

— Я не стал смотреть. Пошел искать вас.

Она посмотрела на него искоса — оценивающе.

— Почему вы решили выручить меня, когда я оказалась в этой постыдной ситуации?

Бонд пожал плечами.

— Красивая девушка в беде. Кроме того, сегодня вечером мы познакомились с вами на трассе Аббевиль-Монтре. Вы божественно водите машину. — Он улыбнулся. — Не думаю, однако, что вам удалось меня обогнать, если бы не задумался. Немного отвлекся, держал все время под девяното и совсем не следил за тем, что происходит сзади. Просто замечтался.

Гамбит удался. Ее лицо и голос приняли осмысленное выражение.

— Ну уж нет. Я все равно бы вас обошла. В деревушках я постоянно отрывалась от вас. И кроме того, — в ее голосе прозвучала горечь, — я всегда смогу обогнать вас. Ведь вы боитесь рисковать жизнью.

«Только этого не хватало, — подумал Бонд. — Еще одна со сложенными крылышками. Женщина, разочарованная в жизни. Женщина в депрессии». Он выдержал паузу, подождал, пока принесут заказанную им полубутылку «Крюга». Наполненный официантом наполовину бокал Бонд долил доверху. Поднял его и протянул в ее сторону.

— Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд. Пожалуйста, не умирайте. Во всяком случае, сегодня ночью. — Одним глотком он осушил бокал до дна и снова наполнил его.

Она внимательно посмотрела на него, словно принимая какое-то решение. Потом тоже выпила.

— Мое имя Трейси, — сказала она. — Это уменьшительное от того имени, что вам сообщил администратор гостиницы. Была такая святая — Тереза. А я вовсе не святая. Администратор в душе романтик. Он поведал мне о том, что вы интересуетесь мною. Ну что же, пойдемте? Говорить вроде не о чем. А награду вы заслужили.

Она резко поднялась. Смутившись, вскочил и Бонд.

— Нет. Пожалуй, я пойду одна. Приходите чуть позже. Я живу в 45-м номере. Там, если захотите, вас ждет сцена любви, едва ли не самая дорогостоящая в вашей жизни. Она обошлась вам в сорок миллионов франков. Будем надеяться, деньги выброшены не зря.

4. Все кошки серые

Она ждала, лежа в огромной постели, натянув простыню до подбородка. Светлые волосы разметались по подушке, как золотистые крылья, над которыми горел всего один ночничок, единственный источник света в комнате: ее голубые глаза ярко блестели, они горели такой страстью, что, будь здесь другая женщина или будь они в другом месте, Бонд объяснил бы это вполне определенным образом. Но перед ним была девушка, попавшая в стрессовую ситуацию, о причине которой Бонд мог только догадываться. Он закрыл за собой дверь, подошел к постели и сел на краешек кровати — решительно положил руку на ее левую грудь, выступавшую под простыней.

— Послушай, Трейси, — начал он, собираясь задать ей несколько вопросов, чтобы выяснить хотя бы что-то об этой необыкновенной девушке, которая творила безумные вещи — азартно играла за карточным столом, не имея ни гроша в кармане, или носилась на матине так, как если бы спешила на собственные похороны, и при этом вовсе не скрывала, что жить ей порядком надоело.

Но девушка, вскинув руку, мягко коснулась ею его губ, Бонд уловил запах «Оды» фирмы «Гуэрлейн».

— Я же предупредила: никаких разговоров. Раздевайся. Иди сюда. Ты ведь красивый и сильный. Я хочу запомнить, как все это может быть. Делай со мной что хочешь. И скажи мне, что тебе нравится, что бы ты хотел от меня. Не бойся сделать мне больно. Обращайся со мной, как с самой последней шлюхой. Забудь обо всем другом. И никаких вопросов. Я — вся твоя.

Через час Бонд тихо, стараясь не разбудить ее, выбрался из постели, оделся при свете уличных фонарей, мерцание которых едва проникало через шторы на окнах, и вернулся в свою комнату.

Он принял душ, нырнул в постель между прохладных накрахмаленных французских простыней и выбросил из головы все мысли о девушке. Прежде чем сон одолел его, он все-таки вспомнил ее слова, произнесенные, когда все кончилось: «Я на седьмом небе, Джеймс. Пожалуйста, приходи еще, когда проснешься. Я хочу повторить это еще раз». Потом она повернулась к нему спиной, не отвечая на его последние ласки, и почти сразу уснула — он, однако, успел услышать, что перед тем она успела всплакнуть.

Какого черта? Ночью все кошки серые.

Так это или не так?

Бонд спал.

В восемь часов утра он разбудил ее, и опять все было так же великолепно, как ночью. Но на этот раз ему казалось, что она прижимается к нему совсем нежно, целует не только страстно, но и с большим желанием. Однако затем, когда им следовало бы обсудить планы на день — где позавтракать, когда искупаться, — она сначала отвечала уклончиво, а потом, когда он стал настаивать, совсем по-детски нагрубила ему.

— Пошел-ка ты к черту! Слышишь? Получил, что хотел, а теперь убирайся!

— Разве ты не хотела того же?

— Нет. Черт меня побери — и любовник-то ты никудышный. Я сказала — убирайся!

Бонд понял, что она на грани истерики или, по крайней мере, на грани отчаяния. Он не спеша оделся, ожидая, что она вот-вот заплачет и тело ее, полностью прикрытое простыней, начнет содрогаться от рыданий. Но слез не было. Вот это уже совсем плохо! Как-никак девушка дошла до последней черты, до самой последней точки. Бонд почувствовал, что его охватывает волна нежности к ней, ему ужасно хотелось защитить ее, избавить от всех невзгод, сделать счастливой. Взявшись за дверную ручку, он мягко произнес:

— Трейси, позволь мне помочь тебе. Ты попала в беду. Но это не конец света. У меня тоже хватает проблем. У кого их нет?

Стандартная фраза прозвучала в тишине, освещенной солнцем комнаты подобно треску жарких поленьев на металлической решетке камина.

— Пошел к черту!

Открывая дверь и закрывая ее за собой, Бонд раздумывал, стоит ли хлопнуть как следует, дабы вывести девушку из этого состояния, или же тихо и беззвучно покинуть помещение. Дверь он прикрыл осторожно. Грубость здесь не поможет. Она уже испытала на себе чью-то грубость — где-то, как-то и больше чем достаточно. Он пошел прочь по коридору, впервые в своей жизни ощущая, что оказался, пожалуй, не на высоте.

... "Бомбар" поднималась вверх по реке. Они уже миновали гавань, по мере того как русло реки сужалось, течение усиливалось. Двое головорезов на корме по-прежнему не спускали с Бонда глаз. На носу лодки продолжала неподвижно сидеть девушка, подставив лицо ветру, похожая на фигуру, венчающую гордый профиль плывущего под парусами корабля. Единственное, что согревало Бонда, — прикосновение ее спины и рукоятки ножа. И тем не менее, как это ни странно, он

гораздо острее ощущал сейчас ее близость, это было нечто большее, чем порыв страсти, бросивший их в объятия друг друга прошедшей ночью. Почему-то он считал ее такой же пленницей, каким был сам. Как это? Почему? Далеко впереди, то тут, то там, засверкали огни Старого порта, который некогда стоял у самого моря, а теперь из-за причуд течений в проливе, обнаживших подступы к реке, оказался далеко от берега. Не пройдет и нескольких лет, как здесь построят новый порт, ближе к устью реки, сюда станут заходить океанские траулеры, на которых в Руайаль будут доставлять палтуса, омаров, крабов и креветок. По эту сторону огней попадались редкие мрачноватые, выдвинутые навстречу течению пирсы для частных яхт. А за ними располагались виллы с такими поэтическими французскими названиями, как «Розали», «Ты и я», «Лазурное гнездышко» или «Молодое поколение». Джеймс Бонд осторожно потрогал нож и почувствовал аромат духов «Ода», который донесся до него, перекрывая отвратительную вонь ила и гниющих водорослей. Он никогда раньше не стучал зубами от холода. А сейчас не мог сдержать эту дрожь, однако с челюстью своей все-таки справился и вновь предался размышлениям.

Обычно завтрак был важным моментом в распорядке дня Бонда, но в это утро он почти не замечал, что ел, поспешно закончил трапезу и уселся у окна, поглядывая на аллею для прогулок, зажигая одну сигарету за другой и непрестанно думая о девушке. Он почти ничего о ней не знал, даже национальности. Имя ее звучало на средиземноморский манер, однако наверняка она не была ни итальянкой, ни испанкой. Ее английский безупречен, а одежда и все поведение выдавали привычку к роскоши — школу она закончила, вероятно, где-нибудь в Швейцарии. Не курила, пила, кажется, весьма умеренно, и — никаких признаков наркомании. Более того, ни на тумбочке около кровати, ни в ванной комнате он не обнаружил даже таблеток снотворного. Скорее всего ей лет 25, но в постели она вела себя как опытная и страстная женщина, которая, как говорят американцы, кое-что успела повидать. Она ни разу не засмеялась по-настоящему, лишь едва улыбалась. Казалось, она пребывала в глубокой меланхолии, страдала какой-то душевной апатией, которая, по собственному признанию, делала никчемной ее жизнь. И все-таки он не заметил ни одного из признаков, указывающих на то, что перед ним истеричная неврастеничка, — за прической своей она следила, косметикой пользовалась, вовсе не чувствовалось рядом с ней той атмосферы беспорядка и хаоса, которую создают вокруг себя женщины, страдающие этим недугом. Даже наоборот — кажется, у нее железная воля, завидное самообладание, она прекрасно знает, чего хочет, к чему стремится. А к чему же? Как помнится — все намерения ее безумны, по всей видимости — хочет покончить жизнь самоубийством, и прошедшая ночь — это как последнее желание.

Он посмотрел вниз на маленький белый автомобиль, который стоял теперь на стоянке недалеко от его машины. Ему надо постараться все время быть рядом с ней, проявить к ней участие, по крайней мере, пока он не убедится, что его кошмарные подозрения не имеют под собой почвы. Приняв это решение, Бонд сразу же позвонил вниз консьержу и попросил предоставить в его распоряжение «Симку аронд» с автоматическим реверсом. Да-да, пусть ее немедленно пригонят на стоянку. Он сейчас же передаст консьержу, которого просит завершить все формальности, свои международные водительские права и зеленую страховую карточку.

Бонд побрился, оделся, отнес документы и вернулся в номер. Он оставался там довольно долго, наблюдая за входом в отель и маленьким белым авто. Потом наконец-то появилась она, в купальном халате в черно-белую полоску, и Бонд бросился по коридору к лифту. Ехать за ней было нетрудно — вдоль прогулочной аллеи, машину она оставила на одной из стоянок; преследование это легко далось и крошечному неприметному «Ситроену-2CV», который был у Бонда на хвосте.

И именно тогда возникла эта цепочка тех, за кем следили, и тех, кто сам следил,

а теперь вот дело близится к концу, пока, правда, неясному, — лодочка «Бомбар» плыла под звездами вверх по речушке Руайаль.

Как же разобраться во всем, что произошло? Согласилась ли она сознательно стать приманкой или ее заставили? Его что, похитили? Если да, то его одного или их обоих? С целью шантажа или как? Это месть мужа или другого любовника? И должно ли здесь совершиться убийство?

Бонд все еще пытался найти ответы на эти вопросы, когда рулевой, развернув лодку поперек течения, направил ее в широкую излучину, в сторону полуразрушенного оголенного пирса, уступом отходящего от грязного берега. Он подвел лодку к самой стене пирса, кто-то включил мощный фонарь, выхвативший их из темноты, вниз упал, стукнув о лодку, канат, и суденышко подтащило к основанию грязной деревянной лестницы. Один из головорезов выбрался первым, за ним — девушка, белый край ее купальника соблазнительно выглядывал из-под пиджака Бонда, затем вышли Бонд и второй из этих типов. Лодка сразу же дала задний ход и поплыла дальше. Скорее всего, подумал Бонд, к месту обычной своей стоянки в Старом порту.

На пирсе находились еще двое мужчин, такого же примерно телосложения, как и остальные. Никто из них не произнес ни слова, пока, окружив кольцом девушку и Бонда, они вели их по пыльной дорожке, которая шла от пирса через песчаные дюны. В сотне ярдов от реки, укрытый во впадине между высокими дюнами, мерцал огонек. Когда Бонд подошел ближе, он увидел, что свет исходил из одного из тех огромных — рифленого алюминия — фургонов, которые, сочлененные гармошкой с кабиной водителя, с грохотом несутся по всем магистралям Франции, проползают через города и деревни, изрыгая клубы дизельного дыма и жутко шипя при торможении всеми гидравлическими узлами. Этот трейлер блестел и сверкал. Похоже, он был новехонький, а может, за ним просто хорошо смотрели. Когда они приблизились, человек с фонарем подал какой-то сигнал, и тотчас в овале распахнутой настежь двери фургона появилось продолговатое пятно желтого света. Бонд нащупал нож. Есть ли у него хоть один шанс? Шансов не было. Перед тем как подняться по ступеням внутрь фургона, он взглянул на номерной знак. Номер был коммерческий — «Марсель-Рона, мсье Драко. Электроприборы. 397694». Ну и что! Еще одна загадка!

Внутри, слава богу, было тепло. Между рядами сложенных штабелями картонных коробок, на которых стояли названия известных фирм, выпускающих телевизоры, был проход. Камуфляж? Тут же валялись сложенные стульчики, видно было, что здесь только что играли в карты. Вероятно, они находились в помещении охраны. Дальше, по обе стороны, шли дверцы кабин. Трейси ждала у одной из дверей. Она протянула ему пиджак и, без эмоций произнеся «спасибо», исчезла в проеме; Бонд, однако, успел увидеть внутри совершенно роскошное убранство. Он не спеша надел пиджак. Человек с пистолетом, следовавший за ним, нетерпеливо сказал: «Пошевеливайся!» Бонд подумал было броситься на него. Но сзади стояли, наблюдая за ними, еще трое. Бонд ограничился тем, что произнес: «Вот сволочь!» — и двинулся вперед к алюминиевой двери, за которой, наверное, скрываются третье, и последнее, помещение, еще один отсек в этом странном трейлере. За этой дверью его ждали ответы на все вопросы. По всей видимости, там только один человек — главарь. Другого шанса может и не быть. Правой рукой Бонд уже сжимал рукоятку ножа в кармане брюк. Он внезапно выбросил вперед левую руку и, проскочив в дверь, одним неуловимым движением захлопнул ее за собой, пригнулся, готовый метнуть нож.

Он почувствовал, как навалился на дверь охранник, но Бонд держал ее спиной, не давая открыть. Мужчина, сидевший за письменным столом в десяти футах от него, — неплохая мишень для точного броска, — выкрикнул что-то, какой-то приказ, какую-то бодрую команду на языке, который Бонду никогда не доводилось слышать.

Давление на дверь ослабло. Мужчина улыбнулся широкой и обаятельной улыбкой, которая как бы расколола его похожее на грецкий орех лицо пополам. Он поднялся из-за стола и медленно поднял руки.

— Сдаюсь. Теперь уж я и вовсе удобная мишень. Но прошу, пощадите. Дайте, по крайней мере, сделать глоток виски с содовой, и покрепче, а потом поговорим. Потом я опять позволю вам выбрать, как вести себя дальше. Согласны?

Бонд выпрямился. И тоже улыбнулся. Он не мог сдержать улыбки. У этого человека было такое открытое лицо, веселое, озорное, обаятельное) и он, судя по всему, с юмором относился к той ситуации, в которой неожиданно оказался. У Бонда отпало всякое желание убивать его, поднять сейчас на него руку было все равно что поднять руку на Трейси.

Рядом с мужчиной на стене висел календарь. Бонд решил хоть как-то снять напряжение, выпустить пар.

— Сентябрь, 16-е число, — выпалил он и метнул нож из-под правой руки. Нож сверкнул в воздухе и, задрожав, вонзился в середину календаря, он пролетел в каком-нибудь ярде от мужчины. Тот повернулся и с любопытством взглянул на календарь. Потом громко рассмеялся:

— На самом деле — 15-е число. Но и этого достаточно. Надо будет как-нибудь организовать вашу схватку с моими людьми. И может быть, даже я поставлю на вас. Это послужит им хорошим уроком.

Он вышел из-за стола, невысокий, средних лет, с загоревшим, испещренным морщинками лицом. На нем был один из тех темно-синих костюмов, какие из-за их удобства любил носить и Бонд. Сквозь ткань проступали мощные грудные мышцы и бицепсы. Бонд заметил, под мышками пиджак был скроен просторно, с запасом. Специально для ношения оружия? Мужчина протянул руку. Рука была теплой, твердой и сухой.

— Меня зовут Марк-Анж Драко. Слышали что-нибудь обо мне?

— Нет.

— Ага! А вот я о вас слышал, командер Джеймс Бонд. Кавалер ордена св. Михаила и св. Георгия 3-й степени, так, кажется? Сотрудник — и не рядовой сотрудник — Секретной службы Ее Величества. Временно освобожден от исполнения привычных обязанностей; находясь за границей, выполняет особое поручение. — Озорное лицо выражало нескрываемое удовлетворение. — Не так ли?

Джеймс Бонд, чтобы скрыть смущение, подошел к календарю, удостоверился, что действительно поразил число 15, выдернул нож и опустил его в карман брюк. Затем он повернулся и спросил:

— А почему, собственно, вы так считаете? Мужчина ответил не сразу.

— Проходите, — произнес он, — проходите и садитесь. Мне надо о многом с вами поговорить. Но сначала — прошу-виски с содовой. Хорошо?

Он указал на удобное кресло, стоявшее напротив его стола, выложил большую серебряную коробку, в которой были сигареты разных сортов, подошел к выполненному в металле бюро для хранения документов, стоящему у стены, и открыл его. Папок там никаких не было. Это был небольшой, но забитый до отказа бар. Ловко, по-хозяйски, он взял бутылку «Пинчболл Хейга», еще одну — бурбон «Харпер», два стакана, по пинте каждый, — кажется, фирмы «Уотерфорд», ведро со льдом, сифон с содовой и графин с холодной водой. Одно за другим он поставил все это на стол между собой и Бондом. Потом, пока Бонд делал себе крепкий бурбон с водой и большим количеством льда, он отошел от бюро и опустился в кресло напротив Бонда, потянулся к бутылке «Хейга».

— Информация о вас, — сказал он, глядя Бонду прямо в глаза, — я получил от своего хорошего приятеля во Втором управлении в Париже. Я ему плачу за подобные сведения, когда это мне необходимо. Все это я узнал сегодня рано утром. Сам я — в

стане ваших противников. Впрочем, не совсем так. На поле боя мы с вами не встречались. — Он замолчал. Поднял стакан и сказал очень серьезно: — Я хочу установить с вами доверительные отношения. И сделать это собираюсь одним-единственным способом. Я еще раз вручаю вам в руки свою жизнь.

Он выпил. Бонд тоже. В бюро, в его морозилке, раздался глухой звук заработавшего мотора, и Бонд вдруг почувствовал, что именно сейчас наступит столь важный момент истины. Он понятия не имел, о какой истине идет речь. Он и думать не хотел, что истина эта может оказаться ложной. У него, однако, было предчувствие, что каким-то образом — возможно, потому что он проникся уважением и расположением к этому человеку, — истина эта потребует от него отдачи всех сил.

Мотор холодильника выключился.

Глаза на лице, похожем на грецкий орех, в упор смотрели на Бонда.

— Я — глава Корсиканского союза.

5. Глава Корсиканского союза

Корсиканский союз! Наконец-то кое-что начинает проясняться. Бонд смотрел прямо перед собой — в карие глаза, которые проницательно наблюдали за его реакцией, и мысленно перелистывал досье с невинным названием «Корсиканский союз»: тайное общество, которое возмозо еще раньше, чем Сицилианский союз, мафия, да, эта организация, пожалуй, пострашней мафии. Ему было известно, что Корсиканский союз контролирует почти всю сеть организованной преступности во Франции и ее колониях — рэкет, контрабанда, проституция и подавление соперничающих гангстерских группировок. Всего лишь несколько месяцев назад был застрелен в Ницце некто Росси. За год до этого ликвидировали после нескольких неудачных покушений Жана Гуидичелли. Говорили, что оба они претендовали на трон главы Корсиканского союза. И вот перед ним тот, кто занимает этот трон, такой энергичный, веселый человек, так мирно беседующий с ним сейчас. Ах да — еще то таинственное дело о сокровищах Роммеля, которые фельдмаршал якобы спрятал на дне морском у берегов Бастии. В 1948 году один ныряльщик по имени Флех, чех по национальности, служивший в свое время в немецком абвере, напал на след сокровищ; представители Корсиканского союза мягко посоветовали ему не соваться в это дело, а потом бедняга исчез — и никаких концов. Совсем недавно на обочине дороги неподалеку от Бастии было обнаружено изрешеченное пулями тело молодого французского ныряльщика Андре Маттеи — накануне он имел неосторожность хвастаться в местном баре, что знает, где спрятаны сокровища, заявлял, что приехал сюда, дабы выудить их со дна моря. Знает ли Марк-Анж тайну этих сокровищ? Не он ли отдавал приказ прикончить тех двух ныряльщиков? Небольшая деревушка Калензана в Баланье славилась тем, что из нее вышло больше гангстеров, чем из любого другого селения на Корсике: соответственно, жители этого местечка считались одними из самых зажиточных. Местный мэр занимал свою должность в течение 56 лет — дольше всех других мэров Франции. Марк-Анж наверняка был выходцем из тех мест, он был посвящен в тайны того знаменитого мэра, знал, например, и о том крупном американском гангстере, который только что вернулся в деревню, скромно удалившись от дел после весьма успешной карьеры в Штатах.

Было бы забавно невзначай упомянуть некоторые из этих имен, пусть они залпом прозвучат в тихой комнатухе — забавно рассказать Марк-Анжу, что ему известно и о старом заброшенном пирсе около деревушки Галерия, который именуют портом Корвани, и о древнем серебряном руднике Аргентелла в горах за деревней — лабиринты подземелий рудника служили перевалочной базой, здесь скрещивались пути самых, крупных партий героя. Да, неплохо бы припугнуть того, кто так бесцеремонно обошелся с ним, пусть тоже переживет несколько неприятных

мгновений. Впрочем, куда торопиться, он прибережет эту информацию на крайний случай, а пока надо больше слушать! Пока достаточно того, что он знает, как выглядит передвижная штаб-квартира Марка-Анжа Драко. Он знает, что во Втором управлении у Драко есть свой человек, сообщающий всю важную информацию. А вот зачем «послали» за ним и девушкой, еще предстоит выяснить. Ну а то, что для их захвата «одолжили» спасательную лодку «Бомбар», — дело простое, заплатили, кому надо, а береговую охрану угостили как следует, дали «кувшинчик вина», чтобы не возникали. В береговой охране все сплошь корсиканцы. Во всяком случае, на первый взгляд — ну просто как на подбор. Для такой мощной организации, как Корсиканский союз, подобная операция — дело плевое, они работают здесь так же беспрепятственно, как мафия на территории почти всей Италии. Ну что же, попробуем раскрыть еще несколько тайн! Джеймс Бонд потягивал виски и почтительно следил за выражением лица своего визави. Перед ним находился один из самых великих профессионалов!

(Как это похоже на Корсику, подумал Бонд, главарь бандитов носит имя ангела! Он вспомнил, что двух других известных корсиканских гангстеров звали Грасье и Туссен — они «все святые».) Марк-Анж прервал молчание. Он говорил на хорошем, но иногда довольно неуклюжем английском, было такое впечатление, что когда-то он учил этот язык, но ему не часто приходилось им пользоваться.

— Мой дорогой командер, — сказал он, — пусть все, о чем мы будем говорить, останется «херкос о донтон». Вам известно это выражение? Нет? — Его лицо расплылось в улыбке. — В таком случае, позвольте мне заметить, что в вашем образовании имеются пробелы. Это на древнегреческом. Дословно — «держат язык за зубами». Древнегреческий синоним вашего «совершенно секретно». Так что, договорились?

Бонд пожал плечами.

— Если вы посвятите меня в тайны, которые связаны с моей профессией, боюсь, придется сообщить о них куда следует.

— Это я прекрасно понимаю. Но говорить с вами собираюсь о деле сугубо личном. Речь пойдет о моей дочери, Терезе.

Вот это да! Вот так все повернулось — лихо закручено. Бонд, однако, и бровью не повел.

— Ну что ж, согласен, — сказал он и улыбнулся. — Пусть будет этот самый «херкос о донтон».

— Благодарю вас. Вы человек слова. Да в вашей работе иначе и нельзя, впрочем, у вас и так на лице все написано. Так вот. — Он закурил «Капораль» и откинулся в кресле. Весь разговор он вел, уставившись в одну точку на алюминиевой стене над головой Бонда, и только иногда, когда хотел подчеркнуть что-то особо, смотрел Бонду прямо в глаза. — Я был женат один раз, на англичанке, на английской гувернантке. Это была весьма романтическая особа. Она прибыла на Корсику в поисках настоящих бандитов, — он улыбнулся, — ну совсем как те англичанки, что отваживаются отправиться в пустыни на поиски шейхов. Позже она мне призналась, что, даже не отдавая себе отчета в этом, подсознательно мечтала быть изнасилованной. Итак, — на этот раз он не улыбнулся, — она нашла меня в горах и была изнасилована мною. В то время я скрывался от полиции, кстати, мне приходилось делать это большую часть своей жизни, и девушка была большой обузой. Но почему-то она не желала расставаться со мной. В ней было что-то диковатое, она обожала нестандартные ситуации, бог знает почему ей нравилось месяцами скрываться в пещерах, добывая пропитание ночными грабежами. Она даже научилась свежевать муфлонов и готовить из их мяса еду, муфлоны — это наши горные овцы, она ела мясо этих животных, а оно твердое, как подметка, и на вкус почти такое же. Вот в эти безумные месяцы я и влюбился в нее, увез тайком с

острова в Марсель и там женился на ней. — Он замолчал и посмотрел на Бонда. — В результате, мой дорогой командер, появилась Тереза, мое единственное дитя.

Так, подумал Бонд. Вот чем объясняется взрывной характер девушки; диковатая дама — вот что так сбивало его с толку. Что за любопытное сочетание, смесь крови и темпераментов! Корсиканская англичанка. Не удивительно, что он не смог определить, какой она национальности.

— Моя жена умерла десять лет назад. — Марк-Анж остановил Бонда, собиравшегося выразить свое сочувствие, жестом. — Дочь воспитывалась в Швейцарии. Я был уже богат в то время, меня избрали главой Корсиканского союза, я стал купаться в деньгах, добывая их теми путями, мой дорогой командер, о которых вы можете догадываться, но не должны спрашивать. Дочь была для меня — как вы там выражаетесь? — красивое такое выражение, она была «светом очей моих», и я исполнял все ее желания. Но она росла дикаркой, неприрученной пташкой, дома настоящего у нее никогда не было, я постоянно находился в разъездах, и присматривать за ней было некому. Через свои школьные швейцарские связи она попала впоследствии в некий круг избранных, международную элиту, о светской жизни которой можно прочесть в газетах, — здесь крутились и южноамериканские миллионеры, и индусские князьки, англичане и американцы, живущие почему-то в Париже, плейбои из Канна и Гштада. Она без конца попадала в какие-то скандальные истории, и когда я пытался увещевать ее, урезал бюджет, начинала вести себя еще безрассуднее, наверное, чтобы насолить мне. — Он выдержал паузу и взглянул на Бонда. Прежде такое радостное, лицо его теперь выражало страдание. — И в то же время за всей этой бравадой скрывалось то, что она унаследовала от матери, что заставляло ее ненавидеть, презирать себя все больше и больше, и, в этом я теперь уверен, в ней поселился червь сомнения и саморазрушения, маскирующийся под личиной безрассудства и беззаботности, и этот червь, как мне кажется, не оставляет ее в покое, гложет душу. — Он посмотрел на Бонда. — Вы же знаете, мой друг, что такое случается и с мужчинами, и с женщинами. Они сжигают себя в стремлении взять от жизни все, но вдруг оглядываются на прожитые годы и понимают, что все — тлен. Они все уже перепробовали, все радости жизни пронесли как один большой кутеж, и не осталось ничего. Она сделала, как я теперь понимаю, отчаянную попытку снова встать, так сказать, на ноги. Уехала, не сказав ни слова, и вышла замуж, возможно, в надежде обрести покой. Но муж, ничтожный итальяшка по имени Винченцо, граф Жулио ди Виченцо, сначала начисто обобрал ее, а потом бросил с маленькой дочерью на руках. Я заплатил за развод и купил для дочери небольшой замок в Дордонье, поселил ее там, и на какое-то время, занятая уходом за ребенком и прекрасным садом, расположенным рядом с замком, она, казалось, обрела покой. И вдруг, друг мой, полгода назад, ребенок умирает — умирает от одной из самых ужасных детских болезней — спинномозгового менингита.

В комнатке, похожей на цинковый гроб, воцарилась тишина. Бонд думал о девушке, находившейся в нескольких ярдах от него, в другом конце коридора. Все правильно. Он был близок к истине. Он уже видел проявления этой трагедии в том самом упорном отчаянии Трейси. Она действительно потеряла надежду увидеть свет в конце туннеля.

Марк-Анж не спеша поднялся со стула, обошел стол и налил еще виски себе и Бонду.

— Простите меня, — произнес он, — я плохой хозяин. Но, рассказав эту историю, которую всегда держал в себе, другому человеку, я словно камень с души снял. — Он положил руку на плечо Бонда. — Вы меня понимаете?

— Да, понимаю. Но она прекрасная девушка. У нее еще вся жизнь впереди. Почему бы вам не попробовать психоанализ? Почему бы не прибегнуть к помощи церкви? Она католичка?

— Нет, жена не допустила бы этого. Она пресвитерианка. Но подождите, я не закончил. — Он вернулся к креслу и тяжело опустился в него. — После трагедии она исчезла. Взяла все драгоценности и укатила в этом своем крошечном авто; время от времени я кое-что слышал о ней, знал, что продает свои побрякушки и мечется по всей Европе в компании старых друзей. Естественно, я следил за ней, оберегал, когда мог, но она избегала встреч со мной, не хотела разговаривать. Потом от одного из своих агентов я узнал, что она забронировала номер здесь, в отеле «Сплэндид», и я тут же примчался из Парижа, — он повел рукой в сторону, — вот на этом средстве передвижения, потому что как чувствовал что-то, ждал самого худшего. Дело в том, что именно здесь мы проводили лето, когда она была маленькой, здесь ей всегда нравилось. Она прекрасно плавает, а в море была буквально влюблена. И когда я услышал, что она собирается сюда, вдруг с ужасом вспомнил, как однажды, когда она чересчур расшалилась, ее оставили дома на всю вторую половину дня, заперев в комнате и лишив купанья. Именно в тот вечер она совершенно спокойно заявила своей матери: «Ты сделала меня такой несчастной, потому что не пустила на море. Когда-нибудь, если я действительно буду несчастной, то уплыву в море, далеко-далеко, по лунной или солнечной дорожке, и буду плыть долго-долго, пока не утону. Вот так!» Жена пересказала мне эту историю, мы оба посмеялись над ней, над детской вспышкой отчаяния. И вот я внезапно опять вспомнил об этом случае и мне показалось, что она могла сохранить в себе эту детскую фантазию и теперь, решив свести счеты с жизнью, вытащила на свет тот каприз, запрятанный глубоко в сознании, и попытается привести свой план в исполнение. Вот почему, мой друг, я установил за ней надежное наблюдение, за ней следили с самого прибытия. Мне сообщили о вашем благородном поступке в казино, за что, — он посмотрел на Бонда, — я вам очень признателен, меня информировали также о других ваших совместных действиях. — Драко остановил Бонда движением руки, когда тот, почувствовав себя неловко, заерзал на стуле. — Вам нечего стыдиться, и не надо изменяться за то, что случилось прошлой ночью. Мужчина остается мужчиной — и кто знает... хотя об этом позднее. То, что вы сделали, то, как вы вообще вели себя, могло стать началом своеобразного курса лечения.

Бонд вспомнил, как на борту «Бомбары» она невольно прижалась к нему, когда его толкнуло к ней. Это движение было почти незаметным, но сколько в нем тепла, сколько признательности, гораздо больше, чем во всей страсти их ночной физической близости. Сейчас вдруг у него впервые возникла смутная догадка, он словно стал понимать, почему оказался здесь, где лежат истоки тайны, он внутренне весь содрогнулся, будто бы кто-то осквернил его могилу.

— Так вот, — продолжал Марк-Анж, — сегодня в шесть часов утра я дал поручение моему другу из Второго управления, он навел соответствующие справки. В восемь утра был уже у себя в конторе, посетил центральную картотеку, и к девяти часам у меня была уже вся исчерпывающая информация — ее сообщили по рации. В этом трейлере у меня имеется мощная передвижная радиостанция. — Он улыбнулся. — Это еще один из моих секретов, которые я раскрываю перед вами. То, что мне сообщили, делает вам честь и как офицеру Секретной службы, и, что еще важнее, как мужчине — мужчине в моем понимании этого слова. В общем, я стал размышлять. Я думал все сегодняшнее утро. И в конце концов отдал приказ, чтобы вас обоих доставили ко мне, сюда. — Правой рукой он обвел комнату широким жестом. — Мне нет нужды сообщать вам детали моих инструкций. Вы видели моих людей в действии. Вам причинили неудобства. Я приношу свои извинения. Вероятно, вы подумали, что вам угрожает опасность. Простите ради бога. Надеюсь, что мои ребята вели себя корректно и тактично.

Бонд улыбнулся.

— Мне очень приятно познакомиться с вами. И если, дабы представиться вам,

нужно было попасть сначала под дула двух пистолетов, ну что ж — такая встреча тем более незабываема. Вся операция, конечно, была проведена аккуратно и оперативно.

Лицо Марка-Анжа помрачнело.

— Вот вы уже и язвите. Но поверьте мне, друг мой, решительные меры были просто необходимы. Я это точно знаю. — Он открыл верхний ящик своего стола, достал листок писчей бумаги и передал его Бонду. — Вот, прочтите, тогда, наверное, согласитесь со мной. Письмо передали консьержу в отеле «Сплendid» — сегодня в 16:30 его должны были отправить мне в Марсель именно в тот момент, когда Тереза вышла из гостиницы, а вы последовали за ней. Вы ведь что-то заподозрили? Вы тоже испугались за нее? Прочтите это, пожалуйста.

Бонд взял письмо.

— Да, — произнес он, — я волновался за нее. Она заслуживает того, чтобы волноваться за нее.

Он начал читать. В письме было всего несколько строк, написанных четким решительным почерком:

"Дорогой папа!

Извини, но с меня хватит. Очень жаль, что только сегодня я встретила человека, который мог бы помочь мне изменить свое решение. Он англичанин, зовут его Джеймс Бонд. Найди его, пожалуйста, и верни мой долг — 20.000 новых франков. И поблагодари его за меня. Никто ни в чем не виноват, все только я сама. Прощай и прости меня.

Трейси".

Бонд не взглянул на человека, который получил это письмо. Он положил его на стол и пододвинул в сторону Драко. Сделал большой глоток из стакана с виски и потянулся за бутылкой.

— Да, все понятно, — сказал он.

— Ей нравится называть себя Трейси. Она думает, что Тереза звучит слишком напыщенно.

— Да-да.

— Коммандер Бонд, — в голосе Драко прозвучали настойчивость, властность и мольба одновременно, — друг мой, теперь вам все известно, перед вами все факты. Помогите мне. Помогите мне спасти мою дочь. Вы теперь мой единственный шанс — подарите ей надежду. Внушить ей желание жить. Можно ли рассчитывать на вашу помощь?

Бонд смотрел на стол прямо перед собой. Он не осмеливался поднять глаза, боялся увидеть выражение лица этого человека. И так, его опасения подтвердились, он так и думал, что будет вовлечен во все эти семейные проблемы! Он проклинал себя. Сама мысль обо всем этом приводила его в смятение. Добрый самаритянин из него не получится. И вовсе не собирается он врачевать раненых пташек. Все, что ей нужно, яростно шипел он про себя, это консультация психиатра. Ну хорошо, ну увлеклась она им немного, а он увлекся ею. И вот теперь его собираются попросить, он был в этом уверен, подобрать ее на дороге и тащить на себе, возможно, до конца дней своих, сознавая при этом, что фактически он стал жертвой молчаливого шантажа, потому что, если он вдруг бросит Трейси, это наверняка убьет ее.

— Не знаю, чем я могу помочь, — сказал он мрачно. — Чего вы хотите? — Он взял со стола стакан и заглянул в него. Потом выпил, чтобы набраться храбрости и взглянуть в глаза Марку-Анжу.

Влажные карие глаза Драко светились напряжением. Морщинки вокруг рта превратились в глубокие складки.

— Я хочу, чтобы вы стали ухаживать за моей дочерью и женились на ней, — сказал Марк-Анж, не спуская с Бонда глаз, — в день свадьбы я передам вам, вам

лично, приданое в один миллион фунтов стерлингов золотом.

— Ваша просьба совершенно невыполнима, — взорвался Джеймс Бонд. — Девушка больна. Прежде всего ей нужен психиатр. А не я. И не хочу я жениться на ком бы то ни было. Не нужен мне и миллион фунтов стерлингов. Денег мне хватает. Работой я обеспечен. (Так ли это? А как насчет прошения об отставке? Бонд заглушил внутренний голос.) Как вы этого не понимаете? — Вдруг он почувствовал, что боль, исказившая лицо этого человека, непереносима. — Она прекрасная девушка. Я сделаю для нее все, что смогу. Но только тогда, когда она поправится. Именно тогда мы обязательно встретимся с ней — я очень хочу этого. Но если она обо мне такого хорошего мнения и вы — тоже, пусть сначала изъявит желание выздороветь по собственной воле. Это единственный путь. Любой врач скажет вам то же самое. Она должна лечь в клинику, самую лучшую, может быть — в Швейцарии, и покончить со своим прошлым. Она вновь должна захотеть жить. И только тогда, только тогда будет смысл в нашей встрече. — Ему необходимо было во что бы то ни стало убедить Марка-Анжа. — Вам ведь и так все понятно, правда, Марк-Анж? Мне чуждо чувство жалости. Признаю это. И у меня терпения не хватит быть чьей-либо нянькой, сиделкой при мужчине или женщине. Ваш план ее лечения может дать обратный результат — повергнуть ее в еще большее отчаяние. Вы должны понять, что я не могу взять на себя такую ответственность, как бы ни нравилась мне ваша дочь. — И Бонд закончит, запнувшись: — А она мне нравится.

— Я понимаю вас, мой друг, — сказал покорно Марк-Анж. — И я не стану утомлять вас, приводя другие аргументы. Попытаюсь действовать так, как вы предлагаете. Но будьте добры, окажите мне еще одну услугу. Сейчас девять часов вечера. Пойдите поужинать с ней куда-нибудь. Говорите с ней о чем угодно, но дайте ей понять, что она нужна вам, что вы питаете к ней нежные чувства. Ее машина здесь и платья тоже. Я приказал доставить все это сюда. Если только вы сможете убедить ее, что вам хотелось бы встретиться с нею вновь, полагаю, что смогу сделать все остальное. Выполните ли вы мою просьбу?

«Господи, ну что за вечер», — подумал Бонд. И улыбнулся, вложив в улыбку всю теплоту, на какую был только способен.

— Конечно же, я с удовольствием выполню вашу просьбу. Но у меня билет на первый самолет, который отправляется завтра утром из Ле-Туке. Возьмете ли вы на себя заботу о пей после моего отъезда?

— Безусловно, мой друг. — Марк-Анж прикрыл рукой глаза. — Прошу прощения. Но после стольких мрачных лет у меня опять появилась надежда. — Он распрямился и внезапно наклонился вперед, решительно положив руки на стол. — Не стану благодарить вас. Не в моих это правилах. Но скажите мне, дорогой друг, есть ли в этом мире что-нибудь, что я могу сделать для вас, прямо сейчас, не откладывая? У меня большие возможности, власть, источники информации. Все это в вашем распоряжении. Что же я могу для нас сделать?

И тут Бонда осенило. Он расчел в улыбке:

— Мне нужны кое-какие сведения. Есть такой человек — по имени Блофелд, Эрнст Ставро Блофелд. Должно быть, вы слышали о нем. Мне бы хотелось знать, жив ли он и где скрывается.

Выражение лица Марка-Анжа мгновенно изменилось. Теперь перед Бондом сидел настоящий бандит с холодными, жестокими, мстительными глазами цвета коричневого опала.

— Ага, — произнес он задумчиво. — Тот самый Блофелд. Да, он безусловно жив. Совсем недавно он переманил к себе троих моих людей, подкупил их. Он и раньше так делал. Трое членов его прежней организации СПЕКТР были из Корсиканского союза. Ну что ж, посмотрим, что нам известно.

На письменном столе стоял один-единственный черный телефонный аппарат.

Драко снял трубку, и сразу же Бонд услышал приглушенный голос оператора: «Жду ваших указаний». Марк-Анж положил трубку.

— Я вызвал нашу местную штаб-квартиру в Аяччо. Они ответят через пять минут. Но времени в обрез. Полиция может засечь радиосигнал, хотя я и меняю частоту каждую неделю. К тому же помогает корсиканский диалект — разобраться в нем не просто.

Загудел зуммер. Когда Марк-Анж снял трубку. Бонд услышал свист и треск, которые ему были так знакомы. Марк-Анж говорил властным резким голосом: «Вызывает сам. Нужна информация о Блофелде. Эрнсте Ставро». Ответ был еле слышен. «Это точно? Но где конкретно?» В трубке опять что-то затрещало. «Хорошо. Это все».

Марк-Анж опустил трубку. Развел руками, как бы извиняясь.

— Известно лишь, что он в Швейцарии. Точного адреса нет. Этого хватит? Наверняка ваши люди смогут там его разыскать, если, конечно, поможет швейцарская служба безопасности. Хотя, когда дело касается частного лица, особенно если он богат, каши с ними не сварить, личный покой оберегают свято.

У Бонда радостно забилося сердце. Попался-таки, негодяй!

— Блестяще, Марк-Анж, — восторженно воскликнул он. — Теперь дело за малым. В Швейцарии нам непременно помогут.

Увидев реакцию Бонда, Марк-Анж расплылся в улыбке:

— Но если что-нибудь пойдет не так с этим делом или с каким-нибудь другим, обещайте немедленно связаться со мной. Хорошо? — Достав из ящика стола визитку, он передал ее Бонду. — Это крыша, вполне легальный официальный адрес. Звоните или телеграфируйте, но просьбу или информацию излагайте так, чтобы речь шла об электротоварах. Например, в полученной партии радиоприемников некоторые имеют дефекты. Встречу с представителем фирмы необходимо провести там-то и тогда-то. Понятно? Вы же знаете эти трюки, к тому же, — он хитро усмехнулся, — если не ошибаюсь, вы связаны с какой-то международной экспортной компанией. Кажется, «Юниверсал экспорт», не так ли?

Бонд улыбнулся. Откуда этот чертушка знает такие вещи? Может, следует предупредить отдел безопасности? Нет. Этот человек стал другом. А кроме того — «херкос о дон-тон», держи язык за зубами!

— Теперь я могу позвать Терезу? — спросил Марк-Анж тихо. — Она ничего не знает о нашем разговоре. Ну, скажем, мы беседовали о краже драгоценностей на юге Франции. Предположим, что вы представляете интересы одной страховой компании. У нас с вами частная сделка. Сможете изобразить это? Ну вот и прекрасно. — Он поднялся, подошел к Бонду и положил руку ему на плечо. — И спасибо вам. Спасибо за все. — И он вышел из комнаты.

«Ну и ну! — подумал Бонд, — теперь у меня дел хватит».

6. Бонд с Бонд-стрит?

Два месяца спустя Бонд не спеша ехал из своего дома в Челси, направляясь в штаб-квартиру.

Было половина десятого утра — еще один хороший денек, на которые так щедр этот год, но в Гайд-Парке уже носился в воздухе запах сжигаемых листьев, напоминавший о том, что зима не за горами. Бонда, впрочем, занимала другая мысль — он устал ждать, когда, наконец, пост «Зет» выудит у швейцарской службы безопасности точный адрес Блофелда. Однако их «друзья» в Цюрихе как были бестолковыми, а вернее — упрямыми, так и оставались ими: нигде во всей Швейцарии нет никаких следов жителя или туриста по фамилии Блофелд; ничто не говорит и о том, что на швейцарской территории существует возродившаяся

организация СПЕКТР. Да, они отдают себе отчет в том, что Блофелд все еще находится в розыске, за ним охотятся правительства союзников по НАТО. Они разослали повсюду соответствующие предписания о немедленном задержании этого человека, в течение последнего года они неустанно следят за тем, чтобы он числился в списках разыскиваемых, имеющих на каждом пограничном пункте. Они весьма сожалеют, но, если Секретная разведывательная служба не предоставит в их распоряжение дополнительную информацию относительно этого человека, вынуждены будут прийти к выводу — Секретную службу ввели в заблуждение. Пост «Зет» сделал запрос о тайных банковских списках, попросил проверить анонимные «номерные» вклады, скрывающие имена владельцев очень крупных состояний, источники которых вызывают подозрение. Запрос этот — вежливо и деликатно — удовлетворен не был. Блофелд, разумеется, закоренелый преступник, но швейцарская служба безопасности обязана указать на то, что подобные сведения можно получить лишь законным путем, иначе говоря — только тогда, когда преступник, о котором идет речь, совершил преступление на территории Конфедерации и подлежит наказанию в соответствии с Федеральным уголовным кодексом. Действительно, этот Блофелд пытался шантажировать правительства Великобритании и Соединенных Штатов, требуя выкуп за незаконно захваченное им атомное оружие. Но по швейцарским законам подобные действия преступлением не считаются и уж никак не подходят под статью 47в законодательных актов, регулирующих банковские операции. Вот так обстоят дела! Священный Франк и все финансовые средства, обеспечивающие его, откуда бы они ни поступали, должны оставаться неприкосновенными. И — вежливо по-немецки: «Приносим свои искренние извинения».

Бонд уже прикидывал, не связаться ли ему с Марком-Анжем. До сих пор в своих донесениях он лишь намекал на связь с Корсиканским союзом, во всяком случае, информацию он получил именно от этой организации. Но дальнейшие совместные действия в его планы пока не входили, это означало бы по меньшей мере новый разговор с Марком-Анжем о Трейси. А в этот уголок своей жизни, своего сердца он не хотел пускать никого. Последний вечер они провели тихо и спокойно, почти как старые друзья, давнишние любовники. Бонд сказал, что по заданию «Юниверсал экспорт» он отправляется за границу, будет отсутствовать некоторое время. Когда вернется в Европу, они, безусловно, встретятся. Она согласилась с таким планом. И сама решила поехать куда-нибудь отдохнуть. Слишком устала. Переутомилась, была на грани нервного срыва. Она будет ждать его. Может быть, им отправиться на Рождество покататься на лыжах? Бонд с энтузиазмом поддержал такое предложение. В ту ночь, после великолепного ужина в ресторанчике, так любимом Бондом, они снова были вместе, были счастливы — ни безрассудства, ни слез, — они растворялись друг в друге. Бонд радовался — выздоровление уже началось. Ему очень хотелось помочь ей. Но он знал, что их отношения и ее удовлетворительное состояние покоятся на лезвии ножа, одно неосторожное движение — и все пойдет прахом.

Именно в этот момент его размышления были прерваны отрывистыми сигналами «синкрафона», небольшого устройства, умещавшегося в кармане брюк. Поспешно выехав из парка, Бонд остановил машину у ближайшей телефонной будки неподалеку от Марбл-Арч. «Синкрафон» ввели в употребление совсем недавно, его обязаны были иметь при себе Все офицеры, прикомандированные к штаб-квартире. Это был легкий пластиковый радиоприемник размером с карманные часы. Когда сотрудник находился в Лондоне, в радиусе десяти миль от штаб-квартиры, его можно было вызвать по такому приемнику. В подобных обстоятельствах в обязанность ему вменялось связаться с офисом при первой же возможности. Это означало, что его разыскивали.

Бонд позвонил на коммутатор по единственному внешнему номеру, которым ему разрешалось пользоваться, он произнес: «Говорит 007» — и сразу же услышал голос своей секретарши.

Она пришла к ним совсем недавно. Лелия Понсонби наконец-то уволилась, выйдя замуж за нудного, но состоятельного представителя фирмы «Болтик эксчендж», теперь она ограничивалась тем, что время от времени присылала на свою бывшую работу навевающие скуку рождественские поздравления или открытки по случаю дня рождения кого-нибудь из коллег по отделу 00. Но новенькая секретарша, Мэри Гуднайт, бывшая сотрудница женской вспомогательной службы военно-морских сил, голубоглазая, с волосами цвета вороньего крыла, грудь-талия-бедро — 37—22—35 в дюймах, была само совершенство, и в отделе уже делали ставки, держали пари, пытаясь угадать, кто же первым добьется ее благосклонности. Бонд считался одним из фаворитов, соперничая лишь с бывшим офицером десантно-диверсионной части королевской морской пехоты, числившимся под номером 006, но после появления в его жизни Трейси Бонд сам себя считал выбывшим из соревнования, хотя по-прежнему довольно откровенно флиртовал с ней.

— Доброе утро, — сказал он, услышав ее голос. — Доброе утро, Гуднайт. Чем могу быть полезен? Что будем делать — ссориться или мириться?

Она хихикнула, хотя по должности ей этого не полагалось делать.

— Оснований для паники вроде нет, хотя сверху вам спустили весьма срочное указание. Надлежит немедленно отправиться в Геральдическую палату и встретиться там с неким Гриффом Ором.

— «Ором» в каком смысле?

— Просто Ором. Ах да, он, кстати, занимает должность «сопровождающего» при герольде, звучит внушительно. Хотя я в этом ничего не понимаю. Кажется, они напали на след «Бедлама».

«Бедлам» было кодовым названием операции по розыску Блофелда.

— Неужели? — сказал Бонд, понимая всю важность полученной информации. — В таком случае — лечу. Всего хорошего, Гуднайт. — Вешая трубку, он успел расслышать, как она опять хихикнула.

Что там еще стряслось? Бонд сел в машину, которая, к счастью, не привлекла внимания полиции или регулировщиков движения, и помчался на другой конец Лондона. Странно, очень странно. Какое отношение может иметь ко всему этому Геральдическая палата, о деятельности которой он имел весьма поверхностное представление, знал лишь, что там устанавливают родословные отдельных семейств, придумывают гербы для ново пожалованных пэров и организуют различные торжественные церемонии.

Геральдическая палата находилась на улице Королевы. Виктории при выезде из Сити. Бонд остановил машину у симпатичного домика в стиле эпохи королевы Анны, такая тихая заводь из красного кирпича с белыми оконными рамами и уютным, выложенным булыжником внутренним двориком. Подковообразная каменная лестница вела ко входу, производившему надлежащее впечатление; при входе в тот день был вывешен флаг с геральдическим животным — полузверем, полуптицей, — нарисованным золотом на бледно-голубом фоне. «Грифон, — решил про себя Бонд, — грифон из чистого золота». Он прошел в огромный, мрачного вида зал, темные стены которого были увешаны выцветшими от времени портретами горделивых джентльменов, утопавших в рюшах и кружевах, а с карнизов окон свисали стяги Британского Содружества наций. Привратник в униформе вишневого цвета, украшенной латунными пуговицами, приятным тихим голосом спросил Бонда, чем может быть ему полезен Бонд ответил, что хотел бы видеть Гриффона Ора, с ним назначена здесь встреча.

— Конечно, конечно, сэр, — таинственно прошептал привратник, — Гриффон Ор находится при исполнении обязанностей. Именно поэтому на этой неделе его герб красуется снаружи. Сюда, пожалуйста, сэр.

Бонд последовал за привратником по длинному коридору, сплошь завешанному тускло мерцавшими гербами в деревянных рамках, он поднялся вверх по сырой, покрытой паутиной лестнице, повернул за угол и оказался перед массивной дверью, над которой золотом было оттиснуто «Гриффон Ор, сопровождающий», над надписью восседал вышenaзванный золотой грифон. Привратник постучал, открыл дверь и, назвав фамилию Бонда, оставил его у входа в захламленный кабинет, который был буквально завален книгами, бумагами и внушительного вида пергаменами, — над всем этим беспорядком возвышалась лысая розовая макушка, окаймленная седыми кудрями. В комнате пахло, как в склепе. Бонд прошел по узкой ковровой дорожке между грудями хлама и, остановившись у одиноко стоявшего кресла, оказался напротив человека, полускрытого от него кипой книг. Он кашлянул. Человек поднял глаза, прикрытые пенсне, и на лице его, очень походившем на физиономию мистера Пиквика, появилась отсутствующая улыбка. Он встал и слегка поклонился.

— Бонд, — произнес он голосом, похожим на скрип старого сундука, — командер Джеймс Бонд. Так-так, Бонд, Бонд, Бонд. Кажется, вы у меня где-то тут. — Он поводил пальцем по открытой странице огромного фолианта. Затем опустился в кресло, Бонд последовал его примеру. — Да, да, да. Действительно, весьма интересно. Очень интересно. Но, боюсь, мне придется разочаровать вас, уважаемый сэр. Титул этот более не существует. Мы, кстати, говорим о титуле баронета. Одним из самых желанных. Однако нет никакого сомнения в том, что есть возможность установить родство по побочной линии. Так-так. — Пенсне его прямо-таки буравило страницы. — Есть добрый десяток разных Бондов. Наиболее интересная ветвь обрывается на сэре Томасе Бонде, в своем роде выдающемся джентльмене. Он проживал в Пэкхеме. Потомства, увы, не оставил, — пенсне ободряюще подмигнуло, — не было законных наследников, скажем так. Конечно, в те времена, гм-м, нравы строгостью не отличались. Словом, если найти ниточку к Пэкхему...

— Я не имею никакого отношения к Пэкхему. Я...

Гриффон Ор поднял руку, останавливая его.

— А позвольте спросить, — сказал он строго, — откуда родом ваши родители? Это, уважаемый, первое звено в цепочке. Отсюда мы и начнем разматывать клубочек — архивы Сомерсет-Хауса, записи в церковных книгах, старые надгробия. Нет сомнения, что с такой замечательной старинной английской фамилией, как ваша, мы в конце концов до чего-нибудь доберемся.

— Мой отец — шотландец, а мать из Швейцарии. Но дело в том...

— Понимаю, понимаю. Вы хотели бы знать, во сколько обойдется подобное исследование. Об этом, дорогой друг, поговорим позднее. А теперь скажите-ка мне, из каких мест в Шотландии родом ваш отец? Это важно. Шотландские архивы, безусловно, не столь исчерпывающи, на юге работать гораздо легче. В те времена, должен признаться, наши кузены, проживавшие по другую сторону границы, были немногим лучше дикарей. — Гриффон Ор вежливо склонил голову. По губам его скользнула мимолетная и, как показалось Бонду, притворная улыбка. — Конечно, это были симпатичные дикари, очень отважные и все такое. Но, увы, хроник соответствующих почти не вели. Мечом владели лучше, чем пером, если можно так выразиться. Но, быть может, ваши дед и бабка и их предки были выходцами с юга?

— Мой отец родом с Северного нагорья, это неподалеку от Гленкоу. Но позвольте заметить...

Гриффона Ора, однако, нельзя было сбить с толку. Он придвинул к себе еще один толстенный том и стал водить пальцем по строчкам, напечатанным

микроскопическим шрифтом.

— Угу, угу, угу. Да, да. Начало не очень обнадеживающее. В «Основах геральдики» Берка приводится более десятка семейств вашей фамилии. Но какая жалость, ни одно из них не проживало в Шотландии. Это, правда, не означает, что шотландская ветвь отсутствует. Может быть, у вас имеются другие родственники, и вдруг они еще живы. Довольно часто при расследовании подобного рода находится неожиданно какой-нибудь дальний кузен...

Гриффон Ор сунул руку в карман шелкового жилета малинового цвета, жилет был застегнут наглухо почти до самого галстука, завязанного аккуратным узлом; он вынул маленькую серебряную табакерку, протянул ее Бонду, потом сам взял две большие щепотки и сильно втянул носом. Он дважды чихнул, как взорвался, прикрывшись изысканным носовым платком с вензелями.

Бонд воспользовался паузой. Он наклонился вперед и сказал четко и громко:

— Я пришел сюда не для того, чтобы говорить о себе, меня интересует Блофелд.

— Что вы сказали? — Гриффон Ор посмотрел на него с нескрываемым изумлением. — Вас не интересует собственная родословная? — Он предостерегающе поднял вверх палец. — Понимаете ли вы, мой дорогой друг, что в случае успеха вы сможете претендовать на то, чтобы считаться прямым потомком, — здесь он почувствовал себя неуверенно, — или по меньшей мере особой, состоящей в родстве с одной из древнейших фамилий баронетов, получивших этот титул, — он вновь обратился к первому фолианту и нырнул в него, — в 1658 году! Разве может вас оставлять равнодушным то обстоятельство, что один из ваших предполагаемых предков имел отношение к названию едва ли не самой знаменитой улицы мира — я имею в виду, конечно. Бонд-стрит? И говорю я о сэре Томасе Бонде, баронете из Пэкхема в графстве Суррей, ведь он, уверен, что для вас это давно не секрет, занимал должность ревизора при дворе Генриетты-Марии, королевы-матери. Улица появилась в 1686 году. Общеизвестно, что название ее ассоциируется с именами известных англичан. Первый герцог Сент-Олбенс, сын Нелл Гвинн, жил на этой улице, равно как и Лоренс Стерн. Знаменитый Босуэльский обед проходил именно там, и присутствовали на нем Джонсон, Рейнольдс, Голдсмит и Гаррик. Настоятель Свифт и Кеннинг проживали там в разное время, и небезынтересно отметить, что, когда лорд Нельсон обретался в доме № 141, леди Гамильтон находилась в доме № 145. И это, уважаемый сэр, центральная торговая улица Лондона, и это — имя, которое вы носите! Ну как, в вас все еще не проснулось желание предъявить свои права на такой благородный титул? Нет? — Он в изумлении приподнял свои густые брови. — Перипетии и хитросплетения самой истории, дорогой командер Бонд. — Он потянулся еще за одним томом, который уже лежал открытым на его письменном столе, было очевидно, что он приготовил его специально, дабы доставить Бонду удовольствие. — Вот герб, например, он, без сомнения, должен вас заинтересовать, да что там, всей вашей семье, вашим детям без него никак не обойтись. Послушайте только: «Орнамент из трех дисков черноте цвета, нашитых углом на серебре». — Он развернул книгу так, чтобы Бонд мог видеть рисунок. — Диски в форме золотистых шаров, ну это, я думаю, вы и так знаете. Три шара.

— Конечно, весьма ценное дополнение, — сухо прокомментировал Бонд, но ирония, заключенная во фразе, не дошла до Гриффона Ора, — боюсь, однако, что во всем этом я ничего не смыслю. И нет у меня ни родственников, ни детей. А теперь о человеке по имени...

— Но как же можно оставить без внимания такие замечательные слова, что начертаны на гербе, — перебил его взволнованно Гриффон Ор, — «Мне мира мало». И вы отказываетесь от своих претензий на все это?

— Девиз, безусловно, великолепен, и отказываться от него было бы грешно, —

сказал Бонд нетерпеливо и нарочито взглянул на часы. — Однако теперь, кажется, пора уже перейти к делу. Мне еще нужно успеть в свое министерство.

Гриффон Ор, «сопровождающий» из Геральдической палаты, выглядел искренне обиженным.

— А вот еще одна ветвь, восходящая по меньшей мере к Норману Ле Бонду, первое упоминание о котором датируется 1180 годом! Прекрасное древнее английское имя, хотя, может быть, в истоках своих — не высокого происхождения. В «Словаре английских фамилий» приводится вполне конкретное определение — «землепашец, крестьянин, простолюдин». — Не мелькнул ли в бесцветных глазах Гриффона злобный огонек? — Но если вас нисколько не интересует собственная родословная, истоки семейства вашего, — добавил Ор, сдаваясь, — тогда, досточтимый сэр, чем же могу быть вам полезен?

Наконец-то! Джеймс Бонд вздохнул с облегчением.

— Я пришел сюда, — принялся терпеливо объяснять он, — чтобы навести справки о некоем Блофелде, Эрнсте Ставро Блофелде. Кажется, ваша организация располагает некоторой информацией об этом человеке.

В глазах Гриффона Ора вдруг мелькнуло подозрение.

— Но вы представились командером Джеймсом Бондом. А теперь называете имя Блофелда. Как это понимать?

— Я из министерства обороны, — сказал Бонд холодно, — где-то в этом помещении мне должны сообщить сведения о человеке по фамилии Блофелд. К кому мне обратиться?

Гриффон Ор пошарил рукой в ореоле своих кудрей.

— Блофелд, да? Так-так, — он посмотрел на Бонда отсутствующим взглядом. — Простите, командер Бонд, но я потратил впустую массу своего времени, времени Геральдической палаты. Для меня остается загадкой, почему вы сразу не назвали это имя. Позвольте, позвольте — Блофелд, Блофелд. Кажется, припоминаю, имя это упоминалось на днях на одном из заседаний нашего капитула. Кто же занимался этим делом? Ах да. — Он потянулся к телефону, со всех сторон окруженному книгами и бумагами: — Соедините меня с Сейблом Базилиском.

7. Лошадь с изъяном

Пока Бонда вновь вели по заплесневелым коридорам, сердце его замирало от самых разных предчувствий. Сейбл Базилиск — ну и имена же у них здесь, все как на подбор. Каким замшелым чудачком окажется этот тип?

Он оказался еще перед одной массивной дверью, на которой золотом была оттиснута еще одна фамилия, на этот раз над ней красовалось какое-то жуткое чудовище черного цвета с отвратительным клювом. Однако, против всех ожиданий. Бонд оказался в светлой, опрятной, со вкусом обставленной комнате, по стенам которой были развешаны очаровательные гравюры, все книги находились в образцовом порядке. В воздухе витал едва уловимый запах турецкого табака. Из-за стола поднялся молодой человек — Бонд выглядел несколько старше — и шагнул навстречу гостю. Худощавый, с красивыми тонкими чертами, с лицом, на котором была написана преданность науке и которое не выглядело серьезным лишь потому, что у уголков рта залегли скептические складки, а спокойный взгляд таил иронию.

— Командер Бонд? — Пожатие руки было кратким и крепким. — Я вас ждал. Значит, вам не удалось избежать когтей дорогого Гриффона? Он у нас энтузиаст, в дело свое просто влюблен. Впрочем, мы все здесь такие. И все-таки с ним не сравниться. Человек хороший, но чересчур увлекающийся. Вы понимаете, что я имею в виду?

«Место это, — подумал Бонд про себя, — напоминает, пожалуй, учебное

заведение. Здесь царит такая же атмосфера, как в профессорской какого-нибудь университета. Без сомнения, Гриффон Ор держит Сейбла Базилика за молодого дилетанта и считает его самонадеянным юнцом». Вслух же он произнес:

— Кажется, ему очень хотелось установить, какое отношение я имею к Бонд-стрит. Потребовалось немало времени, чтобы убедить его в том, что я готов довольствоваться именем и положением Бонда самого заурядного; он, кстати, сам, не церемонясь, так мне, во всяком случае, показалось, расшифровал мою фамилию вовсе не затейливо — «простолюдин», деревенщина.

Сейбл Базилик рассмеялся. Он сел за стол, подвинул к себе папку и указал Бонду на стул рядом с собой.

— Ну что ж, приступим к делу. Во-первых, — он посмотрел Бонду прямо в глаза, — как понимаю, вернее, догадываюсь, дело это каким-то образом касается разведывательной службы. Не беспокойтесь, болтать ни с кем об этом не собираюсь, сам служил в разведке — в английской Рейнской армии. Во-вторых, в этом здании сосредоточено не меньше секретов, чем в любом правительственном заведении — только секреты эти, поверьте, не из приятных. Среди прочего мы занимаемся тем, что подыскиваем титулы людям, возведенным в дворянское достоинство в соответствии с наградным реестром. Иногда нас просят установить право на титул, если оно было утрачено или если весь род вымер. Документы, с которыми мы работаем, полны снобизма и тщеславия. Так, рассказывают, что, когда я здесь еще не работал, появился неизвестно откуда один джентльмен, наживший миллионы в какой-то отрасли легкой промышленности и возведенный в звание пэра «за оказание услуг в области политики и государственной службы», иначе говоря — за благотворительную деятельность и соответствующие взносы в партийную кассу; претендовал он на титул лорда Бентли Благородного — Благородной называлась одна деревушка в графстве Эссекс. Нам пришлось дать разъяснение, что слово «благородный» применимо лишь в отношении высшей знати; не церемонясь, мы отвечали, что бесхозна пока также деревушка под названием Обыкновенная — вот и пусть величается лордом Бентли Обыкновенным. — Он улыбнулся. — Понимаете теперь, что я имею в виду? Если бы нечто подобное произошло, человек этот стая бы посмешищем всей Англии. Или вот вам другой пример — нам приходится иногда подыскивать наследников на не востребованные состояния. Такой-то и такой-то, скажем, считает себя законным герцогом Бланкским и непременно желает получить соответствующее наследство. По случайности фамилия его также содержит корень «бланк», а предки перебрались в свое время в Америку, или в Австралию, или еще куда-то там. Одним словом, в кабинетах наших снобизм и тщеславие легко соединяются с алчностью и корыстолюбием. Конечно, — добавил он, окончательно раскрывая карты, — это лишь десятая, невидимая часть огромного айсберга той работы, которой мы занимаемся. Все остальное — вполне официальные правительственные и посольские дела: порядок соблюдения старшинства на церемониях, дипломатический протокол, правила вручения ордена Подвязки и тому подобное. Мы занимаемся всем этим почти полтысячи лет, так что, полагаю, вполне вписались в общую систему.

— Безусловно, — без обиняков согласился Бонд. — И конечно, что касается вопросов безопасности, мы можем быть, я в этом уверен, откровенны друг с другом. Так вот — о Блоффелде. По правде говоря, большего мошенника не сыскать, пожалуй, в целом мире. Вам известно что-нибудь об операции «Гром», проведенной около года назад? В прессу просочилось немного, но можете мне поверить — этот Блоффелд стоял у истоков всего дела. Но как же вы вышли на него? Мне интересны любые мелочи. Пожалуйста, любая информация о нем чрезвычайно важна.

Сейбл Базилик взял из папки лежавшее сверху письмо.

— Да, — сказал он задумчиво, — когда вчера меня несколько раз попросили

срочно связаться с министерством иностранных дел и министерством обороны, я сразу подумал об этом типе. Раньше мне как-то и в голову не приходило, что это тот самый случай, когда соображения конфиденциальности, которыми мы руководствуемся, отступают на второй план, иначе бы давно предпринял соответствующие действия. Так вот, в июне, десятого числа, мы получили из конторы уважаемых цюрихских адвокатов конфиденциальное письмо, датированное девятым июня. Вот оно:

"Многоуважаемые господа!

Среди наших клиентов имеется весьма состоятельный человек по имени Эрнст Ставро Блофелд. Этот джентльмен именуется также мсье графом Бальтазаром де Блевиль, полагая, что является законным наследником рода, который, насколько понимаем, прекратил свое существование. Его убеждение основано на рассказах, которые он слышал от своих родителей в детстве: семья его вынуждена была покинуть Францию во времена революции, обосновалась она в Германии под вымышленной фамилией Блофелд, сделать это пришлось для того, чтобы ускользнуть от революционных властей и спасти свое состояние, на которое в Аугсбурге наложили арест; впоследствии, в 50-е годы прошлого столетия, Блофелды переселились в Польшу.

Наш клиент очень хотел бы, чтобы все эти факты были достоверно установлены, дабы он законным путем получил право носить титул графа де Блевиль, что будет скреплено соответствующим удостоверяющим актом за печатью министерства юстиции в Париже.

Пока же наш клиент предполагает хотя бы временно продолжать использовать титул графа де Блевиль, равно как и фамильный герб, который, как он сообщил нам, выглядит следующим образом: на серебряном поле четыре легких мушкета и вертикальная полоса красного цвета, а также девиз де Блевилей, по-английски звучащий так: «За домашний очаг».

— Хороший девиз! — вставил Бонд.

Сейбл Базилиск улыбнулся и продолжал:

"Мы понимаем, что вы, многоуважаемые господа, представляете единственную в мире организацию, которая в состоянии взяться за подобную исследовательскую работу, и нам было поручено обратиться к вам при условии соблюдения всех правил предосторожности и строжайшей секретности, о чем, как нам кажется, мы имеем право просить, принимая во внимание все нюансы данного дела, относящиеся к надлежащему положению в обществе.

Финансовое положение нашего клиента безупречно, и необходимые расходы не являются предметом обсуждения. В качестве аванса, как только вы согласитесь взять на себя решение данного вопроса, мы предлагаем вознаграждение в одну тысячу фунтов стерлингов, сумма эта будет переведена на гот банковский счет, который вы соизволите указать.

Выражаем надежду получить ваш ответ в ближайшее время.

Остаемся, многоуважаемые господа..." и т. д. и т. п.

«Гебрюдер Гумполд — Мусбрюггер, адвокаты, 16-Bis, Банхофштрассе, Цюрих».

Сейбл Базилиск взглянул на Бонда. В глазах его он прочел сильное волнение. Сейбл Базилиск просиял.

— Мы проявили к этому письму, наверное, еще больший интерес, чем вы. Видите ли, раз уж я взялся посвятить вас во все наши тайны, — жалование мы получаем довольно скромное. И поэтому у всех нас есть свои частные источники, помимо тех официальных гонораров, которые переппадают за оказание особых услуг, подобных этой. Гонорары редко превышают сумму в 50 гиней, а меж тем требуется вести довольно сложные расследования, бегать по коридорам государственных учреждений в Сомерсет-Хаусе, копаться в метрических записях, тревожить

надгробия — всем этим приходится заниматься, когда идешь по следу чьих-либо предков. Поэтому подобное предположение для нашей Геральдической палаты — сущий клад, и так как я был «на дежурстве» в тот день, когда пришло письмо, работа попала в мои руки.

— И как же вы поступили? — спросил нетерпеливо Бонд. — Вы ответили на письмо?

— О да, но, кажется, довольно невнятно. Конечно же, я сразу написал, что готов выполнить исследование и обещаю сохранить все в тайне, — он улыбнулся, — а вы сейчас вынуждаете меня нарушить этот обет и преступить закон о служебной тайне. Не так ли? Ведь я подчиняюсь вам под давлением обстоятельств?

— Безусловно так, — с воодушевлением воскликнул Бонд.

Сейбл Базилиск сделал аккуратную пометку на лежащем сверху в папке документе и продолжал:

— Конечно, прежде всего я должен был запросить у этого человека свидетельство о рождении. Выдержав определенную паузу, мне сообщили, что оно потеряно и что мне ни в коем случае не следует об этом беспокоиться. Граф на самом деле родился в Гдыне 28 мая 1908 года, отец его — поляк, а мать — гречанка, вот здесь у меня их имена. А нельзя ли, спросили меня, вести поиски с другого конца, нельзя ли начать с де Блевилей? С ответом я не спешил, хотя к тому времени уже нашел в нашей библиотеке материалы, которые подтверждали, что род де Блевилей действительно существовал, первые упоминания о нем относятся к XVII веку. Обреталось семейство в местечке Блонвилль-сюр-мер, департамент Кальвадос, и герб и девиз в точности соответствовали тем данным, которые приводил Блофелд. — Сейбл Базилиск сделал паузу. — Об этом, уверен, ему было прекрасно известно. Бессмысленно изобретать несуществующий род де Блевилей и пытаться подобной чепухой забивать нам голову. Я поведал цюрихским адвокатам о своем открытии и вместо летнего отдыха отправился на север Франции, дабы разнюхать еще что-нибудь, — я, можно сказать, специализируюсь на геральдике, связанной с историей тамошних мест, история эта имеет прямое отношение к событиям, происходившим в Англии. Пока суд да дело, я написал, однако, как и подобает в таких случаях, нашему послу в Варшаве, я попросил его связаться с консулом в Гдыне, дабы через него нанять адвоката и навести элементарные справки в бюро записей актов гражданского состояния и в различных церквях, где Блофелда могли крестить. Ответ, который я получил в начале сентября, несколько меня не удивил. Страницы, на которых должны были быть записи о рождении Блофелда, кто-то аккуратно вырезал. Говорить об этом я никому не стал, то есть я не сообщил о полученной информации адвокатам в Швейцарии, ибо они убедительно просили меня не наводить справок в Польше. Не теряя времени, я тем не менее с помощью одного адвоката провел такое же расследование в Аугсбурге. Блофелды там действительно значились, их имелось преогромное количество — это довольно распространенная немецкая фамилия, — но не было и намека на какую-либо их связь с де Блевилями из Кальвадоса. Словом, я оказался в тупике, но удивить меня уже было трудно, и я написал нейтральный отчет швейцарским адвокатам, сообщив, что продолжаю свои исследования. Вот как обстояли дела, — Сейбл Базилиск захлопнул папку, — когда вчера стал беспрестанно трезвонить телефон, и все потому, что кто-то в отделе северных территорий министерства иностранных дел, вероятно, увидел копию моего запроса в Варшаву, и имя Блофелда навело на размышления, а уж затем возникли вы, вынырнув из пещеры моего друга Гриффона и всем своим видом выражая крайнее нетерпение. Собственно, это все.

Бонд задумчиво почесал затылок.

— Но мяч-то все еще в игре?

— О да, на этот счет нет никаких сомнений.

— Вы в состоянии продолжать игру? Если я правильно понял, нынешнего адреса Блофелда у вас нет? — Сейбл Базилиск отрицательно покачал головой. — Стало быть, можно найти какой-нибудь разумный предлог и направить к Блофелду вашего доверенного? — Бонд расцвел. — Меня, например, направить меня как представителя Палаты, которому необходимо поговорить с клиентом, — ну, придумать что-то такое, чего не выяснишь в письмах, что-нибудь, что требует личной встречи с Блофелдом.

— Да-да, что-то в этом роде, кажется, имеется. — На лице Сейбла Базилиска появилось озабоченное выражение. — Понимаете, в некоторых семьях из поколения в поколение обязательно повторяется во внешности одна и та же отличительная черта. Скажем, у Габсбургов это характерные губы. Среди потомков Бурбонов — склонность к заболеванию гемофилией. У всех из рода Медичи — орлиный нос. У членов одной королевской семьи имеется чуть заметный рудиментарный хвост. Наследственные магараджи Майсура рождаются с шестью пальцами на руках. Я могу продолжать до бесконечности, но это самые известные случаи. Так вот, когда я ползал по склепу в часовне местечка Блонвилль, осматривая старые могильные плиты на захоронениях Блевилей, фонарик высветил на всех этих каменных лицах одну любопытную деталь, которая, отложившись в закоулках моей памяти, всплыла вновь только сейчас, после вашего вопроса. Ни у кого из де Блевилей, насколько я могу судить, не было, во всяком случае в течение последних полутора лет, мочек ушей.

— Вот как, — произнес Бонд, перебирая в памяти детали опознавательного портрета Блофелда и полную распечатку его физиогномических данных, хранящихся в архиве. — Стало быть, чтобы получить титул на законных основаниях, он должен лишиться мочек обоих ушей. В противном случае все его претензии могут показаться весьма сомнительными, не так ли?

— Совершенно верно.

— Ну так у него есть мочки, — сказал Бонд с раздражением. — И здоровенные мочки, надо отметить. Что же будем делать?

— Начнем с того, что это лишь подтверждает другую известную мне уже информацию и говорит о том, что он не из рода де Блевилей. Но в конце концов, — Сейбл Базилиск лукаво улыбнулся, — ему незачем знать, какую именно отличительную черту его внешности мы высматриваем во время интервью.

— Вы считаете, что такое интервью можно организовать?

— А почему бы и нет. Но, — в голосе Сейбла Базилиска зазвучали просительные нотки, — вы, надеюсь, не будете возражать, если я испрошу разрешение у герольдмейстера ордена Подвязки? Он мой начальник, скажем так, после герцога Норфолкского, являющегося граф-маршалом, то есть председателем Геральдической палаты: дело в том, что я не могу припомнить ни одного случая, когда бы нам приходилось вступать в определенные отношения с разведкой. Ну в самом деле, — Сейбл Базилиск погрозил пальцем, — разве не должны мы, не обязаны быть чертовски педантичными. Ведь вы понимаете, о чем я говорю?

— Разумеется. И я уверен, возражений не последует. Но даже если Блофелд согласится встретиться со мной, каким образом, черт возьми, смогу я сыграть свою роль? Вся эта тарабарщина для меня просто китайская грамота. — Он улыбнулся. — Как смогу отличить геральдическое красное поле от орнамента из красных дисков, а уж что за титул баронет — мне и вовсе никак не объяснить. Что же мне сказать Блофелду? Кем представиться?

Сейбл Базилиск проявил завидный энтузиазм.

— Это мы утрясем, — беспечно сказал он. — С моей помощью вы узнаете всю подноготную де Блевилей. И без труда вызубрите несколько популярных книжек о геральдике. Совсем не трудно будет произвести должное впечатление. В этом деле

вообще мало кто смыслит.

— Быть может, вы и правы. Но Блофелд хитрый зверь. Он потребует массу сведений, удостоверяющих личность того, с кем собирается встретиться, ведь наверняка не подпускает к себе никого, разве что своего адвоката да банкира. В каком же качестве и должен предстать перец ним?

— Вы считаете Блофелда большим хитрецом только потому, что сталкивались с ним в ситуации, когда именно эта черта его характера проявлялась наиболее ярко, — сказал Сейбл Базилиск со знанием дела. — Мне приходилось встречать сотни ловкачей — финансовых воротил, промышленников, политиков — знаменитостей, с которыми было страшно разговаривать, когда они входили в эту комнату. Но как только проявляется снобизм, как только речь заходит о желании купить, так сказать, положение в обществе, будь это титул, который тщательно подбирают по мерке, или просто герб, выставляемый для красоты над камином где-нибудь в богом забытом Сербитоне, все эти люди начинают вдруг уменьшаться в размере, становятся карликами перед вами, — иллюстрируя сказанное, он опустил над столом руку, — со временем они превращаются в совершенных пигмеев. А с женщинами и того хуже. Мечта о том, чтобы проснуться однажды настоящей «леди», чтобы считаться таковой в узком кругу своих знакомых, настолько губительна, что они бесстыдно до неприличия готовы обнажить перед вами свою душу. Как это ни странно, — Сейбл Базилиск наморщил свой высокий бледный лоб, пытаясь найти подходящее сравнение, — но все эти добропорядочные граждане, эти Смиты и Брауны, Джонсы и, — он улыбнулся собеседнику, — Бонды считают процедуру возведения в дворянское достоинство чем-то вроде обряда омовения, отпущения грехов, которых изрядно набралось за прожитые годы, это своего рода очищение их скудного умишка, избавление от присущего им комплекса неполноценности. Пусть Блофелд вас не беспокоит. Он уже попался на крючок. Возможно, он и гангстер, каких поискать. Судя по тому, что мне известно об этом деле, он, конечно, мошенник из мошенников. Вполне допускаю, что он жесток и безжалостен, когда находится в знакомой ему среде и знает, как себя вести. Но коль скоро он взялся доказать, что является графом де Блевиль, можно быть уверенным в следующем. Он хочет сменить имя. Это вполне понятно. Он жаждет стать другим — стать почтенным человеком. Это тоже очевидно. Но более всего он желает стать графом. — Говоря это, Сейбл Базилиск ударил ладонью по столу, придавая сказанному особое значение. — Вот, господин Бонд, то, что чрезвычайно важно. Он богатый и преуспевающий в своем деле человек, неважно при этом, чем он занимается. Его больше не прельщают материальные ценности — ни богатство, ни власть. По моим подсчетам, ему сейчас 54 года. И он страстно мечтает сменить обличье. Смею вас уверить, господин Бонд, он вас примет, если нам удастся разыграть все как по нотам, то есть поставить его в положение пациента, консультирующегося у врача относительно, — аристократическое лицо Сейбла Базилиска приняло выражение нескрываемого отвращения, — венерической болезни, которую он сумел подцепить неизвестно где. — Весь вид Сейбла Базилиска, когда он произносил эти слова, не оставлял сомнений в его абсолютной уверенности в неотразимости приведенных доводов. Он опустил в кресло и впервые закурил. Бонд почувствовал запах турецкого табака. — И только так, — голосом, не терпящим возражений, произнес Базилиск. — Этот человек знает, что запятнан, знает, что отвергнут обществом. И по заслугам. Теперь он задумал подковать свою лошадь заново, купить себе другое имя. Если вас интересует мое мнение, считаю, что мы должны помочь ему улучшить плохую породу, пусть он несется во весь опор, не зная, что лошадь с изъяном, — так быстрее сломает себе шею.

8. Причудливая «крыша»

«И кем это, черт побери, вы собираетесь представиться?»

М., как Бонд и предполагал, почти слово в слово повторил этот вопрос, когда в тот же вечер закончил читать докладную записку, на которую Бонд потратил всю вторую половину дня, диктуя ее Мэри Гуднайт. М. находился в тени, на него не падал желтый свет настольной лампы с зеленым абажуром, стоявшей на столе, но Бонд догадывался, что на изборозженном морщинами лице старого морского волка мелькали, сменяя друг друга, выражения скептицизма, раздражения и нетерпения. Об этом свидетельствовало и выражение «черт побери!». М. редко позволял себе крепкие словечки, но уж если он их употреблял, то это свидетельствовало о чьей-то предельной глупости. Очевидно, М. считал план Бонда далеким от совершенства, и теперь, находясь вне стен Геральдической палаты, вдалеке от ее преданных своему делу сотрудников, замкнутых в крошечном мирке специальных вопросов, связанных с их профессией. Бонд не был уверен в том, что М. так уж и не прав.

— Я буду представлять, сэр, интересы Геральдической палаты. Этот самый Базилиск рекомендовал мне прикрыться каким-нибудь громким титулом, надо придумать что-нибудь такое напыщенное, что могло бы произвести соответствующее впечатление на человека, помешанного на титулах. А Блофелд — это совершенно очевидно — просто одержим навязчивой идеей стать обладателем титула, иначе он не дал бы о себе знать, ему бы и в голову не пришло связаться даже с таким вполне надежным и — э-э — богом забытым заведением, каким является Геральдическая палата. В докладной я изложил все аргументы этого парня — мне они показались весьма убедительными. Снобизм — настоящая ахиллесова пята многих людей. Совершенно ясно, что Блофелд у нас на крючке. И я уверен, что именно на такую наживку его надо ловить.

— А я думаю, что все это ерунда, — вспыхнул М. (Не так давно — за особые заслуги — М. стал кавалером ордена св. Михаила и св. Георгия 2-й степени, и мисс Манипенни, его привлекательная секретарша, в минуту откровения открыла Бонду тайну — оказывается, М. не ответил ни на одно из поздравительных писем и посланий. Спустя некоторое время он вообще отказался их читать и приказал мисс Манипенни больше ему их не показывать, а выбрасывать в корзину для мусора.) — Ну хорошо, что вы там еще придумали со всеми этими дурацкими титулами? К чему все это?

Если бы Бонд умел краснеть, он обязательно стал бы пунцовым.

— Гм-м, — начал он, — видите ли, сэр, есть на примете один человек — сэр Хилари Брей, приятель Сейбла Базилиски. Приблизительно моего возраста и даже похож на меня. Предки его выходцы из Нормандии. Родословное древо — корнями в столетиях. Вильгельм Завоеватель и все такое. И герб имеется — эдакая помесь игры-головоломки и Пикадилли-серкус в ночное время, словом, Сейбл Базилиск говорит, что он может с ним договориться. Брей воевал, послужной список в порядке, по-моему, он вполне надежен. Живет у черта на куличках, в одной из горных долин Хайленда, любит пташками и лазает по горам босиком. Вокруг ни души. Вряд ли в Швейцарии кто-нибудь слышал о нем. — В голосе Бонда зазвучали упрямые нотки, сдаваться он не собирался. — Итак, сэр, идея заключается в том, чтобы я стал Бреем. «Крыша», конечно, причудливая, но, мне кажется, под ней не промокнешь. Есть смысл рискнуть.

— Сэр Хилари Брей, ну и ну. — М. попытался скрыть издевку в голосе. — А дальше что? Станете бегать по Альпам со всеми этими геральдическими причиндалами?

Бонд убеждал терпеливо, настойчиво, энергично.

— Для начала в нашем паспортном столе меня снабдят надежными документами. Затем я выучу назубок родословную семьи Брея. Потом вызубрю основы геральдики. И наконец, если Блофелд заглотит наживку, я отправлюсь в

Швейцарию, захватив с собой геральдические фолианты, и предложу свою помощь в выращивании генеалогического дерева де Блевилей.

— А что потом?

— А потом я постараюсь выманить его из Швейцарии, дабы он оказался по другую сторону границы, где мы сможем организовать его похищение точно так же, как в свое время израильтяне утащили Эйхмана. Детального плана у меня пока нет, сэр. Хотелось сначала получить ваше согласие. К тому же Сейбл Базилиск должен найти подходящую и весьма соблазнительную наживку и забросить ее этим адвокатам из Цюриха.

— А почему бы не попробовать оказать давление на адвокатов из Цюриха, выманить у них адрес Блофелда? Десантно-диверсионную операцию можно было бы разработать на более позднем этапе.

— Разве вы не знаете швейцарцев, сэр. Только богу известно, сколько платит им Блофелд. Суммы должны быть внушительными, он же миллионер. В конечном счете, адрес нам, вероятно, сообщат, но и Блофелду намекнут, что им интересуются, сделают это для того, чтобы получить гонорар прежде, чем он унесет ноги. Ведь деньги — религия швейцарцев.

— Не нужно читать мне лекцию о нравах обитателей Швейцарии, благодарю покорно, 007. По крайней мере, в поездах у них чисто, а битников нет и в помине (М. почему-то всегда приводил именно эти два довода!), но в том, что вы говорите, есть, пожалуй, доля правды. Ладно. — Жестом человека, утомленного разговором, М. подвинул к Бонду папку, лежавшую на столе. — Здесь сразу не разберешься. План следует доработать. — М. скептически покачал головой. — Сэр Хиларди Брей! Скажите начальнику штаба, что получили мое благословение. Хотя даю его неохотно. Скажите, что он может помочь вам всем необходимым. Держите меня в курсе дела. — М. потянулся к «вертушке» — правительственному телефону. В голосе его звучало недовольство. — Кажется, мне придется доложить премьер-министру, что мы кое-что разузнали об этом малом. В детали мы его посвящать не станем. Это все, 007.

— Благодарю вас, сэр. Всего хорошего. — Направляясь к двери, Бонд успел услышать, как М. произнес в зеленую трубку: «Говорит М. Соедините меня, пожалуйста, с премьер-министром, да-да, с ним лично».

Заупокойную службу можно было уже заказывать.

Бонд вышел и тихо прикрыл за собой дверь.

Итак, пока декабрь готовился прийти на смену ноябрю, — Джеймс Бонд без особого желания опять принялся за учебу, он часами просиживал за письменным столом, зубрил геральдику вместо сверхсекретных отчетов, выискивал отрывочные сведения об англичанах и французах, живших в средние века, с головой уходил в старинные мифы и предания, перенимал опыт Сейбла Базилискиа и время от времени узнавал действительно интересные вещи, ну, например, — владельцы «Гамиджез», большого универсального магазина в Лондоне, родом были из местечка Гамаши, что в Нормандии, а Уолт Дисней оказался дальним родственником рода д'Исиньи из той же части Франции. Но то были жемчужные зерна в куче архаизмов, и когда однажды Мэри Гуднайт в ответ на какую-то его остроту обратилась к нему «сэр Хилари», он чуть не убил ее.

Тем временем в высшей степени учитывая переписка между Сейблом Базилиском и конторой «Гебрюдер Мусбрюггер» шла своим чередом, но с большими трудностями. Адвокаты, а вернее, Блофелд, стоящий за ними, не только выражали бесконечное неудовольствие, но при этом задавали весьма профессиональные вопросы, на каждый из которых приходилось подробно отвечать, прибегая к различным ухищрениям геральдической науки. Приходили и конкретные запросы о сэре Хилари Брее, этом новоявленном специалисте по геральдике. Попросили его

фотографии — надлежащим образом сработанные, они были предоставлены. Пришлось также направить в Швейцарию подробнейшую, начиная со школьных лет, биографию Брея, которую действительный сэр Хилари прислал из Шотландии, сопроводив ее весьма забавной записочкой.

Чтобы проверить, все ли идет гладко, Сейбл Базилиск запросил дополнительные средства, и с обнадеживающей оперативностью, без проволочек, была получена еще одна тысяча фунтов. Когда 15 декабря пришел чек, Сейбл Базилиск, весьма собой довольный, позвонил Бонду. «Теперь не уйдет, — сказал он. — Блофелд у нас на крючке». И действительно, на следующий день пришло письмо из Цюриха, в котором сообщалось, что клиент дал согласие встретиться с сэром Хилари. Не будет ли сэр Хилари любезен прибыть в центральный аэропорт Цюриха 105-м рейсом, который выполняет компания «Свиссэр», самолет совершит посадку в Цюрихе 21 декабря в 13:00. По подсказке Бонда Сейбл Базилике сообщил в ответном послании, что указанная дата не устраивает сэра Хилари, так как у него уже назначена встреча с Верховным комиссаром Канады — вопрос идет об уточнении некоторых фрагментов герба компании «Хадсон-бей». 22-е число, однако, сэру Хилари вполне подойдет. Цюрих откликнулся телеграммой, в которой выражалось полное согласие с таким расписанием. Бонду стало ясно, что рыбка заглотила не только наживку, но и грузило, и всю удочку.

Последние несколько дней прошли в суматохе совещаний в штаб-квартире под председательством начальника штаба. Было решено, что Бонд отправится на встречу с Блофелдом абсолютно «чистым». У него не будет при себе никакого оружия, никаких тайных приспособлений, и Служба не будет его никаким образом подстраховывать. Связь он станет держать только с Сейблом Базилиском, передавая информацию, которую сможет добыть, с помощью эзопова языка геральдики (Сейбла Базилиса отдел MI—5 просветил после первой же его встречи с Бондом); Базилиску, который смутно догадывался, что Бонд работает в министерстве обороны, сделают «выход» в это учреждение, в Секретную службу информация будет поступать через данный канал. Расчет строился на том, что Бонд сможет находиться в обществе Блофелда по крайней мере в течение нескольких дней. Военная хитрость заключалась именно в этом. Важно было разузнать о Блофелде как можно больше — что делает, с кем работает — и только потом строить планы дальнейших действий, связанных с его насильственным похищением из Швейцарии. Может быть, они обойдутся без применения силовых приемов. Вдруг Бонду удастся склонить Блофелда к поездке в Германию — Сейбл Базилиск подготовит соответствующее письмо, в котором сообщит, что в центральном архиве города Аугсбурга имеются документы, относящиеся к некоему семейству Блофелдов, необходимо, чтобы клиент лично ознакомился с ними. Будут приняты все необходимые меры предосторожности: пост «Зет» не станут информировать о миссии Бонда в Швейцарии, и операцию под кодовым названием «Бертам», которой занимались сотрудники штаб-квартиры, закроют — об этом будет сообщено в оперативной сводке дня. Операция получит другое кодовое наименование, о чем будут знать лишь несколько высших чинов. Итак — начинается операция «Корона».

Наконец, обсудили и вопрос о безопасности самого Бонда. В штаб-квартире знали, с кем имеют дело, никто не ставил под сомнение профессионализм Блофелда и его крайнюю жестокость. Как только Блофелд каким-то образом раскроет Бонда, он, конечно, не остановится перед его уничтожением. События могут развиваться и по иному, не менее опасному и вполне вероятному сценарию: Блофелд прозондирует «глубину» геральдических познаний Бонда; как только будет доказано, что он действительно является или не является графом де Блевиль, с сэром Хилари Бреем, «материалом» отработанным, может вдруг произойти несчастный случай. Бонду придется взглянуть в лицо всем этим опасностям и быть особенно осмотрительным в

варианте «несчастливого случая». У него и у Сейбла Базилиски из «группы поддержки» должны быть в запасе такие трюки, которые заставляли бы Блоффелда ценить жизнь сэра Хилари до поры до времени. В заключение начальник штаба заявил, что вся эта операция напоминает ему хитросплетения какой-то геральдической виньетки, и поэтому он предлагает дать ей кодовое наименование «Виньетка», что звучит лучше, чем «Корона». При этом, однако, он пожелал Бонду всяческой удачи и походя заметил, что, пожалуй, отдаст распоряжение техническому отделу немедленно начать разработку партии снежков со взрывным механизмом специально для защиты Бонда.

На этой ободряющей ноте совещание закончилось, и вечером 21 декабря Бонд вернулся к себе в офис, чтобы еще раз вместе с Мэри Гуднайт просмотреть всю документацию.

Он пристроился сбоку стола, глядя на Риджентс-Парк, укрытый снегом и выглядевший печальным в сгустившихся за окном сумерках, а она сидела напротив него и читала опись.

— Труд Берка под названием «Баронеты, утраченные титулы и вымершие роды». Собственность Геральдической палаты со штампом «Из библиотеки не выносить». Копия материалов «Официальные посещения Геральдической палаты» с таким же штампом. «Справочник по генеалогии». Автор Г.У.Маршалл — с библиотечным формуляром на имя Сейбла Базилиски. «Основы геральдики» Берка, со штампом «Собственность Лондонской библиотеки», отправлена франкированным письмом 10 декабря. Паспорт на имя сэра Хилари Брея со свежими отметками о многократном пересечении границ Германии, Франции и Бенилюкса, довольно потертый, даже потрепанный. Одна большая папка с перепиской, корреспонденция из Аугсбурга и Цюриха, — на бланках Геральдической палаты и фирменных бланках адресатов. Вот и все, — закончила она. — Вы не забыли о метках не белье и прочих причиндалах?

— Нет, — ответил Бонд, думая о своем. — Вроде все предусмотрел. Помимо прочего, приобрел два новых костюма с отворотами на брюках и двумя разрезами на пиджаках, украшенных четырьмя пуговицами. Еще золотые часы с цепочкой и семейной печаткой Бреев. Словом — настоящий баронетик. — Бонд повернулся и посмотрел через стол на Мэри Гуднайт. — Как ты относишься к этой аванюре, Мэри? Думаешь, пройдет?

— Должно пройти, — уверенно ответила она, — столько трудов вложено. Только, — здесь она замялась, — не нравится мне, что ты идешь брать этого человека без оружия. — Она показала на кучу литературы, разложенной на полу. — И эти дурацкие книги по геральдике! Абсолютно на тебя не похоже. Будь там поосторожнее, обещаешь?

— Конечно, — произнес Бонд весьма убедительно, — об этом не беспокойся. А теперь будь пайной и вызови такси ко входу «Юниверсал экспорт». Да не забудь весь этот геральдический мусор, хорошо? Я спущусь через минуту. Дома буду весь вечер, — он кисло улыбнулся, — уложу свои шелковые рубашки с вензелями и виньетками. — Он поднялся. — До свидания, Мэри, а вернее, спокойной ночи, Гуднайт. И веди себя скромно в мое отсутствие.

— Сам будь поскромнее, — ответила Мэри. Она наклонилась, взяла с пола книги и бумаги, не глядя на Бонда, подошла к двери и закрыла ее за собой, толкнув ногой. Спустя мгновение дверь вновь открылась. — Извини, Джеймс, — сказала Гуднайт, глаза которой подозрительно блеснули. — Ни пуха ни пера и счастливого Рождества. — Она тихо прикрыла дверь.

Бонд посмотрел на совершенно невыразительную бежевую дверь канцелярии.

Какая же милая девушка эта Мэри! Но как же Трейси? Он должен быть с ней в Швейцарии. Пора бы уже дать ей знать о себе. Он соскучился, он часто думал о ней.

За все это время получил лишь три нейтральные по содержанию, но бодрые открытки из «Клиник де л'Оба» в Давосе. Бонд навел справки и убедился, что клиникой руководил профессор Август Коммер, президент Швейцарского общества психиатрических и психологических исследований. Сэр Джеймс Молони, невропатолог, обслуживающий сотрудников Службы, сообщил Бонду по телефону, что Коммер считается в своей области одним из ведущих специалистов. Бонд написал Трейси несколько теплых и ласковых писем, позаботившись о том, чтобы на конверте стояли американские штемпели. Он писал, что скоро вернется и свяжется с ней. Так ли? А что потом? На минуту Бонд испытал недозволенное чувство жалости к самому себе — все время ему приходится взваливать на свои плечи чужие заботы. Он решительно загасил сигарету и, громко хлопнув дверью, вышел из кабинета, спустился в лифте к скромному боковому входу с вывеской «Юниверсал экспорт».

Такси уже ждало его. Было семь часов. По дороге он обдумал план на вечер. Прежде всего аккуратно все упакует в один чемодан, самый простой — без всяких штучек, потом выпьет двойную порцию водки с тоником, не забыв пропустить и глоток «Ангостуры», ароматной горькой настойки; съесть яичницу с зеленью и приправами, рецепт которой заимствовал у Мэри, выпьет еще две водки с тоником, а затем, когда почувствует легкое опьянение, ляжет спать, приняв полтаблетки снотворного.

Воодушевленный перспективой подобного самонаркоза, приятного во всех отношениях. Бонд выбросил все другие мысли из головы.

9. Ирма — да не та

На следующий день в Лондонском аэропорту Джеймс Бонд — в котелке, с зачехленным зонтиком, с аккуратно сложенным номером «Таймс» и все такое прочее — чувствовал себя в общем нелепо. Он окончательно уверовал в это, когда в соответствии с титулом с ним стали обращаться по-особому и препроводили в зал ожидания первого класса. У регистрационной стойки, как только к нему обратились по имени — сэр Хилари, — он оглянулся назад, чтобы посмотреть, с кем девушка разговаривает. Пора действительно взять себя в руки и начать-таки вести себя как настоящий сэр Хилари Брей.

Выпив двойной бренди и «Джинджерейл», Бонд стоял особняком от других привилегированных пассажиров, находившихся в этом роскошном зале, и изо всех сил пытался выглядеть баронетом. Потом он вспомнил настоящего сэра Хилари Брея, который, возможно, в это время голыми руками потрошил благородного оленя в какой-нибудь горной долине. Вот ведь в нем — ну ничего от баронета! Пожалуй, следует немедленно избавиться от показного снобизма, который, вместе с совершенно противоположной чертой характера, так присущ многим англичанам! Надо прекратить строить из себя аристократа! Необходимо просто быть самим собой, и если произведет впечатление эдакого грубоватого и неотесанного баронета, рубахи-парня, по крайней мере, окажется похожим на человека благородных кровей, реально существующего где-то в горах Шотландии. Бонд выбросил номер «Таймс», который приобрел как еще один символ принадлежности к элите, купил «Дейли экспресс» и попросил еще бренди и «Джинджерейл».

Потом, когда «Каравелла» компании «Свиссэр» уже была в воздухе, ничто не мешало Бонду — шум реактивных двигателей едва доносился до пассажиров первого класса — мысленно вообразить себе встречу, о которой столь лаконично сообщили цюрихские адвокаты. Сэра Хилари встретит в аэропорту кто-нибудь из секретарей графа де Блевиля. Графа он сможет увидеть сразу по приезде или на следующий день. На какое-то мгновение Бонд немного растерялся. Как ему следует обратиться к Блофелду при встрече? Назвать его графом — по-английски, или мсье графом — по-французски? Нет, пожалуй, лучше обойтись без титулов — быть может,

вставить при удобном случае несколько покровительственное «уважаемый». Интересно, как Блофелд выглядит? Сильно ли пришлось ему изменить свою внешность? Наверное, он в этом преуспел, иначе бы лиса не обманула гончих. Волнение Бонда все возрастало по мере того, как он поглощал превосходный обед, принесенный стюардессой, о которой тоже надо было говорить в превосходной степени, да рассматривал в иллюминаторе припорошенную снегом шахматную доску территории Франции, проплывавшую далеко внизу. Снег лежал лишь местами, деревья стояли голые — они летели над холмистыми Вогезами; над Рейном снег был уже повсюду, в самой реке плавали льдины; короткая остановка в Базеле, и, наконец, под ними черный крест аэропорта в Цюрихе; зажглось табло «Пристегните ремни» на трех языках, и вот они уже снижаются, легкий толчок при приземлении, реверс обратной тяги — рев двигателей, и они вырываются на бетонированную площадку перед внушительным — в европейском стиле — зданием, украшенным яркими национальными флагами. Внутри здания у стойки компании «Свиссэр» рядом со служителем стояла женщина. Как только Бонд появился в дверях, она направилась к нему.

— Сэр Хилари Брей?

— Да.

— Я фрейлейн Ирма Бунт. Личный секретарь графа, рада вас приветствовать. Надеюсь, полет прошел нормально?

Она была похожа на хорошо загоревшую тюремную надзирательницу. У нее было квадратное грубое лицо с жесткими глазами желтого цвета. Улыбалась она одними губами, сложив их бантиком, ни тени юмора или радушия; в левом углу рта кожа лопнула от солнечного ожога, время от времени она облизывала ожог кончиком бледного языка. Пряди каштановых с проседью волос были собраны сзади в тугий пучок, который выглядывал из-под лыжной шапочки с пластмассовым желтым козырьком, завязанной бантиком под подбородком. Ее крепко сбитое короткое тело облегал не вязавшиеся с фигурой брюки, поверх которых была надета серая ветровка, украшенная на левой груди большой красной буквой "С" с короной наверху. «Ирма — да не та, дама не из приятных», — подумал Бонд.

— Да, полет был очень приятным, — произнес он вслух.

— Багажные бирки у вас при себе? Следуйте за мной. И конечно — паспорт. Сюда, пожалуйста.

Бонд прошел за ней через паспортный контроль и далее, в таможенный зал. Там было всего несколько человек. Бонд заметил, как она мимоходом кивнула головой. Человек с портфелем под мышкой, прохаживавшийся неподалеку, сразу исчез. Бонд тщательно разглядывал багажную бирку. Поверх кусочка картона он увидел, как этот тип юркнул в одну из телефонных будок, расположенных в ряд в главном зале, уже вне пределов таможенной зоны.

— Вы говорите по-немецки? — Язык ее мгновенно облизал лопнувшую кожу в углу рта.

— К сожалению, нет.

— А по-французски?

— Немного. Для работы хватает.

— Ну конечно. Ведь это вам важно.

Чемодан Бонда уже сняли с тележки и поставили к барьеру. В руке женщины мелькнул какой-то пропуск, она показала его таможеннику. Сделала это молниеносно, но Бонду удалось заметить, помимо фотографии, надпись: «Полиция». Вот так! У Блофелда все схвачено.

Таможенник почтительно произнес по-немецки: «Пожалуйста, сэр» — и поставил на чемодане Бонда метку мелком желтого цвета, цвета дня. Чемодан подхватил носильщик и пошел с ним к выходу. Когда они вышли на улицу, со стоянки

ловко вырулил и подкатил прямо к ним черный «Мерседес-300SE» без номерных знаков. Рядом с шофером сидел тот самый человек, который звонил из телефонной будки. Чемодан Бонда положили в багажник, и машина рванулась в сторону Цюриха. Когда они промчались несколько сот ярдов по основной дороге. Бонд услышал, как тип, сидевший рядом с шофером и тайком наблюдавший за шоссе через панорамное зеркало заднего обзора, произнес: «Все в порядке», и машина свернула направо на боковую дорожку, у которой стоял указатель: «Проезд закрыт! Только обслуживающий персонал и лица, имеющие специальные пропуска».

Бонда весьма позабавила эта наивная предосторожность. Было ясно, что проверка его еще не закончилась.

Машина подъехала к ангарам слева от главного здания, медленно проехала между ними и остановилась около ярко-оранжевого вертолета типа «Жаворонок», приспособленного компанией «Сюд авиасьон» для горноспасательных работ. Но этот вертолет имел на своем фюзеляже красную букву "С" с короной. Итак, вероятнее всего, он полетит, а не поедет!

— Вам приходилось когда-нибудь летать в таких машинах, нет? Это так приятно. С борта открывается прекрасный вид на Альпы, — по глазам фрейлейн Бунт было видно, что ее саму это нисколько не интересует. Они взобрались в вертолет по алюминиевой лестнице. — Осторожно, нагните, пожалуйста, голову! — Шофер передал чемодан Бонда.

Вертолет был шестиместный, внутри обит роскошной красной кожей. Пилот, сидевший на небольшом возвышении перед ними под фонарем из плексигласа, поднял большой палец. Рабочие наземной службы вытащили колодки, и огромные лопасти начали вращаться. Они вращались все быстрее и быстрее, обслуживающий персонал отошел в сторону, пряча лица от поднятого ветром снега. Машину слегка тряхнуло, и она стала стремительно набирать высоту; радио диспетчерской перестало потрескивать.

Ирма Бунт сидела через проход от Бонда. В хвосте вертолета сидел еще один человек, прикрывшийся газетой «Цюрих цайтунг». Бонд наклонился вперед и прокричал, стараясь перекрыть шум двигателя:

— Куда мы направляемся?

Бунт сделала вид, что не слышит. Бонд прокричал свой вопрос еще раз.

— В Альпы. Высоко в Альпы, — прозвучало в ответ. Она указала на иллюминатор. — Очень красиво. Вам ведь нравятся горы, не так ли?

— Обожаю горы, — заорал Бонд. — Прямо как в Шотландии.

Он откинулся в кресле, закурил сигарету и посмотрел в окно. Кажется, они направляются в сторону Цюриха. Курсом восток — юго-восток, примерно так. Идут на высоте 2000 футов. Сейчас проходят над Уолленси. Приняв явно скучающий вид, Бонд вытащил из портфеля «Дейли экспресс» и погрузился в чтение спортивных новостей. Он просмотрел всю газету до последней строчки, не пропустил ничего, лишь время от времени бросая усталый взгляд в окно. Большая гряда слева по борту — это Ретийские Альпы. А теперь они летят над железнодорожным узлом Ландкварт. Идут вдоль долины Пратигау. Пойдут ли дальше вперед от Клостера или возьмут правее? Взяли правее. Все правильно! Они в Давосской долине! Через несколько минут он пролетит над Трейси! Еще один скучающий взгляд в окно. Да, там внизу лежала под покровом вечерних сумерек и дымки Давосская долина, а здесь, где летел он, все еще сверкало солнце. По крайней мере снега у Трейси, кажется, хватает. Бонд вспомнил великолепный спуск к Парсенну. Какая трасса! Вот были денечки! Они опять легли на старый курс, вертолет шел над высокими горными пиками. Силвретта была справа, слева — Лангвард, а впереди гряда Бернина, резко спускающаяся, словно широченный трамплин для прыжков, в сторону Италии. А вот это море огней справа по борту, должно быть, Санкт-Мориц. Что же дальше? Бонд с

головой ушел в газету. Небольшой поворот влево. Еще огни внизу — наверное. Понтресина? Начало потрескивать радио, зажглось табло «Пристегните ремни». Бонд посчитал, что теперь самое время поинтересоваться, где же они находятся. Он выглянул в иллюминатор. Внизу почти всюду было темно, лишь впереди все еще золотились под лучами заходящего солнца огромные горные вершины. Они направлялись прямо к одной из них, к маленькому плато около самого пика. На плато было несколько строений, от которых в темноту долины спускались золотистые тросики. Вагончик фуникулера, поблескивая на солнце, медленно спускался вниз. Вот он исчез во мраке. Вертолет все еще штурмовал склон горы, возвышавшейся перед ними. Теперь он летел всего на какую-нибудь сотню футов выше склона, ведущего к плато и строениям. Рука пилота лежала на ручке управления. Машина слегка наклонилась и замедлила движение. Лопасты медленно вращались, затем ускорили ход, вертолет на мгновение завис в воздухе и пошел к земле. В момент, когда шасси коснулись снега, пассажиры ощутили мягкий толчок, гул двигателя замер — они прибыли к месту назначения.

Где же они приземлились? Бонд прекрасно ориентировался. Это гряда Лангвард. Они где-то над Понтресиной в Энгадине. Высота порядка 10000 футов. Когда дверца вертолета распахнулась, Бонд уже застегнул плащ и приготовился глотнуть холодный, обжигающий легкий воздух.

Ирма Бунт сложила губки бантиком и объявила: «Мы прибыли», что и так было ясно.

Примерзшую дверь широко открыли, кусочки льда полетели вниз. Последние лучи заходящего солнца осветили кабину. Они упали на защитный желтый козырек на лбу Ирмы Бунт и сделали ее похожей на китаянку. Глаза сверкали фальшивым неестественным блеском, как стеклянные глаза-пуговицы детской игрушки.

— Смотрите, не ударьтесь головой. — Она нагнулась — у Бонда появилось острое желание дать ей ногой под зад, такой обтянутый и квадратный, — и сошла вниз по трапу.

Джеймс Бонд последовал за ней, задержав дыхание, чтобы не сразу глотнуть леденящий разреженный воздух. Внизу стояло несколько человек, похожих на горнолыжных инструкторов. Они с любопытством оглядывали Бонда, но не произнесли ни единого слова приветствия. Бонд зашагал по плотно утопанному снегу вслед за женщиной, сзади кто-то нес его чемодан. Он услышал звук включенного мотора, и с правой стороны в лицо ему ударило снегом. Железный кузнечик подпрыгнул в воздух и, затарахтев, скрылся в темноте.

Они находились ярдах в пятидесяти от того места, где приземлился вертолет, и направлялись к группе зданий. Бонд пошел медленнее, пытаясь сориентироваться на местности. Прямо перед ним было длинное низкое строение, залитое светом. Справа — это еще ярдов пятьдесят в сторону — виднелись очертания типичной современной коробки станции фуникулера, массивная плоская крыша спускалась почти до самой земли. Пока Бонд изучал это здание, свет в нем погас. Возможно, последний фуникулер спустился в долину и дорогу закрыли на ночь. Еще правее располагался большой коттедж с огромной верандой, кое-где освещенной, — домик, каких полно в Швейцарии, рассчитанный на большое количество туристов, яркий образчик высокогорной архитектуры. Ниже по склону плато, чуть левее, можно было различить огни четвертого здания, в темноте видна была лишь его плоская крыша.

Теперь Бонд находился в нескольких шагах от дома, в который, скорее всего, его хотели препроводить. Женщина открыла дверь — прямоугольник желтого света гостеприимно засиял в темноте. Бонд увидел ярко освещенную вывеску с красной буквой "С" и короной. На вывеске было написано: «Клуб „Глория“. 3605 метров. Частная собственность. Только для членов клуба». И ниже помельче: "Альпийский приют и ресторан «Пик Глория» и обычное изображение указательного пальца —

идите направо в сторону здания рядом с началом канатной дороги.

Вот так! «Пик Глория!» Бонд шагнул в освещенный желтым светом прямоугольник. Дверь, как только женщина отпустила ее, закрылась с пневматическим шипением.

Внутри было очень тепло, почти жарко. Они оказались в небольшом гостиничном холле, навстречу им поднялся моложавый блондин с короткой стрижкой и пронизательными глазами.

— Сэр Хилари располагается во втором номере, — произнес он, слегка наклонившись в их сторону.

— Я провожу, — бросила Бунт на ходу. — Идите за мной, пожалуйста, — более вежливо обратилась она к Бонду.

Бунт открыла дверь в коридор и ступила на мягкую ковровую дорожку красного цвета. На стене слева было лишь несколько окон, между ними развешаны отличные фотографии гор и горнолыжников. Справа шли двери с табличками «Бар», «Ресторан», «Туалет». Потом, скорее всего, двери номеров Бонда ввели в номер 2. Это была очень уютная комнатка, стены которой были обиты мебельным ситцем, все очень похоже на американские мотели, только с отдельной ванной комнатой. Большое окно было задернуто шторами, но Бонд не сомневался, что из него открывался красивейший вид на долину и группу горных хребтов Силвретта, возвышающуюся над Санкт-Морицем. Бонд бросил атташе-кейс на двухспальную кровать и с удовольствием снял с себя котелок и отставил в сторону зонт. Вошел человек, который нес его чемодан, и, поставив его на специальную подставку, тут же вышел; даже не взглянув на Бонда, плотно прикрыв за собой дверь. Женщина продолжала стоять на том же месте.

— Вам здесь нравится? — Ее желтые глаза остались холодны, несмотря на его горячее «о, да!», произнесенное с энтузиазмом. — Очень хорошо. Теперь я должна объяснить вам кое-что, довести до вашего сведения некоторые правила этого клуба, если не возражаете.

Бонд закурил.

— Я слушаю вас — Лицо его приняло выражение вежливой заинтересованности. — Но для начала хотелось бы знать, где мы находимся?

— В Альпах. Высоко в Альпах, — ответила она довольно неопределенно. — Это место в Альпах, пик Глория, — собственность графа. В сотрудничестве с местными властями он построил канатную дорогу. Вы ведь видели ее? Дорогу открыли только в этом году. Она пользуется большой популярностью и приносит немалый доход. Здесь несколько трасс, прекрасные спуски. «Глорию» уже хорошо знают. Проложена и трасса для бобслея, она гораздо длиннее, чем «Креста» в Санкт-Морице. Слышали, наверное? Вы катаетесь? Или, может быть, занимаетесь бобслеем?

Желтые глаза внимательно следили за ним. Бонд решил, что надо отрицательно ответить на все вопросы. Так подсказала ему интуиция.

— Да что вы, — сказал он, словно извиняясь, — никак руки не доходили. Вот все книги мои не отпускают, закопался в них совсем. — Он виновато улыбнулся. — Что ж тут поделаешь.

— Очень жаль, — произнесла она по-немецки и по-английски, но в глазах ее отразилось удовлетворение. — Граф получает большой доход от всех этих сооружений. Это очень важно, это помогает финансировать дело всей его жизни, его Институт.

Бонд слегка поднял брови, выражая вежливое удивление.

— Институт физиологических исследований. Научная работа. Граф — ведущий специалист в области изучения аллергических заболеваний, понимаете? Ну там сенная лихорадка, аллергия на отдельные продукты питания — моллюсков например, понятно?

— Что вы говорите? Сам я, к счастью, этим заболеваниями не подвержен.

— Ах так? Лаборатории располагаются в отдельном здании. Там же живет граф. В здании, где мы находимся, живут пациенты. Он просит вас не беспокоить их лишними вопросами. Лечение требует деликатного обращения. Вы меня понимаете?

— Да, конечно. А когда я смогу увидеть графа? Видите ли, фрейлейн Бунт, я очень занятой человек. В Лондоне меня ждут дела. Бонд говорил, стараясь произвести впечатление. — Новые африканские государства. Много работы над их символикой — флаги, денежные знаки, почтовые марки, медали. В Геральдической палате не хватает сотрудников. Я надеюсь, граф понимает, что его личные проблемы, конечно, столь интересные и важные, отходят тем не менее на второй план перед делами правительственного уровня.

Бонд достиг своей цели. Теперь она была вся внимание, выражала готовность войти в его положение.

— Конечно, конечно, уважаемый сэр Хилари. Граф просит извинить его, он не может встретиться с вами сегодня вечером, но будет рад видеть вас завтра в 11 утра. Вас это устраивает?

— Безусловно, безусловно. За это время я приведу в порядок свои документы и книги. Может быть, — он сделал жест в сторону небольшого письменного стола у окна, — попросить еще один стол, чтобы разложить все эти бумаги? Видите ли, — Бонд улыбнулся и развел руками, — нам, книжным червям, требуется много места.

— Конечно, сэр Хилари. Стол доставят без промедления. — Она подошла к двери и нажала кнопку звонка. Посмотрев вниз, она произнесла несколько смущенно: — Вы, наверное, заметили, что с этой стороны двери нет дверной ручки? (Бонд, конечно, заметил это, но виду не показал.) Когда вы захотите выйти из комнаты, звоните. Хорошо? Это из-за пациентов. Необходимо, чтобы их ничто не беспокоило. Трудно помешать им посещать друг друга, чтобы посплетничать. Это для их же блага — надеюсь, вы понимаете? Ко сну здесь отходят в 10 часов. Но есть ночные дежурства, если вам что-нибудь потребуется. И двери, конечно, не заперты. Вы можете войти в свою комнату в любое время. Так. В 6 вечера мы собираемся на коктейль в баре. Это своего рода пауза, перерыв на отдых. — Губы связались бантиком, но лишь на мгновение. — Мои девочки с нетерпением ждут встречи с вами.

Дверь открылась. Появился один из тех типов, что выглядел как инструктор горнолыжного спорта, смуглый, с бычьей шеей, с карими глазами жителя Средиземноморья. Один из корсиканцев — один из перебежчиков от Марка-Анжа? На плохом французском, скороговоркой, женщина сказала, что нужен еще один стол. Надо принести его, пока они будут обедать.

— Слушаюсь, — произнес мужчина. — Она придержала дверь, он вышел и пошел по коридору направо. Стало быть, охрана располагается в конце коридора? Это надо запомнить.

— Это пока все, сэр Хилари? Почта уходит в полдень. У нас есть радиотелефонная связь, вы можете, если хотите, ею воспользоваться. Не передать ли что-нибудь графу?

— Пожалуйста, скажите, что я с большим нетерпением жду встречи с ним завтра. Итак — до шести вечера, — Бонду вдруг очень захотелось остаться одному, наедине со своими мыслями. Рукой он указал на свой чемодан. — Мне нужно еще разобраться.

— Конечно, конечно, сэр Хилари. Извините, что я вас задерживаю. — И на этой любезной ноте Ирма Бунт прикрыла дверь, которая сразу же защелкнулась за ней.

Бонд стоял, не двигаясь, посередине комнаты. Он тихонько присвистнул. Да, веселенькая история, черт побери, ну и ну! У него было острое желание ударить как следует ногой по этой изысканной мебели. Но он заметил, что на потолке один из четырех плафонов в форме призм был пустой, там виднелось нечто похожее на

глазное яблоко. Пост внутреннего наблюдения? Если да, то на какой площади он работает? Не больше широкого круга, охватывающего середину комнаты? А микрофоны? Может, весь потолок — это один большой микрофон. Обыкновенная военная хитрость, он постоянно должен помнить, что за ним следят.

Джеймс Бонд начал раскладывать вещи, думая о своем, мысли обгоняли друг друга. Затем он принял душ и должным образом подготовился к встрече с «ее девочками».

10. Роскошные девчушки

Бар был обит кожей, он казался ненастоящим, чересчур вылизанным, в нем пахло как в салоне новенькой машины. Бар был сделан с претензией на тирольский сруб: большой камин, сложенный из камня — в нем пылали огромные поленья, под потолком висела стилизованная люстра в виде колеса от телеги, лампочки на ней были похожи на оплавленные свечи. Здесь было много разных предметов из металла: настенные бра, пепельницы, настольные лампы, а сама стойка бара была легкомысленно украшена разными флажками и бутылочками из-под ликера. Приятная сладкоголосая музыка лилась из невидимых динамиков. «Здесь и не напьешься-то как следует», — подумал Бонд про себя.

Когда он закрыл за собой обитую кожей, украшенную бронзовыми кнопками дверь, воцарилась минутная тишина, затем раздался все усиливающийся шум голосов, отовсюду на Блонда устремились чьи-то взгляды, его оценивали со всех сторон. Бонд сразу понял, что оказался в кругу самых симпатичных девушек, каких ему когда-либо приходилось встречать, и вокруг этих созвездий ковыляла Ирма Бунт, выглядевшая по крайней мере странно в своем самодельном домотканом костюме, предназначенном «на выход после лыж», надо сказать, что в костюме преобладали оранжевый и черный цвета.

— Сэр Хилари, — представила она его. При этом цепко схватила за руку. — Чудесно, просто чудесно, не правда ли? Проходите, пожалуйста, познакомьтесь с моими девочками.

В баре было ужасно жарко, и Бонд почувствовал, как на лбу его выступила испарина, пока его водили от стола к столу и он пожимал все эти прохладные, сухие, вялые руки. В ушах его звенели имена — Руби, Виолетта, Перл, Анна, Элизабет, Верил, но видел он только множество прекрасных загорелых лиц и целый ряд восхитительных, обтянутых свитерами бюстов. Это напоминало ему посещение там, у себя дома, заведений под привычными названиями «Девушки-колокольчики» или «Молодая поросьль». Он пробрался на место, оставленное специально для него, и сел между Ирмой Бунт и голубоглазой красавицей блондинкой с роскошной грудью. Бонд был просто сражен и взял себя в руки лишь тогда, когда бармен вопросительно взглянул на него.

— Виски с содовой, пожалуйста, — произнес он, и ему показалось, что голос его доносится откуда-то издалека.

Он не торопясь закурил сигарету, а в это время за четырьмя стоящими полукругом столами, которые днем, по всей видимости, убирали, — и это помещение превращалось в отличную смотровую площадку, откуда открывался ослепительный ландшафт, — велась какая-то странная, неестественная беседа, все как будто играли. Десять девушек и Ирма. Все девушки-англичанки. Никаких фамилий. И ни одного мужчины. Всем девушкам двадцать с небольшим. Все девушки, на первый взгляд, при деле. Все похожи на стюардесс. Возбуждены присутствием мужчины — мужчины приятной наружности, к тому же баронета с ног до головы, если только баронеты не бестелесны. Довольный собственной шуткой, Бонд повернулся к блондинке.

— Извините, ради бога, но я не расслышал ваше имя.

— Меня зовут Руби, — сказала она дружелюбно, но несколько манерно. — Наверное, это тяжелое испытание — оказаться единственным мужчиной, я имею в виду единственным среди нас всех, девушек.

— Ну, скорее это приятная неожиданность. Очень приятная. Вас так много, что запомнить, как кого зовут, просто невозможно. — Он понизил голос до заговорщицкого шепота. — Будьте добры, введите меня еще раз в курс дела, давайте, так сказать, пройдемся по всей команде.

Бонду подали виски с содовой, он нашел коктейль достаточно крепким, чем остался доволен. Сделал большой, но в меру глоток. При этом обратил внимание на то, что девушки пили кока-колу и фруктовые соки, коктейли все только слабые — типа «Орэндж блоссомс» или «Дайкири». Руби как раз пила «Дайкири». Было очевидно, что в спиртном его ограничивать никто не собирается, но следовало соблюдать осторожность и проявлять умеренность, подобающую настоящему джентльмену.

Руби, по всей видимости, была очень рада завязать знакомство.

— Итак, — сказала она, — я начну справа от вас. Это мисс Бунт, что-то вроде матроны. Вы с ней уже встречались. Затем, в фиолетовом шотландском свитере, конечно же, — Виолетта. Далее, за следующим столом, та, что в зеленой с золотом блузке от Пуччи, — Анна, я рядом с ней, просто в зеленом, — Перл. Она здесь, кажется, моя самая лучшая подруга.

Так она перечислила всех, переходя от одной красотки к другой. До Бонда долетали обрывки их разговора. «Фриц говорит, что я еще недостаточно уверенно чувствую себя на склоне, лыжи просто убегают от меня». — «Представь, и у меня то же самое, — радостное хихиканье, — попка вся в синяках». — «Граф уверяет, что я иду на поправку. Ну разве не ужасно, что придется уезжать отсюда?» — «Интересно, что сейчас делает Полли? Ее уже месяц как нет». — «Мне кажется, что для загара лучше всего натираться „Сколом“. Все эти мази и кремы — словно жир на сковородке». И так далее — обычная болтовня, которую можно услышать в кругу веселых, здоровых девушек, учившихся кататься на горных лыжах, — лишь имя графа произносится благоговейным шепотом, да на Ирму Бунт и Бонда поглядывают украдкой, чтобы убедиться, что ведут себя надлежащим образом, не слишком шумно.

Пока Руби продолжала свою немногословную переключку, Бонд старался связать имена с лицами и постараться понять, почему собралась здесь вместе эта очаровательная, но очень странная группа девушек, согласившихся на добровольное заточение на вершине действительно очень высокой горы в Альпах. Казалось, что все девушки вели себя одинаково просто и говорили одним и тем же языком, употребляя одинаковые выражения, они были похожи на тех девушек, что посиживают в английских пивных, такие скромные на вид, попивают себе «Бейбишам», газированный грушевый сидр, неумело затягиваются сигаретой и время от времени бросают своему приятелю французское «пардон». И это хорошие, порядочные девушки, они из тех, кто спокойно скажут пристающим: «Только не надо портить вечер» или: «У всех мужчин лишь одно на уме», а то и вовсе раздраженно: «А ну-ка убери руки». И какое разное у всех произношение, диалектные особенности, словно специально собранные со всей Англии, — полнозвучные гласные Ланкашира, ритмическая интонация, типичная для Уэльса, шотландская картавость, носовые звуки облагороженного кокни.

«Считайте, что меня почти удалось одурачить», — подумал Бонд, когда Руби подошла к концу длинного списка.

— А это Берил, вся в жемчугах и в таком же жемчужном джемпере. Ну, теперь, надеюсь, вы разобрались, кто есть кто?

Бонд посмотрел в круглые голубые глаза, в которых явно забегали озорные чертики.

— Честно говоря, нет. И я чувствую себя, как тот известный комик, которого в одном из фильмов хитростью заманили в женскую школу. Ну знаете, что-то вроде женского монастыря.

Ока хихикнула. Бонд еще не знал, что хихикает она постоянно. Она была чересчур «утонченной», чтобы раскрыть свои прелестные губки и расхохотаться. Ему также предстояло узнать, что она не умела чихать, как все нормальные люди, вместо этого она издавала слабый писк, зажимая рот кружевным платочком. Бонд не ведал пока, что она довольствуется очень малым количеством пищи, которую едва разжевывает, прежде чем проглотить, причем делает это совсем незаметно. (Ведь она «так хорошо воспитана».)

— Ой-ой, но мы совсем не из того женского монастыря. Те девочки такие гадкие. Как вам в голову такое пришло!

— Так просто ляпнул, — беззаботно ответил Бонд. — А не выпить ли нам еще по одной?

— Спасибо, мне не надо.

Бонд повернулся к фрейлейн Бунт:

— А вы, мисс Бунт?

— Благодарю вас, сэр Хилари. Яблочный сок, с вашего позволения.

Виолетта, четвертая за их столом, сказала вполне серьезно, что не станет больше пить кока-колу.

— Меня газики от нее мучают, — пояснила она.

— Виолетта, — чувство приличия никогда не изменяло Руби, теперь оно было оскорблено, — ну как ты можешь!

— Но ведь это так, — упрямо повторил Виолетта. — Они меня точно мучают. И еще я от нее икаю. А что плохого в том, что я об этом говорю?

«Добрый старый Манчестер», — подумал Бонд. Он поднялся и пошел к стойке бара, раздумывая, как ему осилить этот и другие вечера. Он заказал напитки, и тут его осенило! Надо, чтобы лед тронулся! Всеми правдами и неправдами он станет душой этого общества! Он попросил пустой бокал и сказал, чтобы края его смочили водою. Затем он взял бумажную салфетку и вернулся к столу. Сел.

— Вот что, — сказал он, когда все взоры обратились на него, — если бы нам пришлось платить за напитки, как бы мы решили, кому это делать? Сейчас покажу — я научился этому в армии. — Он поставил бокал на середину стола, развернул бумажную салфетку и накрыл ею бокал так, что она прилипла к мокрым краям. Затем достал из кармана несколько мелких монет, выбрал одну, достоинством в 5 сантимов, и бросил ее на середину натянутой поверхности салфетки.

— Начнем, пожалуй, — произнес он, вспомнив, что в последний раз играл в эту игру в одном из самых грязных притонов Сингапура. — Кто еще курит? Нам нужно еще три человека с зажженными сигаретами. — За их столом курила только Виолетта. Ирма хлопнула в ладоши и скомандовала:

— Элизабет, Верил, идите сюда. Девочки, идите все сюда. Сэр Хилари придумал какую-то смешную игру.

Девушки столпились вокруг, весело щебеча, радуясь развлечению:

— Что он задумал?

— Ой, что-то будет?

— А как мы будем играть?

— Так вот, — сказал Бонд, чувствуя себя массовиком-затейником с какого-нибудь теплохода, совершающего круиз, — сейчас мы выясним, кому платить. Все по очереди сделаем по затяжке, стряхнем пепел, вот так, и коснемся горящим концом сигареты салфетки так, чтобы прожечь дырочку, видите? — Бумага слегка вспыхнула. — Теперь вы, Виолетта, потом Элизабет, за ней Верил. Дело в том, что бумага как бы превращается в паутинку, держащую монетку посередине. Платит тот,

кто прожжет дырочку, после чего монетка упадет. Все ясно? Тогда начинайте, Виолетта.

Девушки завопили от восторга.

— Какая интересная игра!

— Берил, берегись!

Прехорошенькие мордашки склонились к Бонду. Роскошные волосы касались его лица. Три девушки молниеносно прожгли сигаретой бумагу, не разорвав паутинки, а Бонд, считавшийся знатоком этой игры, решил показать себя рыцарем и нарочно проиграл. Со звоном монетка упала в стакан, раздались смех и аплодисменты.

— Вот видите, девочки, — сказала Ирма Бунт, как будто именно она придумала эту игру, — платит сэр Хилари, не так ли? Мы чудесно провели время. А теперь, — она посмотрела на свои ручные мужские часы, — заканчиваем коктейль. До ужина осталось пять минут.

Послышались возгласы: «Ну еще один раз, пожалуйста, давайте еще сыграем, мисс Бунт». Но Бонд вежливо поднялся, держа стакан с виски в руке.

— Мы еще поиграем завтра. Но я надеюсь, что вы не начнете из-за этого курить. Нисколько не сомневаюсь, что игру эту изобрели владельцы табачных компаний!

Все засмеялись. Девушки продолжали стоять вокруг Бонда, с восхищением глядя на него. Какой же он славный! А они-то думали, что придет такой чопорный тип, застегнутый на все пуговицы. Бонд заслуженно гордился собой. Лед тронулся! Он сразу всех их привлек на свою сторону. Теперь они друзья-приятели. С этого момента он может разговаривать с ними, не боясь испугать. Чувствуя, что гамбит удался, он последовал за брюками в обтяжку — Ирма Бунт повела всех в столовую, которая находилась в соседней комнате.

Было половина восьмого. Бонд вдруг почувствовал себя таким уставшим: он был измучен мыслью о предстоящем скучном времяпрепровождении, его утомила эта самая, пожалуй, трудная роль в его жизни, он умаялся решать головоломки, которые придумывал Блофелд на пике Глория. Что еще замыслил этот ублюдок? Он сел справа от Ирмы Бунт, точно так же, как и в баре, Руби сидела по правую руку, а Виолетта; скромно державшаяся в тени, напротив него. Бонд с мрачным видом развернул салфетку. На эту неприступную крепость, гнездо хищной птицы, денег Блофелд явно не пожалел. Их три стола в дальнем углу у большого овального окна занимали лишь незначительную площадь огромной залы с низким потолком, роскошно обставленной с претензией на стиль немецкого барокко, украшенной канделябрами, свисающими с животов летящих херувимов, массивными гипсовыми позолоченными гирляндами, освященной присутствием потемневших портретов неизвестных вельмож. Должно быть, Блофелд чувствовал себя здесь как дома, бежать никуда не собирался. Сколько же он вложил сюда? Никак не меньше миллиона фунтов стерлингов, даже принимая в расчет крупную ссуду от швейцарских банков на строительство канатной дороги. Арендовать горную вершину, построить дорогу на деньги, взятые взаем, с участием инженеров и местных властей — это, о чем Бонд был прекрасно осведомлен, один из самых выгодных способов вложения капитала и отмыwania денег, нажитых несправедливым путем. Если тебе повезет, если вместе с местными властями удастся дать взятку или запугать окрестных фермеров, дабы согласились они допустить чужаков на свои пастбища, разрешили сделать вырубки в местах прохождения трассы и расположения опор канатной дороги, все остальное — дело рекламной техники и правильно рассчитанной кампании, ставящей своей целью привлечение местного населения к делу, поставленному с размахом. Добавьте к этому идею элитарного клуба, рассчитанную на снобизм клиентов, идею создания совершенно роскошного заведения, каким представилось Бонду это место днем, примите во внимание ту же букву "G" с короной и некий таинственный Институт, руководимый каким-то графом, и

вы помчитесь сюда сломя голову. Горнолыжный спорт. Бонд где-то вычитал эту информацию, считался теперь самым популярным в мире. Парадоксально, но ведь популярность других видов спорта определяется лишь числом зрителей. Среди горнолыжников же одни участники, и денег на снаряжение они тратят поболее других. Костюмы, ботинки, лыжи, крепления, а теперь еще и все, что связано «с выходом после лыж», каждый день, без остановки, начиная с четырех часов дня и до захода солнца, — все это стало продуктом огромной индустрии. Если удавалось захватить высокую гору — Блофелду это каким-то образом удалось, — вы были в полном порядке. Затраты оправдывались с лихвой — снег, конечно, вещь непостоянная, но в Энгадине, на такой высоте, проблем с ним не было: три-четыре года работы — и можно снимать сливки! Блофелду, конечно, здорово подфартило.

Пора было однако, заняться делом. Покоряясь судьбе, Бонд обратился к фрейлейн Бунт:

— Фрейлейн Бунт, объясните мне, пожалуйста, разницу между пиком, горной вершиной и просто высокой горой.

В желтых глазах заблестел огонек, выражающий готовность дать необходимые научные пояснения.

— Очень интересный вопрос, уважаемый сэр Хилари. Раньше я об этом как-то не задумывалась. Минуточку, минуточку. — Она уставилась в пространство. — Пик — это лишь принятое в данном кантоне Швейцарии название любой горной вершины. Горная вершина, в свою очередь, — это лишь часть собственно горы. Это своего рода холм на горе, или высокогорное пастбище, с горой ее не сравнить. Впрочем, не совсем так. Вот это, — она обвела вокруг рукой, — все горные вершины, и одновременно они же — высокие горы. Аналогичная ситуация в Австрии, само собой — в Тироле. А в Германии, например в Баварии, я, кстати, оттуда родом, все это называют просто высокими горами. — Нет, сэр Хилари, — подобие улыбки, губки бантиком — появилось и сразу же исчезло, — боюсь, мне этого не объяснить. А почему вы спрашиваете?

— В моей профессии, — сказал Бонд без всяких затей, — очень важно точное значение слова. Вот только что, перед тем как мы встретились за коктейлем, мне захотелось проверить по справочникам вашу фамилию — Бунт. То, что я обнаружил, весьма интересно. «Бунт» по-немецки, кажется, означает «веселый», «счастливый», а может быть, и не так. В Англии фамилия, конечно, претерпела изменения и превратилась в Баунти, может быть, даже в Бронте, так как основатель известной литературной семьи на самом деле несколько изменил свою не столь аристократически звучащую фамилию Бранти. Вот ведь как забавно получается. — Бонд знал, что ничего забавного тут не было, он просто-напросто фокусничал, но считал, что хуже от этого не будет, надо же размять свои геральдические мускулы. — Может быть, вы вспомните, были ли ваши предки каким-нибудь образом связаны с Англией? Существует титул герцога Бронте, который взял себе Нельсон. Было бы интересно проследить данную линию.

Он попал в точку! Герцогиня! Ирма Бунт схватила наживку, она пустилась в пространные воспоминания о своих предках, с гордостью упомянула о дальнем родственнике, графе фон Бунте. Бонд вежливо слушал, подводя ее своими вопросами к не столь древнему прошлому. Она назвала имена своих родителей, он запомнил их. Теперь Бонд знал достаточно, чтобы в нужный момент разузнать, кем же на самом деле была Ирма Бунт. Какой же прекрасной ловушкой был снобизм! Как же прав Сейбл Базилик! В каждом из нас сидит сноб и, только обратившись к нему, Бонд смог вывести кое-что о родителях этой женщины.

С большим трудом удалось Бонду охладить пыл размышлявшей женщины; наконец-то официант, давно ожидавший, когда же клиент кончит разговаривать, подал огромное меню, написанное фиолетовыми чернилами. Чего там только не

было: от икры до двойного мокко с ирландским виски. Было также много фирменных блюд — цыпленок «Глория», омар а-ля Глория, говяжье филе «Глория» и так далее. Бонд, несмотря на предубеждение ко всяким фирменным блюдам, решил все-таки попробовать цыпленка. Он был несказанно удивлен тем, с каким энтузиазмом Руби приветствовала его выбор.

— О, вы не ошиблись, сэр Хилари! Я просто обожаю цыплят. Я по ним с ума схожу. Пожалуйста, мисс Бунт, можно мне тоже заказать цыпленка?

В ее голосе было столько неожиданной горячности, что Бонд невольно взглянул на Ирму Бунт. Что означал снисходительный блеск в ее глазах, когда она давала свое согласие? Это было нечто большее, чем простое одобрение хорошего аппетита одной из ее подопечных. Она восприняла это заявление с явным удовлетворением, да нет, она просто торжествовала. Странно! Тот же блеск возник в ее глазах, когда Виолетта выпросила к филе больше картошки, чем полагалось на гарнир.

— Я просто обожаю картошку, — объяснила она Бонду. Глаза ее сияли. — А вы разве ее не любите?

— Картошка полезна, — согласился Бонд. — Но только когда при этом занимаешься спортом.

— Нет, картошка просто прелесть, — восторгалась Виолетта. — Ну скажите, что это так, мисс Бунт?

— Да, конечно, моя дорогая, с картошкой все в порядке. И тебе она полезна. А я, Фриц, позволю себе лишь салат и творог. — Она изобразила подобие жеманной улыбки. — Увы, — заметила она Бонду, — я должна следить за фигурой. Эти юные создания постоянно занимаются спортом, а мне приходится сидеть в конторе и возиться с бумажками, не так ли?

За соседним столом Бонд услышал, как девушка с шотландским акцентом попросила, чтобы ей приготовили стейк из аберлинского барашка, и непременно с кровью.

— Хорошенького барашка, и с кровью, — настаивала она, чувствовалось, что у нее прямо-таки слюнки текут.

Что бы это могло значить, недоумевал Бонд, что за сборище прекрасных людоедок? Или сегодня у них разгрузочный день после строжайшей диеты? Он терялся в догадках, это было выше его понимания. Ну что ж, будет копать дальше.

— Теперь, — обратился он к Руби, — вы понимаете, что я имею в виду, когда отыскиваю фамильные корни. Фрейлейн Бунт, быть может, вправе претендовать на один из английских титулов. Ну а как, например, ваша фамилия? Посмотрим, что я могу определить по ней.

Фрейлейн Бунт резко перебила его:

— Никаких фамилий, сэр Хилари. Таков закон этого дома. Мы называем девочек только по именам. Это часть лечебного цикла, проводимого графом. Это связано, если хотите, с перевоплощением, так пациенты быстрее идут на поправку. Вам понятно?

— Нет, боюсь, это выше моего понимания, — весело ответил Бонд.

— Завтра граф обязательно объяснит вам кое-что. У него на этот счет свои теории и свой метод. Мир просто ахнет в один прекрасный день.

— Не сомневаюсь в этом, — вежливо сказал Бонд. — Ну а теперь, — он хотел сменить тему и поболтать о чем-нибудь незначительном, дабы отвлечься, поразмышлять о более важных для него вещах, — расскажите-ка мне о том, как вы катаетесь на лыжах. Каких достигли успехов? Сам я, боюсь, в этом ничего не понимаю. Может быть, научусь чему-нибудь, посмотрев на ваши занятия.

Разговор этот он завел весьма кстати. Руби и Виолетта подхватили новую тему, поддерживал беседу и Бонд, до тех пор пока не подали еду, которая оказалась восхитительной. Цыпленок «Глория», похоже, еще пять минут назад бегал по двору,

подали его под горчишно-сметанным соусом. Девушки замолчали, склонившись над тарелками, сосредоточенно уничтожая их содержимое, делали они это достаточно деликатно, но вполне целенаправленно. За другими столами все разговоры тоже прекратились. Бонд заговорил об убранстве залы, в которой они находились, и это дало ему возможность хорошенько разглядеть официантов. В поле его зрения попало 12 человек. Нетрудно было определить, что трое из них корсиканцы, трое — немцы, трое с Балкан — турки, болгары или югославы, и еще трое — явные славяне. На кухне, должно быть, готовили трое французов. Что это — старая структура СПЕКТРа? Хорошо зарекомендовавшие себя ячейки коммунистов, так называемые тройки, состоящие из представителей наиболее всемогущих гангстерских группировок или тайных служб, осуществляющих свою деятельность в Европе? Эти трое славян, они что, раньше работали на СМЕРШ? Хилыми их, безусловно, не назовешь и ведут себя как настоящие профессионалы. Среди них был и тот человек, которого он заметил в аэропорту, и тот, кто встретил их в вестибюле гостиницы, а вот с этим говорили по поводу дополнительного стола. Он слышал, как девушки называли их Фрицем, Жозефом, Иваном, Ахмедом. Некоторые из них днем выглядели как инструкторы-горнолыжники. Да, компания подобралась подходящая, в этом Бонд теперь не сомневался.

После обеда Бонд ушел, сославшись на то, что хотел бы поработать. Он отправился к себе в комнату, разложил на столике книги и бумаги, не забыл оккупировать и новый стол, который успели поставить. Он склонился над документами, в усердии его сомнений не было — Бонд прокручивал в голове весь сегодняшний день.

В 10 часов он услышал, как девушки в коридоре желали друг другу спокойной ночи, везде защелкали дверные замки. Бонд разделся, повернул термостат, висевший на стене, довел температуру 85° до 60° по Фаренгейту, выключил свет лег на спину и некоторое время лежал так, уставившись в темноту. Затем он притворно вздохнул, так чтобы микрофоны это зафиксировали, повернулся на бок и заснул.

Позже, гораздо позже, его разбудило тихое бормотание, которое, казалось, доносилось откуда-то из-под пола, но очень издалека. Он квалифицировал этот шум как тихий шепоток, который не прекращался ни на минуту. Но слов было не разобрать, и в конце концов решив, что звуки издают трубы центрального отопления. Бонд повернулся на другой бок и опять заснул.

11. Смерть на завтрак

Джеймса Бонда разбудил чей-то пронзительный крик. Это был ужасный, душераздирающий крик мужчины. Он начался на очень высокой ноте, потом мгновенно стал глуше, как если бы кричавший человек прыгнул с обрыва. Крик раздался где-то справа, в той стороне, где была канатная дорога. Даже в комнате Бонда крик этот, приглушенный двойными рамами окон, был слышен столь отчетливо, что вселял ужас. Снаружи, наверное, он вообще звучал непереносимо.

Бонд вскочил и отдернул штору, не зная еще, какую сцену паники, снующих повсюду людей он увидит. Но единственным человеком, оказавшимся в поле его зрения, был один из инструкторов горнолыжного спорта; он медленно, даже несколько флегматично поднимался по вытоптанной в снегу дорожке, которая шла от станции канатной дороги к клубу. Просторная деревянная веранда, которая нависала над склоном горы, была пуста, но столы уже накрыли к завтраку, и мягкие яркие шезлонги для любителей позагорать успели расставить аккуратными рядами. Солнце ослепительно сияло на безоблачном небе. Бонд взглянул на часы — 8 утра. Встают здесь спозаранку! И так спешат умирать! У него не было сомнений в том, что

он слышал предсмертный крик. Бонд отошел от окна и нажал кнопку звонка.

Появился человек, один из той тройки, которую Бонд посчитал русской.

— Как вас зовут? — спросил Бонд, стараясь показать себя одновременно старшим по званию и джентльменом.

— Питер, сэр.

«Петр, — так и подмывало сказать Бонда, — а как там поживают мои старые друзья из СМЕРШа?» Но он сдержал себя.

— А что это был за крик?

— Прошу прощения, — человек с глазами серого гранита насторожился.

— Только что кричал какой-то человек. Там, на канатной станции. Что это было?

— Кажется, произошел несчастный случай, сэр. Что вы хотите на завтрак? — Он вытащил из-под мышки огромный лист и неловко протянул меню Бонду.

— Что за несчастный случай?

— Кажется, упал вниз один из инструкторов. Каким образом мог этот человек знать все это, если с того момента, как раздался крик, прошло всего несколько минут?

— Он сильно пострадал?

— Возможно, сэр. — Глаза, безусловно тренированные, привыкшие наблюдать, бесстрастно смотрели на Бонда. — Так что вы хотите на завтрак? — Он слегка подтолкнул меню в сторону Бонда.

— Я надеюсь, что с беднягой ничего серьезного не случилось, — сказал Бонд, сделав достаточно озабоченный вид. Он взял меню и сделал заказ. — Дайте мне знать, если услышите, что там произошло.

— Если дело серьезное, об этом, безусловно, сообщат. Благодарю вас, сэр. — И он удалился.

Именно этот ужасный крик заставил Бонда подумать о том, что, помимо всего прочего, он должен находиться в хорошей спортивной форме. Бонд вдруг понял, что, кроме умственной работы, связанной с принятием головоломных решений, помимо естественной необходимости в аналитическом мышлении, наступит момент, когда в расчет будет приниматься только физическая сила. Не очень охотно в течение 15 минут он делал зарядку: наклоны, отжимы, упражнения для грудной клетки — в общем, все то, что необходимо горнолыжнику. Он подумал, что настанет момент, когда ему придется убираться отсюда подобру-поздорову. Придется просто уносить ноги!

Он принял душ и побрился. Завтрак ему принес Питер.

— Есть какие-нибудь новости об этом несчастном инструкторе?

— Я больше ничего не слышал, сэр. Этим занимаются те, кто работает на улице. Я же нахожусь все время в помещении клуба.

Бонд решил спустить все на тормозах.

— Скорее всего он поскользнулся и сломал ногу. Бедняга! Благодарю вас, Питер.

— Благодарю вас, сэр. — Не промелькнула ли в гранитных глазах ухмылка?

Джеймс Бонд поставил поднос на письменный стол и с трудом открыл окно. Он убрал небольшой валик, который лежал между рамами, — специальное средство от сквозняков, сдул накопившуюся там пыль и дохлых мух. Холодный, безвкусный воздух, характерный для больших высот, хлынул в комнату. Бонд подошел к термостату и поставил его на отметку 90, чтобы создать противоток. Он нагнулся к столу, голова его при этом находилась ниже уровня подоконника, и сел завтракать; это был обычный завтрак, подаваемый в европейских гостиницах. Пока ел, прислушивался к голосам девушек, которые собирались около террасы. Говорили они громко, перебивая друг друга. Бонд мог слышать каждое слово.

— Лично я считаю, что Сара не должна была доносить на него.

— Но он пришел, когда стемнело, и начал к ней приставать.

— Ты хочешь сказать, что он действительно пытался изнасиловать ее?

— Так она, по крайней мере, заявляет. На ее месте я бы поступила точно так же. Какая же он скотина!

— Ты хочешь сказать, какая же он был скотина. Кстати, кто из них?

— Один из югославов. Бертил.

— А, знаю. Он действительно был жуткий тип. И зубы просто отвратительные.

— О мертвых так не говорят.

— Откуда ты знаешь, что он мертв? В конце концов, что с ним произошло?

— Он работал еще с одним в начале трассы бобслея. Они заливали стартовую площадку. Ты же знаешь, ходят там каждое утро со шлангами. Следят за тем, чтобы желоб соответствовал всем стандартам, чтобы сани скользили как следует.

— Фриц сказал мне, что он поскользнулся, потерял равновесие — или что-то в этом роде. И все. Он просто полетел вниз, как сани.

— Элизабет! Как ты можешь так спокойно говорить об этом!

— А что? Так все и было. Ты же сама спросила.

— Но неужели он не мог спастись?

— Не будь идиоткой. Это же сплошной лед, целая миля льда. А сани летят со скоростью до 60 миль в час. У него не было никаких шансов.

— А разве он не мог вылететь из желоба на одном из поворотов?

— Фриц говорил, что он промчался до самого конца. Врезался в хронометражную будку. Но Фриц утверждает, что он был уже мертв после первых ста ярдов.

— А, вот и Франц. Франц, мне, пожалуйста, яичницу и кофе. И скажи им, чтобы только не пережарили ее, терпеть не могу, когда перебарщивают!

— Хорошо, мисс. А для вас, мисс? — Официант принял заказы, и Бонд услышал, как под его башмаками закрипели деревянные доски.

Та девушка, что произносила нравоучительные фразы, опять заговорила нравоучительно:

— Мне абсолютно ясно, что он был наказан за то, что приставал к Саре. За дурные поступки надо платить.

— Не смеши, пожалуйста. Господь никогда не накажет так сурово. — Беседа потекла по новому руслу, девушки утонули в наивных рассуждениях о морали и Священном писании.

Бонд закурил сигарету, откинулся на стуле и задумчиво посмотрел в небо. Нет, девушки правы.

Господь не стал бы прибегать к такому наказанию. А Блофелд стал бы. Состоялось ли одно из собраний, устраиваемых Блофелдом, на котором в присутствии всей команды сообщается о преступлении и приговоре? Был ли Бертил насильно сброшен вниз по желобу? Или, может быть, на его напарника пал жребий, ему приказали поставить согрешившему подножку или слегка подтолкнуть его, что еще нужно? Скорее всего так и было. По характеру крика можно судить, что все сочилось внезапно, человек осознал весь ужас ситуации, в которой оказался, лишь в момент падения, он вцепился в лед ногтями, сучил ногами, а потом, набирая скорость, полетел вниз по голубой отполированной до блеска поверхности желоба и понял, что неминуемое случилось, от судьбы не уйдешь. Что за смерть! Бонд однажды спускался с самой вершины «Кресты», просто чтобы доказать себе, что способен на такое. В шлеме, с маской на лице, защищающей от ледяного потока воздуха, в одежде, подбитой кожей, в дутой куртке, он тем не менее испытал 60 секунд животного страха. Даже теперь он помнил, как дрожал всем телом, когда с трудом выбирался из хлипких саней в конце трассы для бобслея. И всего-то преодолел какие-то 3/4 мили. Тот же человек, или то, что осталось от него, кровавое месиво, пролетел больше мили. Летел ли он головой вперед или ногами? Начал ли он

кувыркаться? Пытался ли он, пока сознание не покинуло его, затормозить у края одного из поворотов, специально — по науке — огороженного насыпью, пытался ли сделать это при помощи носка ботинка без шипов или? Да нет. Уже пролетев несколько ярдов, он должен был двигаться с такой скоростью, что утратил способность рационально мыслить. Боже мой, что за смерть! Типичная, в духе Блофелда, смерть, типичный для СПЕКТРа способ мести за самое тяжкое преступление — неповиновение. Это единственный способ поддерживать в своих рядах строгую дисциплину. Итак, сделал вывод Бонд, убрав поднос и садясь за книги. СПЕКТР опять на марше! Куда же он направляется теперь?

Без десяти одиннадцать Ирма Бунт зашла за ним. Они обменялись приветствиями, Бонд набрал кучу книг и бумаг и последовал за ней. Они обогнули здание клуба и пошли по узкой, хорошо утоптанной дорожке мимо указателя, на котором было написано: «Частная собственность. Вход воспрещен».

Все здание, силуэт которого Бонд видел накануне поздно вечером, предстало перед ним. Ничем не примечательное, но на совесть сработанное строение, одноэтажное, сложенное из блоков местного гранита, с плоской бетонной крышей, на дальнем конце которой возвышалась небольшая, вполне профессионально выглядевшая радиомачта. Как теперь понял Бонд, через эту радиомачту вчера вечером пилот вертолета получал информацию по условиям посадки, и это же оборудование было ушами и голосом Блофелда. Здание располагалось на самом краю плато, ниже последней вершины пика Глория, но вне досягаемости снежных лавин. Еще дальше склон горы резко обрывался и исчезал за отвесной скалой. Там, внизу, виднелась граница еще одного лесного массива и долины Бернина, ведущей в сторону Понтресины; можно было различить блеск железнодорожных рельсов, по которым, как крошечная гусеница, полз длинный товарняк, шедший из Ратишбана через перевал горного массива Бернина скорее всего в Италию.

Пневматические двери здания открылись с привычным шипением; центральный коридор был почти точной копией коридора в здании клуба, но двери здесь располагались по обе стороны, и не было никаких картин. Стояла мертвая тишина, и невозможно было догадаться, что скрывается за дверями. Бонд спросил об этом.

— Лаборатории, — ответила Ирма Бунт несколько неопределенно. — Все это лаборатории. И конечно, учебные классы. Кроме того, личные апартаменты графа. Он живет там, где работает, сэр Хилари.

— И правильно делает.

Они подошли до конца коридора. Ирма постучала в дверь.

— Войдите!

Джеймс Бонд весь трепетал, переступая порог, слыша, как закрывается за ним дверь. Он знал, что его встретит не прежний Блофелд, не модель прошлого сезона — добрых 20 стоунов веса, это чуть ли не полтора центнера, высокого роста, с бледным лицом, с коротко стриженными темными волосами, темными глазами и резко выделяющимися на их фоне белками, ну точно как у Муссолини, отвратительные тонкие губы, длинные руки с вытянутыми пальцами, длинные ноги, — но теперь он поразился, до какой степени сумел изменить свою внешность этот человек. Однако мсье граф де Блевиль, который поднялся с шезлонга, стоявшего на маленькой — на одного человека — веранде, и ступил из-под солнечных лучей в полумрак кабинета, протягивая руки в гостеприимном приветствии, даже отдаленно не был похож хотя бы на родственника человека, фотографию которого Бонд видел в картотеке.

Сердце у Бонда упало. Ну хорошо, человек этот роста тоже не маленького, и руки и голые ноги его достаточно длинные. Так-то оно так. Но на этом сходство и кончалось. У графа были длинные, хорошо ухоженные, почти щеголеватого вида волосы с благородной серебристой сединой. Его уши, которые должны были быть прижаты к голове, слегка оттопыривались, а там, где должны были находиться

толстые мочки, не было ничего. Тело, в котором было далеко за сто килограммов, сейчас почти обнаженное, если не считать черных шерстяных плавок, весило не более 80 килограммов, и ни одной складки обвисшей кожи, которая обычно бывает у резко похудевших пожилых людей. Полные губы были растянуты в дружеской, довольно приятной, может быть, несколько жестковатой улыбке. Лоб выше носа был испещрен морщинами, а сам нос, который согласно картотеке должен был быть коротким и толстым, выглядел почти орлиным, не считая изъеденной его части за правой ноздрей, по всей видимости, результат перенесенного третичного сифилиса — вот бедолага. Глаза? Ну, они могли бы кое-что прояснить, но сейчас в их темно-зеленой глубине нельзя было прочесть ничего, кроме какой-то явной угрозы. У графа были окрашенные в темно-зеленый цвет контактные линзы, которые он носил, скорее всего, из-за действительно опасного на этой высоте солнца.

Бонд свалил все свои книги на кстати свободный стол и пожал теплую сухую руку.

— Дорогой сэра Хилари, очень рад вас видеть. — Говорили, что голос у Блофелда был густым и ровным. Этот звучал легковесно и даже сладкозвучно.

«Господи, — со злостью сказал Бонд про себя, — ну кто же еще это может быть, как не Блофелд!» Вслух он произнес:

— Извините, что я не смог прибыть 21-го. Очень много работы.

— О да. Мне сказала об этом фрейлейн Бунт. Эти новые африканские государства. Они действительно должны доставить немало хлопот. Ну что ж, может быть, присядем вот здесь, — рукой он указал на свой письменный стол, — или выйдем на воздух? Видите ли, — он показал на свое загорелое тело, — я существо солнцелюбивое, я поклоняюсь солнцу. Я настолько этому привержен, что вынужден был заказать специально изготовленные контактные линзы. Сами понимаете, ультрафиолетовые лучи на этой высоте... — Он не закончил предложение.

— Я никогда не видел раньше таких линз. В конце концов, книги можно оставить здесь и обращаться к ним по мере надобности. Я помню все, что касается этого дела. И, — Бонд мягко улыбнулся, — неплохо было бы вернуться в наш туманный мир хоть с каким-нибудь солнечным загаром.

Еще в Лиллиуайте Бонд запасся одеждой, которая, как он предполагал, пригодится, будет к месту. Он не стал брать модный эластичный комбинезон-писк горнолыжной моды, зато выбрал более удобные, хоть и старомодные, лыжные брюки из мягкой ткани. Поверх обычной белой хлопчатобумажной рубашки он мог надеть выдавшую виды черную ветровку, в которой обычно играл в гольф. И кроме того, предусмотрительно прихватил с собою длинные уродливые полушерстяные кальсоны и нижние рубашки. Его лыжные ботинки выглядели совершенно новехонькими, что бросалось в глаза, крепления он подобрал на славу, перегрузить их не боялся.

— В таком случае, — сказал Бонд, — и я лучше сниму свитер. — После этого он последовал за графом на веранду.

Граф снова лег на алюминиевый, обтянутый материей шезлонг. Бонд пододвинул себе маленький стульчик, обтянутый тем же материалом. Он поставил его так, чтобы сидеть лицом к солнцу и в то же время иметь возможность видеть графа.

— Итак, — произнес граф де Блевиль, — что же привейте вас ко мне, что заставило искать личной встречи? — Он озарил Бонда своей дежурной улыбкой. Темно-зеленые стекляшки глаз были непроницаемы. — Поймите меня правильно, я вовсе не хочу сказать, что визит ваш совсем некстати, но все-таки в чем дело, сэра Хилари?

Бонд заранее подготовил ответ на этот очевидный вопрос, собственно, даже два ответа. Первый вариант предусматривал тот случай, когда уши графа оказались

бы нормальными, то есть с мочками. Запасной вариант — когда мочек нет. Теперь Бонд, сообразно ситуации, со знанием дела приступил к реализации запасного варианта.

— Уважаемый граф, — форма обращения была, по-видимому, продиктована сединой графа и его обходительными манерами, — в работе Геральдической палаты встречаются эпизоды, когда нельзя обойтись только научно-исследовательской документальной деятельностью. В вашем случае мы столкнулись, о чем сообщали, с одним деликатным моментом. Я имею, конечно, в виду пробел между исчезновением рода де Блевилей во времена Французской революции и появлением семейства или семей Блофелдов в окрестностях Аугсбурга. В связи с вышеизложенным, — Бонд сделал выразительную паузу, — я хотел бы несколько позже сделать вам предложение, которое, уверен, не останется без внимания. И вот к чему я клоню. Вы уже вложили довольно значительные средства в нашу работу, но было бы неверно предполагать, что исследования будут продолжаться даже без всякой надежды на успех. Все дело в том, что надежда такая имеется, однако обстоятельства эти особого свойства, именно они потребовали личной встречи с вами.

— Ах так? Могу ли я узнать, что это за обстоятельства?

Джеймс Бонд повторил все то, что рассказывал ему в свое время Сейбл Базилиск, — он поведал о губах Габсбургов, о королевских хвостах и прочих курьезах. Затем он подался вперед, чтобы подчеркнуть важность того, что собираются сказать.

— И такая же отличительная физическая черта имеется у рода де Блевилей. Вам ничего не известно об этом?

— Никогда не слышал. Нет-нет. И что же это такое?

— У меня хорошие новости для вас, граф. — Бонд широко улыбнулся. — На всех скульптурных изображениях и портретах де Блевилей, которые нам удалось обнаружить, представители рода имеют одну и ту же отличительную черту, передаваемую по наследству. Оказывается, ни у кого из этого семейства не было мочек ушей.

Граф тут же ощупал свои уши. Это что, игра?

— Понимаю, — произнес он медленно. — Теперь понимаю. Он задумался. — И вам необходимо было в этом убедиться? Моего слова или фотографии было бы недостаточно?

Бонд изобразил, что чувствует себя неловко.

— Прошу прощения, граф. Но таково указание герольдмейстера ордена Подвязки. Я всего лишь младший научный сотрудник, работающий по договору и помогающий одному из «сопровождающих». Он, в свою очередь, в подобного рода делах получает указания от вышестоящих особ. Согласитесь, Палата не может позволить себе произвольные действия, мы строго следуем правилам, особенно когда речь идет о древнейших благородных семействах, а это как раз такой случай.

Темные омуты глаз были нацелены прямо на Бонда как два пистолетных дула.

— В таком случае, теперь, когда вы сами увидели то, за чем приехали, никто не станет ставить под сомнение мой титул?

Настал самый ответственный момент.

— То, что я увидел, граф, без сомнения, позволяет мне рекомендовать продолжать работу. И я бы сказал, что наши шансы на успех значительно выросли. Я привез с собой материалы для первого, черного варианта вашего генеалогического древа и через несколько дней смогу представить вам свои наброски. Но, увы, как я уже сказал, все еще есть много пробелов, и мне весьма важно сообщить Сейблу Базилиску обо всех этапах миграции вашей семьи из Аугсбурга в Гдыню. Вы оказали бы мне огромную услугу, если позволили задать непосредственно вам несколько вопросов о ваших родственниках по мужской линии. Даже незначительные детали из

биографии вашего отца и деда очень бы помогли. И потом, конечно, чрезвычайно важно, чтобы вы нашли время и посетили вместе со мной Аугсбург, вдруг те или иные письменные документы, написанные рукой членов семьи Блофелдов и хранящиеся в архивах, их имена и любые другие детали вызовут в вашей памяти какие-либо ассоциации. Все остальное тогда возьмет на себя Геральдическая палата. Я могу уделить этой работе не более недели. Но, если нужно, я в вашем распоряжении.

Граф встал. Бонд последовал его примеру. Он как ни в чем не бывало подошел к перилам и полюбовался открывавшимся с веранды видом. Заглотит ли Блофелд эту грубую приманку? Бонд страшно хотел этого. Во время беседы он пришел к одному совершенно правильному выводу. Ни в поведении, ни во внешности графа не было ничего такого, чего нельзя было достичь актерской игрой или очень хорошей хирургической операцией, произведенной на лице и теле настоящего Блофелда. Только с глазами ничего поделаться было нельзя. А глаза оказались закрыты линзами.

— Вы полагаете, что в результате кропотливой работы, даже если останутся некоторые вопросы, связанные с белыми пятнами в родословной, я смогу получить выписку из акта, удостоверяющего мое благородное происхождение, что вполне удовлетворит министерство юстиции в Париже?

— Не сомневаюсь, — солгал Бонд. — Конечно, при соответствующей поддержке Геральдической палаты.

Дежурная улыбка на этот раз стала несколько приветливой.

— Это доставило бы мне огромное удовольствие, сэр Хилари. Ведь я действительно граф де Блевиль. Я чувствую это сердцем, я слышу зов крови. — Голос его звучал неподдельно взволнованно. — И я намерен добиться того, чтобы мой титул был официально признан. Я очень рад, что вы сможете немного погостить у нас, я в полном вашем распоряжении, готов содействовать всем вашим научным изысканиям.

— Очень хорошо, граф, — сказал Бонд вежливо, но с оттенком некоторой усталости и покорности судьбе. — Я приступаю к работе немедленно.

12. Две почти роковые ошибки

Бонд покинул здание в сопровождении человека в белом халате и марлевой повязке на лице, такие обычно носят работники лабораторий. Бонд не делал попыток заговорить. Он теперь основательно внедрился во вражеский стан, но нужно соблюдать все меры предосторожности, ступать буквально на цыпочках.

Он вернулся к себе в комнату и достал один из огромных листов бумаги в клетку, которыми его снабдили. Он сел за стол и уверенно написал наверху листа посередине строки — «Гильом де Блевиль, 1207—1243». Теперь предстояло выписать из тех книг и записей, что были у него, всех де Блевилей с их женами и детьми аж за полтысячи лет. Это займет внушительное количество страниц. И все записи должны быть сделаны безукоризненно точно. Конечно, он может растянуть эту кропотливую работу на три дня и разнообразить ее более интеллектуальной деятельностью — болтовней с Блофелдом о современной истории рода. К счастью, существовало несколько английских Блофелдов, которых он мог припасти на закуску. И были еще какие-то Блюфилды и Блюмфилды. Можно сделать лирические отступления и в этом направлении. А в промежутке между такими идиотскими занятиями он будет упорно пытаться разгадать тайну — чем же, черт побери, занимается новый Блофелд и обновленный СПЕКТР!

Было ясно, что они уже шарили в его вещах. Перед тем как пойти на встречу с Блофелдом, Бонд зашел в ванную комнату, укрывшись от бдительного всевидящего ока, сверкавшего в потолке, и выдернул с полдюжины волосков из головы. И пока выбирал книги, которые решил взять с собой, разбросал их незаметно среди других

бумаг, не забыл положить волосок и в свой паспорт. Все волоски исчезли. Кто-то просматривал его бумаги. Бонд поднялся и подошел к комоду — якобы за носовым платком. Ну конечно же, тот порядок, в котором разложил вещи, был полностью нарушен. Не подав и вида, словно ничего не случилось, он вернулся к работе, слава богу, что прибыл сюда совершенно «чистым». Но страховаться придется со всех сторон. Ему вовсе не улыбалась мысль о путешествии «по-бобслейски» — по желобу, и только в один конец.

Бонд дошел уже до 1350 года, когда шум, доносившийся с веранды, привлек его внимание. В конце концов, он славно потрудился, дойдя почти до конца огромной страницы. Пожалуй, можно выйти прогуляться, осмотреться вокруг. Он хотел сориентироваться на местности, показать, что он еще тут и никуда не делся, словом, вести себя совершенно естественно, как все вновь прибывшие. Он оставил приоткрытой дверь из комнаты в коридор. Вышел и направился в вестибюль, где служитель в темно-вишневом пиджаке старательно заносил в журнал регистрации тех, кто прибыл в гостиницу утром. На приветствие Бонда он ответил весьма благожелательно. Слева от выхода была комната для лыж и мастерская. Бонд забрел туда. Один из тех типов с Балкан стоял за верстаком, прикручивая к лыже новое крепление. Он взглянул на Бонда и продолжал работать, пока гость с нескрываемым любопытством разглядывал ряды лыж, выстроившихся вдаль стены. Да, кое-что изменилось с тех пор, как он занимался горными лыжами. Крепления стали совсем другими, они, казалось, были сделаны с целью намертво прикрепить пятку ботинка к лыже. Появились новые приспособления для безопасного отстегивания лыж. Многие лыжи были обиты металлом, а лыжные палки выглядели прямо-таки острогами из стекловолокна, что показалось Бонду чрезвычайно опасным в случае неудачного падения. Бонд обошел вокруг верстака, изображая интерес к тому, что делал мужчина. На самом деле он увидел то, мимо чего никак не мог пройти, сваленные в кучу кусочки тонких пластмассовых полос, которые прикреплялись к ботинку, дабы тот плотно прилегал к креплению и снег не мог скапливаться под подошвой на блестящей поверхности лыж. Бонд склонился над верстаком, опершись на правый локоть, и похвально отозвался о четких, рассчитанных движениях работающего. Мужчина хмыкнул и, чтобы избежать дальнейших разговоров, сделал вид, что поглощен работой. Левую руку Бонд подsunул под локоть, на который оперся, ухватил одну из полосок и незаметно спрятал ее в рукав. Он сделал еще одно ничего не значащее замечание, на которое не последовало ответа, и вышел из мастерской.

Когда входная дверь с шипением закрылась за ним, человек, работавший в мастерской, подошел к кучке пластмассовых полос и, боясь ошибиться, дважды пересчитал их. Потом он направился к мужчине в темно-вишневом костюме и сказал ему что-то по-немецки. Тот кивнул, снял трубку и набрал 0. Рабочий из мастерской не спеша вернулся к себе.

Пока Бонд шел по дорожке, ведущей к станции канатной дороги, он переложил пластмассовую полосу из рукава в карман брюк — собой он был вполне доволен. Теперь у него в руках был хоть какой-то полезный инструмент — обычное приспособление, каким пользуются взломщики, чтобы открывать автоматические дверные замки.

Он шел от здания клуба, к которому тек тоненький ручеек нарядно одетых горнолыжников. Бонд же присоединился к большой группе, только что вышедшей из фуникулера, — это была типичная толпа, которая обычно собирается на вершине, — лыжники, не сразу решающиеся ехать вниз, те, кто выбирает склоны полегче — для новичков, небольшие компании со своими наставниками и инструкторами, которые подняли их сюда из долины. На террасе открытого ресторана уже толпились непривилегированные лыжники, те, у кого не было ни денег, ни связей, чтобы стать членами клуба. Бонд прошел под террасой по хорошо утопанному снегу и

остановился среди лыжников на краю первого спуска трассы «Глория». На большой доске объявлений, украшенной буквой "G" и короной, наверху было написано по-немецки: "Трасса «Глория». И затем ниже — «Красный работает. Желтый работает. Черный закрыт», что означало: два спуска функционируют, третий использовать запрещается, вероятно из-за лавинной опасности. Ниже висела раскрашенная металлическая карта — наглядное пособие по всем трем маршрутам. Бонд внимательно изучил карту, отметив, что разумнее всего запомнить «красный» спуск, который, вероятно, был самым легким и оживленным. На карте были изображены красные, желтые и черные флажки-метки, и Бонд мог видеть сверху настоящие флажки, расставленные по трассе, они как бы окаймляли крошечные фигурки лыжников, летящих вниз, и исчезали, завернув влево, вокруг склона горы, под канатную дорогу. «Красный» маршрут шел вроде бы зигзагом — под канаткой и между несколькими высокими опорами, пока не упирался в верхнюю границу леса. Потом — все время между деревьями, до последнего легкого спуска и бугра у самого основания канатной дороги, за которыми проходила основная ветка железной дороги, и еще дальше — дорога Понтресина-Самаден. Бонд старался все это запечатлеть в памяти. Затем он понаблюдал за несколькими стартами. Старты были разными: были подобные стреле стремительные спуски — так обычно стартуют горнолыжные звезды, они стремительно летят по склону в низкой стойке, беспечно держа лыжные палки под мышками; были и середняки — любители, которые притормаживали на трассе раза три-четыре, и конечно — «чайники», насмерть перепуганные новички, которые, оттопырив зад, словно плугом прокладывали себе дорогу вниз, мешая другим; лыжи у них разъезжались, путались, время от времени они решались скатиться прямо по диагонали гладкого склона — разгонялись и, как правило, тут же мягко падали, как только оказывались не на накатанной поверхности, а в пушистом снегу, который лежал по краям широкого скоростного спуска.

Все выглядело точно так, как Бонд видел уже раньше — сотни раз, — когда еще подростком учился кататься на горных лыжах в старой школе Ханнеса Шнейдера в местечке Сент-Антон, пригороде Арлберга. Он был способным учеником и вскоре завоевал первый приз, но стиль катания в те времена был очень простым, даже примитивным, если сравнить с тем, что Бонд наблюдал сейчас, когда тот или иной первоклассный лыжник с ходу резко набирал скорость и стремглав летел вниз прямо с вершины. Нынешние обитые металлом лыжи скользили лучше, были устойчивее, чем прежние деревянные со стальной окантовкой. Нагрузка на плечи была меньше, и стиль Веделна — плавное покачивание бедрами — стал настоящим открытием. Но так ли уж он эффективен на глубоком, только что выпавшем снегу, это ведь не хорошо утрамбованная трасса скоростного спуска. На этот счет у Бонда были сомнения, но все равно он завидовал асам. Их стиль выглядел более грациозным, низкая стойка, которой учили в Арлберге, казалась неуклюжей. Бонд представил, как бы чувствовал себя на этой прекрасной трассе. Он, конечно, не осмелился бы сразу спускаться по первому маршруту. И по крайней мере дважды притормозил бы — вон там и там. И колени задрожали бы у него после пяти минут езды. И колени, и лодыжки, и запястья рук долго не выдержали бы. Надо, надо и дальше делать физические упражнения! Слегка разволнованный Бонд покинул вершину и, следуя указателю, направился к трассе бобслея «Глория-экспресс». Желоб находился по другую сторону от станции канатной дороги. Там стоял небольшой деревянный барак, откуда стартовали сани; телефонные провода тянулись от него к станции, а ниже остановки фуникулера находился маленький «гараж», где стояли сани для группового бобслея и сани-одиночки. Цепь, на которой висела дощечка «Ежедневно с 9:00 до 11:00», была растянута поперек широкого отверстия желоба — начала трассы, похоже оно было на глубокое ущелье из голубого льда; желоб поворачивал влево и потом исчезал совсем — его продолжения не было видно. И здесь находилась металлическая карта,

на которой был изображен зигзагообразный путь, по которому мчались сани; конец трассы — внизу, в долине. В отличие от традиций этого вида спорта, которым следуют в Англии, здесь все рискованные повороты и другие отрезки трассы, характеризующиеся повышенной опасностью, имели свои названия, например «Прыжок мертвеца», «Перед вами чудо-юдо», «Сумасшедший зигзаг», «Ад крошечный», «Вытряси всю душу» и финишная прямая «Райская аллея». Бонд вспомнил сегодняшнее утро и вновь услышал тот душераздирающий крик. Да, эта смерть — ни дать ни взять — почерк прежнего Блофелда!

— Сэр Хилари! Сэр Хилари!

Неожиданно выведенный из задумчивости, Бонд обернулся. Фрейлейн Ирма Бунт, руки в боки, стояла на дорожке, ведущей к клубу.

— Время обедать! Обед!

— Иду, — отозвался Бонд и стал подниматься по склону ей навстречу. Преодолев эту сотню ярдов он заметил, что дыхание его стало прерывистым, а в ногах появилась тяжесть. Проклятая высота! Ему действительно следует начать тренироваться!

Он подошел к фрейлейн Бунт. Выражение лица у нее было сердитое. Он извинился, сказав, что не заметил, как пролетело время. Она не ответила. Желтые глаза рассматривали его с явной неприязнью, она повернулась и пошла по дорожке впереди него.

Бонд быстро проиграл, ситуацию в уме. Что случилось? Не совершил ли он ошибки? Пожалуй, так и есть. Лучше перестраховаться! Когда они вошли в гостиницу и оказались в вестибюле. Бонд как бы мимоходом заметил:

— Да, фрейлейн Бунт, между прочим, я побывал в мастерской.

Она остановилась. Бонд заметил, что портье еще ниже склонил голову над книгой регистрации посетителей.

— В самом деле?

Бонд вытащил пластмассовую полосу из кармана.

— Там я нашел, что искал. — Он растянул губы в улыбке, выражающей невинное удовлетворение. — Я, как идиот, забыл привезти с собой линейку. А на верстаке лежали вот эти штуки. Как раз то, что нужно. Ну я и позаимствовал одну. Надеюсь, в этом нет ничего страшного. Конечно, я верну ее перед отъездом. Вы же понимаете, когда составляешь генеалогическое древо, — Бонд изобразил в воздухе несколько прямых линий, идущих сверху вниз, — каждая ветвь должна быть на определенном уровне. Вы не станете ругать меня? — Он обворожительно улыбнулся. — Я собирался сознаться, как только увижу вас.

Ирма Бунт прикрыла глаза.

— Ничего страшного. Но в будущем, если вам что-нибудь потребуется, — позвоните, хорошо? Граф сказал, чтобы вас обеспечили всем необходимым. А теперь, — жестом она пригласила его следовать дальше, — пройдите на террасу. Вас проводят к столу. Я присоединюсь к вам через минуту.

Бонд вошел в ресторан. Все столики, стоявшие в тени, были заняты теми, кому солнце уже стало не в радость. Бонд пересек зал и через балконную дверь вышел на открытый воздух. Проскользнув между столиками с гостями, к нему быстро подошел человек по имени Фриц, который играл здесь роль метрдотеля. Его холодные глаза смотрели на Бонда так же враждебно. Он протянул меню.

— Сюда, пожалуйста.

Бонд пошел следом за ним к столику около перил. Руби и Виолетта были уже на месте. Бонд вновь почувствовал себя легко, как будто сбросил с плеч огромную тяжесть, — кажется, проскочил. Ей-богу, следует проявлять максимум осторожности. Повезло — и пластмассовая полоса осталась у него! Достаточно ли невинно он выглядел, достаточно ли глуповато? Он сел за стол и заказал двойную порцию водки

с мартини, со льдом, с лимонной корочкой, он слегка коснулся ногой ноги Руби.

Она не вздрогнула, не отодвинулась. Она улыбнулась. Улыбнулась и Виолетта. Они обе заговорили одновременно. День вдруг вновь стал прекрасным.

Появилась фрейлейн Бунт и заняла свое место. Она опять вела себя очень мило.

— Рада была услышать, сэр Хилари, что вы пробудете у нас еще целую неделю. Как прошла ваша беседа с графом? Он очень интересный человек, не правда ли?

— Весьма интересный. К сожалению, говорили мы недолго и только по интересующим меня вопросам. А о его научно-исследовательской деятельности я так и не спросил, хотя хотел. Надеюсь, он не в обиде на меня за это?

Выражение лица Ирмы Бунт заметно изменилось.

— Уверена, что нет. Граф редко говорит о своей работе. В этих очень специальных областях науки, как вы понимаете, зависть людская играет не последнюю роль, к тому же, как это ни печально, так и норовят украсть чье-то открытие или идею. — Губки бантиком. — Я, конечно, не имею в виду вас, уважаемый сэр Хилари, я говорю об ученых менее щепетильных, чем граф, у химических компаний везде свои шпионы. Потому-то мы и живем так замкнуто в своем орлином гнезде высоко в горах. Здесь нас никто не беспокоит. Помогает нам и полиция, там, в долине, старается оградить от незваных гостей. Они очень уважительно относятся к работе графа.

— К изучению аллергических заболеваний?

— Именно так. — Возле нее возник метрдотель. Прищелкнув каблуками, он вручил всем меню. Бонду подали его коктейль. Он сделал большой глоток и заказал яйца а-ля Глория и салат из овощей. Для Руби опять цыпленок; холодного мяса и «много-много картошки» попросила Виолетта. Ирма Бунт заказала свой обычный творог и салат.

— Разве вы не едите ничего больше, кроме цыплят с картошкой? Вероятно, девочки, это как-то связано с вашим аллергическим заболеванием?

— Пожалуй, да, в какой-то степени, — стала объяснять Руби. — Я просто полюбила...

— А ну-ка, Руби, — резко оборвала Ирма Бунт, — никаких разговоров о методе лечения, ты что, забылась? Никаких разговоров даже с нашим дорогим другом сэром Хилари. — Она обвела рукой переполненный зал. — Интересное общество, как вы считаете, сэр Хилари? Каждый здесь личность, мы успешно конкурируем с Гштадом и Санкт-Морицем, здесь собираются знаменитости со всего мира. Вот там сидит ваш герцог Мальборо с такой веселой компанией юных созданий. А рядом господин Уитни и леди Дафни Стрейт. Шикарная дама, не правда ли? Они прекрасно катаются. А вот та красивая женщина с длинными волосами, та, что сидит за большим столом, — это Урсула Андерс, кинозвезда. Какой у нее великолепный загар! А вон сэр Джордж Дунбар, у него всегда такие очаровательные спутницы. — Опять губки бантиком. — В самом деле, не хватает лишь Ага-хана и, может быть, еще вашего герцога Кентского, тогда был бы полный набор, ну просто все сливки общества.

Совсем неплохо для первого сезона?

Бонд согласился. Подали обед. Бонду принесли аккуратно нарезанные сваренные вкрутую яйца со сливками и сырным соусом, а также горчицей приправой (эта приправа была основным компонентом в фирменных блюдах ресторана «Глория») и луковый суп с тертым сыром, который подали в горшочке. Бонд отметил, что готовят здесь великолепно.

— Спасибо, что оценили нашу кухню, — сказала Ирма Бунт. — Мы наняли трех французов, специалистов своего дела. Мужчины вообще очень хорошо готовят, не так ли?

Бонд скорее почувствовал, чем увидел, что к их столику приближается мужчина.

Он направился прямо к Бонду. Выправка у него была военная, возраст — приблизительно такой, как у Бонда, лицо его выражало некоторое смущение. Он вежливо поклонился дамам.

— Простите великодушно, — но я увидел ваше имя в книге гостей. Хилари Брей, правильно?

У Бонда внутри все оборвалось. В подобном переплете можно оказаться всегда, и он готов был, хотя и неуклюже, парировать вопрос. Но сейчас ситуация усугублялась — эта чертова тетка сидела рядом, все слышала и все видела.

— Да, это я, — ответил Бонд, сделав над собой усилие.

— Сэр Хилари Брей? — приятное лицо незнакомца выразило еще большее замешательство. Бонд встал и повернулся спиной к столу, к Ирме Бунт.

— Да, все правильно. — Он вытащил платок и высморкался, чтобы избежать следующего вопроса, который мог оказаться роковым.

— Во время войны вы не служили в полку ловат-скаутов?

— Ах, — сказал Бонд озабоченно и понизил голос, — вы имеете в виду моего кузена. Того, что жил в местечке Бен Трилличен. Бедняга — он скончался полгода назад. Я унаследовал титул.

— О, господи! — Теперь лицо мужчины выражало не замешательство, а неподдельное горе. — Страшная новость. Мой лучший друг со времен войны. Странно, в «Таймс» некролога не было. Я постоянно просматриваю раздел «Рождения, бракосочетания, смерти». Что же с ним случилось?

Бонд почувствовал, что весь взмок.

— Свалился с одной из этих проклятых гор, по которым лазал, сломал шею.

— Боже мой! Какое горе. Он всегда обожал лазать по горам в одиночку. Я должен немедленно сообщить об этом Дженни. — Он протянул руку. — Извините, что так бесцеремонно прервал вашу беседу. Хотя было бы действительно странно встретить здесь старину Хилари. Всего доброго и извините еще раз, ради бога. — Он пошел, лавируя между столиками. Боковым зрением Бонд видел, как он присоединился к группе мужчин, выглядевших очень по-английски, и их жен, что тоже не вызывало сомнения, и стал что-то оживленно им рассказывать.

Бонд сел, потянулся за своим стаканом, осушил его и принялся за яйца вкрутую. Бунт не сводила с него глаз. Он почувствовал, как пот течет по его лицу. Вытащил носовой платок и вытер капельки.

— Ну и жарница здесь, на солнце долго не посидишь. Это какой-то приятель моего кузена. Его звали так же, как и меня. Родственник, боковая ветвь. Недавно скончался, бедняга. — Он печально вздохнул. — Адам мне об этом приятеле никогда не говорил. Приятный человек. — Бонд смело взглянул через стол. — Вы знаете кого-нибудь из этой компании, фрейлейн Бунт?

— Нет, — ответила фрейлейн Бунт, не глядя в сторону англичан. — Я не могу знать всех, кто сюда приезжает. — Желтые глаза все еще с подозрением смотрели на него. — Любопытное совпадение. Вы что же, так похожи на своего кузена?

— Как две капли воды, — сказал Бонд и поспешно добавил: — Я его точная копия. Нас часто путали. — Он вновь взглянул на англичан. Слава богу, они собирались уходить. Должно быть, остановились в Понтресине или в Санкт-Морице, где были гостиницы для военных. Выглядели они довольно скромно, было видно, что не богачи. Обычная компания любителей горных лыж из Англии. С таким же успехом могли бы совершать лыжные вылазки где-нибудь у себя дома, ходили бы гуськом по лыжне. Подали кофе, Бонд сменил тему разговора и стал весело болтать с Руби, чья нога опять касалась его, о том, каких успехов в горнолыжном спорте достигла она этим утром.

«Да ладно, — подумал он, — не может быть, чтобы Бунт слышала все, здесь стоит такой шум — болтают все без умолку и стучат ложками. Но он был на волосок

от разоблачения, именно на волосок. Два прокола подряд. Пожалуй, хватит ходить на цыпочках в расположении противника. Так дело не пойдет! Куда же это годится!»

13. Принцесса Руби?

"Уважаемый Сейбл Базилиск, на место прибыл благополучно, — на вертолете, если уж говорить все как есть. Я здесь — на пике Глория, на высоте 10.000 футов над уровнем моря, где-то в Энгадине. Весьма комфортабельное местечко. Отличный обслуживающий персонал, состоящий целиком из лиц мужского пола разных национальностей и высочайшей квалификации секретарши графа по имени фрейлейн Ирма Бунт, которая сообщила, что она родом из Мюнхена.

Сегодня утром имел плодотворную беседу с графом, в результате чего он выразил пожелание, чтобы я задержался здесь на неделю для завершения первого проекта его генеалогического древа. Надеюсь, что в течение этого времени вы сможете без меня обойтись. Я предупредил графа о том, что у нас много работы со странами Британской Содружества. Несмотря на то, что он сильно занят какими-то исследованиями — похоже, на общественных началах — аллергических заболеваний и причин, их вызывающих (у него здесь 10 пациентов — все англичанки), граф согласился встречаться со мной ежедневно, надеюсь, что вместе нам удастся проследить пути миграции рода де Блевилей из Франции и последующего переезда семейства Блофелдов из Аугсбурга в Гдыню. Я предложил завершить наши исследования коротким визитом в Аугсбург, дабы выполнить ту работу, о которой мы говорили, но он еще не сообщил мне о своем решении.

Пожалуйста, передай моей кузине Дженни Брей, что к ней может приехать один из друзей ее покойного мужа, который, очевидно, служил, с ним в полку ловат-скаутов. Он нашел меня сегодня во время обеда, приняв за другого Хилари. Ничего себе совпадение!

Условия для работы превосходные. Здесь мы в полном уединении, надежно изолированы от этого сумасшедшего мира горнолыжников. Очень разумно, что после десяти вечера девушки расходятся по своим комнатам, такое строгое расписание избавляет их от соблазна бесцельно слоняться и сплетничать. Как мне кажется, они все очень милые создания, хотя и не блещут умом; такое впечатление, что их собирали по всему Соединенному Королевству.

А теперь самое интересное. Уши графаме имеют мочек! Неплохая новость, не правда ли?! Выглядит он очень представительно — статная осанка, благородный профиль, седина и очаровательная улыбка. Его стройная фигура также указывает на знатное происхождение. К сожалению, из-за слабого зрения и сильного солнца на этой высоте, он вынужден носить темно-зеленые контактные линзы. Орлиный нос немного портит деформированная ноздря) что, как мне кажется, можно было бы легко исправить, сделав косметическую операцию. Он говорит на безукоризненном английском, голос звонкий, веселый.

Уверен, что работу мы закончим успешно. А теперь к делу. Очень бы хотелось, чтобы ты связался с издателями Готского альманаха, может быть, они помогут нам ликвидировать некоторые проблемы в родословной. Вдруг отыщут какие-нибудь следы. Будут новости — телеграфируй. Имея такие бесспорные доказательства — мочки ушей, — нисколько не сомневаюсь в том, что мы на верном пути.

Пока все.

Искренне... Хилари Брей.

P.S. Пожалуйста, не говори ничего моей матери, а то будет беспокоиться за мою безопасность среди этих вечных снегов! Этим утром, однако, здесь произошел ужасный случай. Кто-то из obsługi, кажется какой-то югослав, поскользнулся рядом с желобом для бобслея и пролетел по нему до самого низа! Жуткое дело. Вероятно,

завтра его будут хоронить в Понтресине. Не послать ли нам что-нибудь вроде венка?
Х.Б."

Бонд перечитал письмо несколько раз. Да, оно может дать массу зацепок руководству операции «Корона». В частности, намек на то, что им следует узнать имя погибшего в бюро записи актов гражданского состояния в Понтресине. Край конверта Бонд незаметно пометил — впрочем, он был уверен, что письмо вскроют, снимут с него копию и лишь потом отправят по адресу. Конечно, его могут и просто уничтожить. Хотя маленькая хитрость — упоминание о Готском альманахе — может удаться. Этот геральдический источник до сих пор не упоминался. Он несомненно возбудит интерес Блофелда.

Бонд позвонил в колокольчик и отдал письмо для отправки. Затем вернулся к своей работе, которая поначалу состояла в том, что он должен был пойти в ванную комнату, захватив с собой пластмассовую полосу и ножницы, и отрезать от полосы два дюймовых кусочка. Этого хватит для него и, как он надеялся, для Руби — они найдут этой пластмассе применение. Затем с помощью фаланги большого пальца в качестве приблизительной мерки он разметил оставшиеся восемнадцать дюймов на отрезки по дюйму каждый, чтобы было видно — он пользовался полосой как линейкой. Только закончив все это. Бонд вернулся к письменному столу и стал вырисовывать следующие сто лет рода де Блевилей.

К пяти часам так сильно стемнело, что Бонд встал из-за стола и потянулся, собираясь пойти включить свет. Прежде чем закрыть окно, он еще раз выглянул на улицу. На веранде никого не было, поролоновые подушки со складных стульев были уже убраны. Со стороны канатки все еще раздавался скрип шестеренок и роликов подъемника, скрип этот был частью звукового фона всего рабочего дня. Вчера подъемник остановили около пяти вечера, и сейчас кресла должны были вот-вот замереть там, где их застала темнота, теперь они могли немного отдохнуть от дневного нескончаемого кругового движения. Бонд закрыл двойную раму, пересек комнату, подошел к термостату и установил его на делении 70°. Он только собрался протянуть руку к выключателю, как услышал очень тихий стук в дверь.

Бонд понизил голос:

— Войдите!

Дверь открылась — это была Руби. Дверь она быстро закрыла за собой. Руби приложила пальчик к губам и жестом показала на ванную комнату. Бонд, весьма заинтригованный, последовал за ней и прикрыл дверь. Затем включил свет. Лицо Руби пылало.

— Пожалуйста, простите меня, сэр Хилари, — умоляющим голосом прошептала она. — Но мне очень нужно было с вами поговорить, хотя бы минуточку.

— Пожалуйста, Руби. Но почему в ванной?

— А разве вы не знаете? Ах да, наверное, не знаете. Вообще-то это секрет, но вам я, конечно, скажу. Вы же меня не выдадите?

— Конечно нет.

— Видите ли, во всех комнатах установлены микрофоны. Я, правда, не знаю — где. Мы иногда собираемся вместе, ну чтобы немного поболтать. Так вот — мисс Бунт всегда все известно. Мы думаем даже, что у них есть что-то вроде телевидения. — Она хихикнула. — Мы раздеваемся всегда в ванной комнате. Иначе возникает какое-то неприятное ощущение. Как будто за нами все время наблюдают. Вероятно, это как-то связано с курсом лечения.

— Наверное, вы правы.

— Дело в том, сэр Хилари, что я чрезвычайно заинтересовалась тем, о чем вы говорили сегодня во время обеда, ну что мисс Бунт, может быть, герцогиня. Неужели такое действительно возможно?

— Конечно, — произнес Бонд беззаботным голосом.

— Я так расстроилась, что не могла сказать вам свою фамилию. Видите ли, видите ли, — зрачки ее расширились от возбуждения. — Моя фамилия Виндзор!

— Вот это да, — сказал Бонд. — Как интересно!

— Я знала, что вы так скажете. Знаете, в моей семье всегда шли разговоры о том, что мы отдаленно связаны с королевской семьей!

— Вполне понятно, — задумчиво произнес Бонд, выглядел он при этом человеком весьма рассудительным. — Мне бы хотелось поработать с вами. А как звали родителей? С них, пожалуй, и начнем!

— Джордж Альберт Виндзор и Мэри Потто. А это вам о чем-нибудь говорит?

— Ну конечно, чрезвычайно важно имя Альберт, — Бонд почувствовал себя беспородной собачонкой. — Видите ли, у королевы Виктории был супруг. И звали его Альберт.

— Не может быть! — Руби прикрыла ладошкой рот.

— Но, конечно, над этим придется еще поработать. Откуда вы родом? Где родились в Англии?

— Я из Ланкашира. Мокамбе-бей, там ловят креветок. Но и домашней птицы полным полно.

— Так это потому вы так сильно любите цыплят?

— О, нет, — ее несколько озадачило высказанное Бондом предположение. — В том-то как раз и дело, у меня была аллергия на кур. Я просто на дух их не переносила. Все эти перья, постоянно что-то клюют, возятся в грязи, дурно пахнут. Я ненавидела их. От курятины у меня мгновенно появлялась сыпь. Просто ужас. И конечно, мои родители выходили из себя, ведь они у меня занимаются разведением домашней птицы в больших количествах. А я, как считалось, должна была помогать им чистить кормушки. Ну вы знаете все эти места, где занимаются массовым производством птицы. И вот однажды в газете я увидела объявление — это такая специальная газета для птицеводов. В объявлении говорилось о том, что лица, страдающие аллергией на домашнюю птицу, — там было какое-то длинное латинское название, — могут пройти курс ре... ре... ну, в общем, лечения в одном из швейцарских институтов, занимающихся исследованиями в этой области. Притом — на всем готовом, и в придачу десять фунтов в неделю на карманные расходы. Похоже, конечно, на одно из тех мест, где людей используют в качестве подопытных кроликов, пытаюсь, скажем, найти способ, как избавиться от насморка.

— Понимаю, понимаю, — ободряюще сказал Бонд.

— Словом, я обратилась по указанному адресу, и мне оплатили проезд до Лондона, где я встретила мисс Бунт, которая устроила нечто вроде экзамена. — Она хихикнула. — Одному богу известно, как я проскочила его. До этого я дважды не могла получить аттестат зрелости. Но она сказала, что Институту как раз такие и нужны. И вот уже два месяца, как я здесь. Тут не так уж плохо. Только много всяких строгостей. Зато граф полностью вылечил меня. Теперь цыплят я просто обожаю. — В ее глазах вдруг появилось умиление. — Наверное, это самые прекрасные, самые восхитительные птицы в мире.

— Да, это божественно прекрасные создания, — сказал совершенно заинтригованный Бонд. — А теперь о вашей фамилии. Я приступлю к работе немедленно. Но где же нам поговорить? По-моему, за вами здесь постоянно следят. Как же нам остаться наедине? Единственное место — это моя или ваша комнаты.

— Вы имеете в виду ночью? — Большие голубые глаза расширились от испуга, возбуждения и девичьего восхищения.

— Да. Это единственный выход. — Бонд храбро шагнул к ней и крепко поцеловал в губы. Затем неуклюже обнял. — Знаете, вы мне страшно нравитесь.

— О, сэр Хилари!

Но она не оттолкнула его. Просто стояла, как большая красивая кукла,

пассивная, что-то там соображающая и желающая во что бы то ни стало стать принцессой.

— Но как вы отсюда выберетесь? Здесь все строго. И охрана без конца ходит по коридору. Правда, — по глазам было видно, как она что-то прикидывала в уме, — моя дверь рядом с вашей. Я живу в третьем номере. Если бы мы нашли способ, как выбраться отсюда.

Бонд достал из кармана одну из пластмассовых полосочек, которые он нарезал, и показал ей.

— Я знал, что вы находитесь где-то рядом. Инстинктивно чувствовал. (Вот скотина!) В армии я кое-чему научился. Такие двери вполне можно открыть, стоит только вставить эту полоску в дверной проем перед замком и нажать. Защелка отойдет. Вот, возьмите, у меня есть еще. Но только спрячьте ее. И обещайте никому об этом не говорить.

— О, вы малый не промах! Конечно, обещаю. А как вы все-таки думаете, есть ли хоть какая-нибудь надежда, я имею в виду Виндзоров? — Теперь она обвила его шею руками, ведь она обнимала волшебника, и большие голубые глаза призывно уставились на него.

— Определенно сказать ничего не могу, — сказал Бонд твердо, стараясь вернуть себе хотя бы часть былой репутации. — Но сейчас же посмотрю в книгах. До вечернего коктейля не так много времени. Но обещаю, что посмотрю. — Он запечатлел еще один долгий поцелуй и, как отметил про себя, чрезвычайно сладостный поцелуй, на который она чувственно прореагировала, чем слегка успокоила его совесть. — Пока это все, крошка, — его правая рука соскользнула вниз по ее спине, он бодренько хлопнул ее по попчке. — Сначала надо тебя вывести отсюда.

В его спальне было темно. Они постояли у двери, прислушиваясь, как дети, играющие в прятки. В здании стояла полная тишина. Он приоткрыл дверь, еще раз шлепнул ее по попке, и она была такова.

Бонд немного подождал. Затем включил свет. Его келья ожила. Он подошел к столу и взял в руки «Словарь английских фамилий». Виндзор, Виндзор, Виндзор. Ага! Вот они! В то время как он вчитывался в колонки, набранные мелким шрифтом, его мозг, разведчика-профессионала, вдруг посетила одна важная мысль. Прекрасно. Итак, сексуальные извращения, просто секс в чистом виде представляют для агентов чуть ли не основную опасность. Равно как и стремление к обогащению. Ну а как же быть с положением в обществе? А как рассматривать самый худший из пороков — снобизм?

Пробило шесть. У Бонда появилась ноющая головная боль, результат изнурительного чтения справочников, напечатанных мелким шрифтом, не говоря уже о кислородном голодании, естественном на такой высоте. Нужно пропустить стаканчик, а лучше три. Он быстро принял душ, привел себя в порядок, позвонил охраннику и отправился в бар. Собрались еще не все, Виолетта сидела в одиночестве за стойкой, и Бонд присоединился к ней. Ему показалось, что она обрадовалась, увидев его. Виолетта пила «Дайкири». Бонд заказал ей еще одну порцию, а себе взял двойной бурбон со льдом. Отпил большой глоток и поставил тяжелый широкий стакан на стойку.

— Вот это то, что нужно. В самый раз. Пока вы там вальсировали на склонах, грелись на солнышке, я трудился как раб день-деньской.

— Кто же это вальсировал! — Ирландский акцент только усилил ее законное возмущение. — Пришлось отсидеть целых две лекции, все утро пропало — такая скучища. А после обеда я должна была ликвидировать хвосты по домашнему чтению. И так прилично отстала.

— А что входит в домашнее чтение?

— Да всякая ерунда по сельскохозяйственной тематике. — Она подозрительно взглянула на него своими темными глазами. — Мы, знаете, ли, не должны никому рассказывать о том, как нас печат.

— Ну хорошо, — беспечно сказал Бонд, — давайте поговорим о чем-нибудь еще. Откуда вы родом?

— Ирландия. Юг. Недалеко от Шеннона.

Бонд выстрелил наугад. — А — картофельные края.

— Правильно. Как я там всех ненавидела. Ничего, кроме картошки, не едят. Ни о чем, кроме как о видах на урожай картошки, не говорят. А сейчас мне очень бы хотелось вернуться обратно. Смешно, не правда ли?

— Дома, наверное, обрадуются.

— Еще бы! А приятель мой как будет рад! Он занимается оптовой торговлей! Я сказала, что никогда не выйду замуж за человека, который имеет что-нибудь общее с этой черной, грязной, жуткой работой с картошкой. Посмотрел бы он на меня теперь.

— А что такое?

— Здесь я стала настоящим специалистом по картофелю. Изучала самые последние научные методы, знаю, как добиться рекордного урожая, ну там химикалии и прочее. — Она испуганно прикрыла рот рукой и быстро огляделась. Бросила взгляд на бармена. Испугалась, что кто-то услышит эту совершенно невинную болтовню. Она улыбнулась с видом гостеприимной хозяйки. — А теперь расскажите мне, над чем вы сейчас работаете, сэр Хилари.

— Да так, кое-что по геральдике, по просьбе графа. Ну вроде того, о чем мы говорили за обедом, наверное, вам это показалось ужасно скучным.

— Ну нет. Я бы так не сказала. Мне было страшно интересно все, о чем вы говорили с мисс Бунт. Видите ли, — она понизила голос и произнесла следующую фразу в поднятый стакан, — моя фамилия О'Нил. А они были почти королями Ирландии. Как вы думаете... — Она кого-то заметила за спиной Бонда и тут же произнесла как ни в чем не бывало: — Я никак не могу правильно развернуть плечи. Когда пытаюсь это сделать, просто не могу устоять на ногах.

— Боюсь, что в горных лыжах я ничего не смыслю, — громко сказал Бонд.

В зеркале, висящем над баром, появилось отражение Ирмы Бунт.

— А, сэр Хилари. — Она пристально посмотрела на него. — Но вот и вы уже немного загорели. Идемте! Посидим немного. Бедняжка Руби вон совсем одна.

Они смиренно проследовали за ней. Бонда забавляло то, с каким удовольствием девушки потихонечку нарушали правила распорядка. Типичный образец сопротивления правилам строгой дисциплины и властному руководству этой отвратительной матроны. Но ему следует проявлять осторожность, хотя подобные беседы весьма полезны. Неплохо бы привлечь девчонок на свою сторону. Он должен разузнать все их имена и адреса, хотя бы потому, что граф этого никак не хочет и всячески препятствует. Он должен все вынюхать, именно вынюхать. И Руби к этому подключить, пусть поработает на него. Бонд сел рядом с ней, как бы невзначай коснулся ее плеча.

Прошли еще один круг коктейлей. Бонд расслабился — бурбон делал свое дело. Головная боль, обручем охватывавшая всю голову, локализовалась в области правого виска.

— А не сыграть ли нам снова в эту игру? — задорно произнес он.

Послышался хор одобрительных голосов. Из бара принесли стакан и бумажные салфетки. Подошли другие девушки. Бонд пустил по кругу сигареты. Девушки глубоко затягивались, время от времени давясь дымом. Атмосфера всеобщего ликования, веселья, казалось, подействовала даже на Ирму Бунт. Восторг рос по мере того, как ажурный узор на салфетке все разрастался. «Осторожно!» — «Тише, Элизабет!» — «Ай-ай! Получилось!» — «Вон в том уголке есть еще место».

Бонд сидел рядом с Бунт. Он откинулся в кресле и предложил девушкам продолжать игру самостоятельно. Затем повернулся к фрейлейн.

— Между прочим, мне тут пришло в голову, что неплохо бы спуститься по канатке в долину, когда будет свободное время. Как я понял из разговоров, Санкт-Мориц расположен на другом краю долины, никогда там не бывал, очень бы хотелось туда съездить.

— Увы, уважаемый сэр Хилари, это против правил нашего учреждения. Наши гости, как и обслуживающий персонал, не имеют доступа к канатной дороге. Она предназначена только для туристов. А мы здесь варимся в собственном соку. Мы — как бы это сказать — мы как бы отрешились от мира. Живем почти в монастыре. Да так и лучше, правда? Так нам никто не мешает заниматься своими исследованиями.

— О, как я вас понимаю, — выразительно произнес Бонд. — Но ведь я вряд ли могу считать себя здесь пациентом. Нельзя ли в моем случае сделать исключение?

— Я думаю, что это было бы ошибкой, сэр Хилари. И я уверена, что вам понадобится все ваше время для того, чтобы выполнить свои обязательства перед графом. Нет, — это уже прозвучало как приказ, — тысячу извинений, но, боюсь, то, о чем вы просите, даже обсуждению не подлежит. — Она взглянула на часы и хлопнула в ладоши. — А теперь, девушки, время ужина. Пошли! Пошли!

Первая попытка преследовала цель прощупать противника, посмотреть на его реакцию. Следуя за Ирмой Бунт в столовую. Бонд еле сдерживал себя — его так и подмывало врезать ей с правой ноги, вlepить как следует по плотной выпирающей заднице.

14. Сладкие сны — сладкие кошмары!

Было одиннадцать часов, в доме стояла могильная тишина. Бонд, не забывая о глазке, через который за ним следили с потолка, проделал все необходимые манипуляции с походом в ванную комнату, потом лег в кровать и погасил свет. Переждав минут десять, он тихо выбрался из постели и натянул брюки и рубашку. Работая на ощупь. Бонд просунул кончик пластмассовой полосы в щель дверного проема, нащупал замок и мягко нажал ручку. Конец полоски захватил закругление замка и втянул его внутрь. Теперь Бонду оставалось лишь осторожно толкнуть дверь — и путь свободен. Он прислушался, словно зверь, замерев на мгновение. Затем выглянул в коридор, там никого не было. Бонд выскользнул из двери, мягко прикрыл ее, сделал несколько шагов по направлению к третьему номеру и осторожно повернул ручку. В комнате было темно, но в кровати кто-то ворочался. Теперь нужно сделать так, чтобы, закрывая дверь, он не щелкнул замком! Бонд вытащил кусочек пластмассы и прижал им язычок замка, чтобы удержать его в прорези. Затем, дюйм за дюймом, стал прикрывать дверь, одновременно вытаскивая полосу. Замок беззвучно вернулся на свое место.

— Это вы? — раздался голос из кровати.

— Да, дорогая. — Бонд выскользнул из своих одеяний и, предполагая, что география этой комнаты схожа с его, осторожно прошел к кровати и сел на край.

Из темноты протянулась рука и дотронулась до него.

— О, да вы совсем раздеты!

Бонд поймал руку и погладил ее.

— Так же, как и вы, — прошептал он. — Так и должно быть.

Он осторожно забрался в постель и положил голову на подушку рядом с ней. С чувством удовлетворения он отметил, что она подвинулась, освобождая для него место. Он поцеловал ее, сначала нежно, потом страстно. Ее тело затрепетало в его руках. Губы были покорны его губам, и, когда он начал ласкать ее, она обняла его, крепко прижавшись.

— Я простужусь.

Бонд подыграл этой милой лжи, он вытащил из-под себя простыню и накрыл их обоих. Теплота и нежность этого прекрасного тела теперь целиком принадлежали ему, Бонд прижался к ней еще теснее. Его левая рука скользнула вниз по гладкому животу. Бархатная кожа трепетно откликнулась. Она тихо застонала и задержала его руку.

— Вы меня хоть немножечко любите?

Ох уж этот ужасный вопрос!

— По-моему, прекраснее тебя нет в целом свете, — прошептал Бонд. — Как жаль, что мы встретились только теперь!

Этих избитых, неискренних слов оказалось достаточно. Она отвела руку, сопротивление было сломлено.

Ее волосы пахли свежескошенной летней травой, рот — зубной пастой, а тело — детской присыпкой фирмы «Лееннен». За окном шумел ночной ветер, и звуки, которые он издавал, обтекая здание, еще больше подчеркивали нежность, теплоту и даже определенное дружеское расположение партнеров друг к другу, хотя на самом деле это был всего лишь естественный физический акт. Они доставляли друг другу подлинное удовольствие, и в конце, когда все, что должно было произойти, произошло и они тихо лежали, не разжимая объятий, Бонд отдавал себе отчет в том, что и он и она точно знают, что не сделали ничего плохого, никак не обидели друг друга.

— Руби! — прошептал Бонд спустя некоторое время, глядя ее волосы.

— Ум-м-м.

— Я о твоей фамилии. О Виндзорах. Боюсь, что надежды почти нет.

— Да я никогда и не надеялась. Уж эти мне семейные легенды!

— Правда, справочников у меня здесь недостаточно. Когда вернусь домой, попробую что-нибудь раскопать. Обещаю это тебе. Начать надо с вашей семьи и пойти дальше, поискать в церковных и муниципальных записях и тому подобное. Я все изучу самым тщательным образом и напишу тебе о результатах. Это большая работа — горы пергаментов со шрифтом, о который можно сломать глаза. Каждая страничка начинается с цветных букв, и очень темные прописи. И хотя труд может оказаться напрасным, все равно приятно повозиться с ними.

— Пергаменты — это как старые документы в музеях?

— Правильно.

— Да, интересно.

В комнате наступила тишина. Дыхание ее стало ровным. Бонд подумал: «Как все странно! Здесь, на вершине горы, которую от ближайшей деревушки отделяет головокрумный спуск, в этой комнатенке царят мир, тишина, тепло, счастье — многие составляющие любви. Как будто они занимаются любовью на воздушном шаре. А интересно, кто был тот прохиндей, который в XIX веке заключил пари в одном из лондонских клубов, что действительно проделает это с женщиной на воздушном шаре?»

Бонд начал засыпать. Не сопротивляясь, он стал проваливаться в сладкое небытие. Здесь было так хорошо. Ему не составит большого труда вернуться в свою комнату на рассвете. Он осторожно высвободил руку из-под головы спящей девушки и лениво посмотрел на левое запястье. Большие светящиеся цифры показывали полночь.

Едва Бонд успел повернуться и прижаться к мягкому боку девушки, как откуда-то из-под подушки, из-под пола, из глубины здания послышался низкий, настойчиво и мелодично звучащий электрический звонок. Девушка пошевелилась.

— Вот черт! — сонно произнесла она.

— Что это?

— Это входит в курс лечения. Наверное, уже полночь?

— Да.

— Не обращай внимания. Это касается только меня. Спи.

Бонд поцеловал ее между лопаток и ничего не сказал.

Звонок отключился. Вместо него послышалось жужжащее завывание, очень похожее на шум быстро вращающегося вентилятора — на этом фоне раздался равномерный, напоминающий стук метронома звук: «тик-так, тик-так». Комбинация из этих двух звуков успокаивала самым прекрасным образом. Она привлекала ваше внимание, но лишь на какое-то мгновение. А потом стало казаться, что слышишь ночные звуки детства: медленное тиканье часов с кукушкой, шум моря и ветра на улице. Затем послышался голос. Голос графа, который, как предположил Бонд, передавался при помощи какого-то механического устройства — то ли радио, то ли магнитофона. Голос звучал низко, распевно, это был ласковый шепот, ласковый, но в то же время властный. Можно было разобрать каждое слово.

— Вы засыпаете. — Ударение делалось на слове «засыпаете». — Вы устали все тело словно налилось свинцом. — И опять ударение на последнем слове. — Руки тяжелые, как свинец. Дыхание абсолютно ровное Вы дышите ровно, как ребенок. Глаза закрыты. Веки отяжелели. Вы устали, вы так устали. Тело тяжелое, оно налито свинцом. Вам тепло и удобно. Вы погружаетесь, погружаетесь, погружаетесь в сон. Кровать мягкая и удобная, как гнездышко. Вам хорошо, вы хотите заснуть, как цыпленочек в гнездышке. Цыпленочек, цыпленочек, маленький пушистый комочек. — Затем послышался нежный писк, шорох крыльев и сонное кудахтанье наседки, согревающей свой выводок. Это продолжалось, вероятно, в течение минуты. Потом снова послышался голос: — Крошечные создания укладываются спать Так уютно в гнездышке Им хорошо, как и вам. И они так же хотят спать. Какие они хорошенькие. Вы их любите — сильно, сильно, сильно. Вы любите всех цыплят. Вам бы очень хотелось повозиться с ними Вам бы хотелось, чтобы они выросли красивыми и сильными. Вы бы не хотели причинить им никакого вреда. Скоро вы вернетесь к вашим любимым цыпляткам. Скоро вы снова сможете ухаживать за ними. Скоро вы будете в состоянии помочь всем цыплятам в Англии. Вы будете в состоянии улучшить породу кур во всей Англии. Это сделает вас очень, очень счастливой. Вы принесете столько добра, что это сделает вас очень, очень счастливой. Но об этом никому нельзя говорить. Вы никому не расскажете о том, как это сделать. Это будет ваш маленький секрет, только ваша тайна. Они попытаются вызнать ваши секреты. Но вы ничего не скажете, потому что они хотят выведать все ваши секреты! Если это произойдет, вы не сможете сделать этих прекрасных цыплят счастливыми, здоровыми и сильными. Благодаря вам тысячи, миллионы цыплят могут стать более счастливыми. Поэтому вы никому ничего не скажете, вы сохраните тайну. Вы ничего не скажете, ничего. Запомните, что я сказал. Обязательно запомните, что я сказал. — Бормотание стало затихать, все тише, тише. Нежное попискивание и кудахтанье сменило растворившийся в пространстве голос. Затем все стихло. И остались только шуршащие звуки вентилятора и стук метронома.

Руби спала глубоким сном. Бонд нашел ее запястье и нащупал пульс. Он точно совпадая, с ритмом метронома. Затем его стук и шепот вентилятора стали ослабевать, и вот уже наступила мертвая тишина, нарушаемая еле слышимыми порывами ночного ветра на улице.

Бонд глубоко вздохнул. Теперь он знал все! Ему вдруг захотелось вернуться в свою комнату и все обдумать. Он выскользнул из-под простыни, добрался до своих вещей и оделся. Проблем с дверным замком не было. В коридоре стояла тишина и не было ни души. Он проскользнул во второй номер и легко закрыл дверь. Затем прошел в ванную комнату, запер дверь, включил свет и присел на унитаз, оперев голову на руки.

Глубокий гипноз! Несомненно, что в этом все дело. Тайное оружие! Повторяющаяся нараспев волевая установка, вводимая в мозг, когда сознание почти отключается. И теперь в подсознании Руби эта мысль по ночам будет работать сама по себе и после многих недель повторения и закрепления превратится во встроенный механизм подчинения тайному голосу. И необходимость подчиняться голосу будет сродни чувству голода, от которого никуда не деться.

Но, черт побери, что же это все означает? В голову деревенской простушки вбивали вполне невинную, на первый взгляд, вполне добропорядочную мысль, мозг ее при этом не обременяли лишней информацией. Ее вылечили от аллергии. Она вернется домой и сможет помогать семье разводить домашнюю птицу. И более того, она будет делать это с энтузиазмом и радением. Неужели горбатого исправили? Неужели старый каторжник таким банальным путем превратился в благодетеля? Бонд просто не мог в это поверить. Для чего же тогда все эти так тщательно спланированные меры безопасности? Для чего весь этот многонациональный обслуживающий персонал, от которого определенно смердило СПЕКТРОМ? С чем связано убийство в ледяном желобе? Несчастный случай? Сразу же после того, как тот тип попытался изнасиловать девочку Сару? Вряд ли это простое совпадение! Где-то за благополучным фасадом этого до безумия невинного медицинского исследовательского учреждения должно скрываться злое начало. Но где? Как он сможет это выяснить?

В изнеможении Бонд поднялся, выключил свет в ванной и тихо пробрался в постель. В течение получаса мысли его безрезультатно бродили в утомленном работой мозге, затем, наконец, к великому своему облегчению, он заснул.

Когда в девять утра он проснулся и распахнул окно, небо было затянуто тяжелой серой непроницаемой пеленой, что означало приближение сильного снегопада. Во всех населенных пунктах — в Берхаусе, в Шнифинкене и Шнифотеле — местные пташки, вьюрки и красноклювые альпийские вороны, которые жили в этих горах и питались чем бог пошлет, собирая объедки, которые оставались после пикников, жались поближе к жилью; все предвещало снежную бурю. Поднялся сильный ветер, который дул угрожающе резкими порывами. Со стороны подвесной дороги не было слышно никаких звуков. Легким алюминиевым гондолам тоже несладко в такую погоду, особенно вон там, на крутом склоне, который тянулся на протяжении четверти мили и спускался к плато по совершенно открытому пространству.

Бонд закрыл окно и позвонил, чтобы ему принесли завтрак. Когда завтрак прибыл, на подносе он увидел записку от фрейлейн Бунт:

«Граф хотел бы встретиться с вами в 11 часов. И.Б.»

Бонд позавтракал и вернулся к третьей странице истории рода де Блевилей. Ему пришлось перелопатить массу материала, чтобы показать товар лицом, но все это пустяки. Перспектива того, что ему удастся успешно продолжить мистификацию с поисками следов семейства Блофелда, не очень волновала его воображение. Он храбро начнет с самой Гдыни и пойдет в обратную сторону, пытаясь заставить эту старую каналью разговориться о его молодости, родителях. Старую каналью? Конечно, черт побери. Независимо от того, кем он стал после операции «Гром», в мире не могло быть двух Эрнстов Ставро Блофелдов!

Они встретились в кабинете графа.

— Доброе утро, сэр Хилари. Надеюсь, вы хорошо выспались? У нас начинаются снегопады. — Граф сделал жест в сторону окна. — Для работы лучше не придумашь. Ничто не отвлекает.

Бонд понимающе улыбнулся, как ученый ученому.

— Я действительно считаю, что девушки могут отвлечь от работы. Но они так очаровательны. А что с ними? Вид у них вполне здоровый.

Граф был начеку.

— Они страдают аллергией, сэр Хилари. Аллергией, которая лишает их трудоспособности. Они не могут найти себе применения в сельском хозяйстве. Все они из сельской местности, и болезнь лишает их возможности трудиться, а я могу излечить от подобных заболеваний, и я рад, что результаты весьма обнадеживающие. Мы вместе достигли значительного прогресса. — Рядом с ним зазвонил телефон. — Простите, — граф поднял трубку и выслушал кого-то. — Да, соедините, — сказал он по-немецки и сделал паузу. Бонд с вежливым видом изучал принесенные с собой бумаги. — Говорит де Блевиль, — перешел Блофелд на русский. — Да... Да... Хорошо! — Он положил трубку. — Еще раз прошу прощения. Звонил один из моих научных сотрудников. Он закупал кое-какие материалы для лаборатории, подвесная дорога закрыта, но специально для него ее включают. Рисковый парень. Я ему не завидую. Бедняга может сильно заболеть. — Зеленые контактные линзы, однако, скрывали любое выражение даже так явно проявленного сочувствия, а застывшая улыбка вовсе ничего не говорила. — А теперь, уважаемый сэр Хилари, давайте вернемся к нашей работе.

Бонд разложил огромные листы, которые он принес, на столе и начал гордо водить пальцем по записям. В замечаниях и вопросах графа проскальзывало восхищение и удовлетворение.

— Но это же великолепно, нет, это просто грандиозно, мой дорогой друг. Вы говорите, что есть упоминание о наличии в гербе сломанного копья и меча? А когда они были включены в герб?

Бонд отбарабанил массу чепухи о завоеваниях норманнов. А сломанный меч, вероятно, стал частью герба сразу после какой-нибудь битвы. Для выяснения этого потребуются дополнительная работа в Лондоне. Наконец Бонд свернул листы и обратился к заметкам в своей записной книжке.

— А теперь мы должны начать работу с другого конца, граф. — Бонд произнес это голосом, не терпящим возражений. — Вы родились в Гдыне 28 мая 1908 года. Правильно?

— Правильно.

— Как звали ваших родителей?

— Эрнст Джордж Блофелд и Мария Ставро Микелопулос.

— Они тоже родились в Гдыне?

— Да.

— Теперь — их родители.

— Эрнст Стефан Блофелд и Елизавета Любомирская.

— Гм-м. Эрнст, стало быть, имя, передающееся из поколения в поколение.

— Похоже, что так. Моего прадеда тоже звали Эрнст.

— Это очень важно. Видите ли, граф, у Блофелдов из Аугсбурга по крайней мере двое звались Эрнстами.

Руки графа расслабленно лежали на зеленом пресс-папье, стоявшем на столе. При словах Бонда они импульсивно сошлись вместе, пальцы сжались так, что побелели суставы.

«Вот-вот, а это тебе отнюдь небезынтересно», — подумал Бонд.

— А это важно?

— Очень. У христиан имена переходят из поколения в поколение. Мы рассматриваем это как наиболее значительный факт, дающий ключ к разгадке. А можете ли вы вспомнить что-нибудь из более отдаленного прошлого? Пока все идет прекрасно. Мы с вами уже прошли три поколения. Даты уточним позже, а пока, как мне кажется, уже добрались где-то до середины прошлого века. Проскочить бы еще лет пятьдесят, и мы попадем в Аугсбург.

— Нет, — в голосе послышался почти крик отчаяния. — Мой пра-пра-прадед... я

ничего о нем не знаю. — Руки на пресс-папье напряглись. — Может быть, э-э, если все упирается только в деньги, можно было бы найти кой-кого, ну, свидетелей. — Он всплеснул руками. — Мой дорогой сэр Хилари. Мы же с вами светские люди. И прекрасно понимаем друг друга. Неужели все эти выписки из архивов, церковных книг так уж обязательно должны быть подлинными?

Понял тебя, старая лиса! Однако Бонд учтиво, сделав вид заинтригованной невинности, произнес:

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, граф.

Теперь руки графа перестали бегать по столу, настал момент истины. Блофелд признал в Бонде одного из себе подобных.

— Вы трудолюбивый человек, сэр Хилари. Живете скромно, в отдаленном уголке Шотландии. Вероятно, можно было бы облегчить вашу жизнь. Вероятно, существуют какие-нибудь материальные блага, которые вам хотелось бы иметь. Например, автомобиль, яхта, пенсия. Скажите только слово. Назовите цифру. — Темно-зеленые линзы буравили скромно опущенные долу глаза Бонда, стараясь заглянуть в них. — Считайте, что мы успешно сотрудничаем. Поездки туда-сюда: в Польшу, Германию, Францию. Конечно, все расходы я беру на себя. Скажем, пятьсот фунтов в неделю. Технические вопросы, документы и тому подобное. Это я могу устроить. Необходимо только ваше согласие, скажите «да». Слово Геральдической палаты для министерства юстиции в Париже является словом божьим. Не так ли?

Все шло слишком хорошо, чтобы казаться правдой! Но как это обыграть?

— То, что вы предлагаете, граф, не лишено, гм-м, некоторого интереса. — Голос Бонда звучал неуверенно. — Конечно, если документы выглядят вполне убедительно, надежно, так сказать, очень надежно, тогда, вполне резонно, у меня нет оснований сомневаться в их подлинности. — В глазах Бонда появилось угодливое выражение. Это был взгляд собаки, которой хотелось бы, чтобы ее приласкали, чтобы сказали, что все будет хорошо, что бояться нечего. — Бы понимаете, что я имею в виду?

Граф начал говорить уверенно и искренне:

— Вам абсолютно нечего...

В этот момент в коридоре послышался, какой-то шум и гвалт. Дверь резко распахнулась. В комнату бросили какого-то человека, которого тащили за ноги. Корчась от боли, он упал на пол.

Двое охранников замерли рядом. Они посмотрели сначала на графа, а затем в сторону, на Бонда, очень удивившись, увидев его здесь.

— Что происходит? — резко спросил граф на немецком.

Бонд знал ответ и моментально понял, что он погиб. Под снегом и кровью, которыми было покрыто лицо человека, лежавшего на полу, Бонд различил знакомые черты.

Русые волосы нос, сломанный во время соревнований по боксу на первенстве королевских военно-морских сил, это лицо одного из его коллег по Секретной службе. Сомнений не оставалось. Это был номер 2 с поста «Зет» в Цюрихе!

15. Становится жарко

Да, так и есть — это был Шон Кэмпбелл! Боже всемогущий, что же с ним сделали! На пост «Зет» специально ничего не сообщили о миссии Бонда. Должно быть, Кэмпбелл сам вышел на след, наверное, через русского, который «покупал припасы». Произошла та самая неразбериха, которая происходит, когда пытаются сильно что-то засекретить.

Старший охранник говорил на быстром ломаном немецком со славянским акцентом.

— Его обнаружили в открытом лыжном отделении гондолы. Был сильно

обморожен, но оказал отчаянное сопротивление. Пришлось с ним повозиться. Нет никакого сомнения, что он следил за капитаном Борисом. — Он спохватился. — Я имею в виду вашего гостя из долины, герр граф. Утверждает, что он английский турист из Цюриха. Говорит, что не было при себе денег, не мог оплатить проезд на фуникулере. А ему так хотелось побывать здесь. Мы его обыскали, нашли пятьсот швейцарских франков. Документов никаких. — Охранник пожал плечами. — Говорит, что фамилия его Кэмпбелл.

Услышав свое имя, человек на полу зашевелился. Он приподнял голову и обвел комнату диким взглядом. Лицо его и голова были основательно разделаны, били, вероятно, рукояткой пистолета или дубинкой. Способность контролировать себя он потерял. Когда его взгляд остановился на знакомом лице Бонда, он застыл в изумлении, а потом, словно вцепившись в спасательный круг, хрипло произнес:

— Слава богу, Джеймс. Скажи им, кто я! Скажи им, что я работаю в «Юниверсал экспорт». В Цюрихе. Ты же знаешь! Ради бога, Джеймс! Скажи им, что со мной все в порядке. — И его голова упала на ковер.

Граф медленно повернулся к Бонду. Непроницаемые зеленые глаза отразили слабый свет, идущий из окна, и вспыхнули белыми искрами. Напряженная улыбка на вытянутом лице выглядела нелепо и ужасно.

— Вы знаете этого человека, сэр Хилари?

Бонд с сожалением покачал головой. Он знал, что этим жестом подписывает смертный приговор Кэмпбеллу.

— Никогда в жизни его не видел. Бедняга. Мне кажется, что он слегка рехнулся. Наверное, сотрясение мозга. Надо, вероятно, отправить его вниз, в больницу? Он очень плохо выглядит.

— А «Юниверсал экспорт»? — Голос звучал очень вкрадчиво. — Мне кажется, что я и раньше где-то слышал это название.

— Ну а я нет, — сказал Бонд безразличным голосом. — Никогда не слышал. — Он достал из кармана пачку сигарет и закурил. Руки у него не дрожали.

Граф обернулся к охранникам.

— На проверку — в спецкабинет, — мягко произнес он. Затем кивком головы отпустил их.

Охранники нагнулись и подхватили Кэмпбелла под руки. Упавшая на грудь голова приподнялась, и Бонд увидел последний ужасный, молящий о помощи взгляд Кемпбелла. Затем человека, который был коллегой Бонда, выволокли из комнаты, за его беспомощно болтавшимися ногами мягко закрылась дверь.

Его потащили на допрос — в пыточную! Это означает только одно — когда к нему применят современные методы дознания, он сразу расколется. Вопрос лишь во времени — немного он все-таки может продержаться. Сколько же часов остается в распоряжении Бонда?

— Я попросил, чтобы его отвели в палату для больных. За ним присмотрят. — Граф посмотрел на Бонда. — Боюсь, что это неприятное вторжение нарушило ход моих мыслей, сэр Хилари. Может быть, на сегодня хватит?

— Конечно, конечно. А что касается вашего предложения о том, что нам следует сотрудничать более тесно, работать рука об руку, то меня оно очень заинтересовало. Позвольте заверить вас, граф, — Бонд заговорщицки улыбнулся, — что мы могли бы решить все вопросы к обоюдному удовлетворению.

— Даже так? Ну что ж, прекрасно, — граф сцепил руки на затылке, какое-то время разглядывал потолок, а затем вновь в задумчивости повернулся к Бонду. — Я надеюсь, — как бы невзначай сказал он, — что вы никоим образом не связаны с английской Секретной службой, сэр Хилари?

Бонд громко рассмеялся. Смех был рефлекторный, своего рода защитная реакция, попытка разрядить обстановку.

— Спаси и помилуй! А разве у нас в Англии таковая имеется? Разве подобные заведения не прекратили свое существование в конце войны? — Бонд хмыкнул, получалось как-то смешно и глупо. — Не могу себя представить сыщиком с наклеенными усами. Нет, это дело не по мне. А усов и вовсе не выношу.

По тому, что застывшая улыбка не сошла с лица графа, можно было предположить, что он не разделяет оптимизма Бонда.

— В таком случае, — произнес Блофелд холодно, — забудьте, что я сказал, извините за бестактный вопрос, сэр Хилари. Появление этого человека сделало меня слишком подозрительным. Я ценю свое уединение на этой вершине, сэр Хилари. Научными исследованиями можно заниматься только при условии полного покоя.

— Не могу с вами не согласиться, — поспешно произнес Бонд. Он поднялся и собрал бумаги со стола. — И мне пора заняться своими исследованиями. Как раз подошел к XIV веку. Думаю, что завтра я смогу показать вам, граф, кое-что интересное.

Граф вежливо приподнялся, и Бонд, покинув его кабинет, вышел в коридор.

Он остановился, прислушиваясь к каждому звуку. Было тихо, но одна из дверей посередине коридора казалась чуть приоткрытой. Бонд увидел полосу кроваво-красного света. «Кажется, влип, — подумал он. — Ну да двум смертям не бывать, назвался груздем...» Он толкнул дверь и заглянул внутрь. Перед ним открылось узкое лабораторное помещение с низким потолком; во всю длину стены вдоль закрытых, наглухо окон стояли покрытые пленкой столы. Темно-красный, как в фотолаборатории, свет испускали неоновые светильники, расположенные над карнизом. Столы были уставлены ретортами и пробирками. У стены на полках рядами стояли многочисленные пробирки и пузырьки, наполненные мутной жидкостью. Три человека в белых халатах с марлевыми повязками на нижней части лица в хирургических шапочках на голове были поглощены какой-то работой. Эта сцена показалась Бонду картиной ада в театральной постановке. Он прикрыл дверь и, пройдя по коридору, выскочил на улицу в круговерт метели. Он натянул воротник свитера на голову и пошел по тропинке к благословенному теплу клуба. Там он быстро прошел в свою комнату, запер дверь, вошел в ванную и сел на свой привычный трон для размышлений, он стал судорожно соображать, что же делать дальше.

Мог ли он спасти Кэмпбелла? Конечно, попытаться он мог, сделать отчаянный шаг. «О, да. Я знаю этого парня. Вполне приличный человек. Мы когда-то с ним работали на одной экспортной фирме — „Юниверсал“. В Лондоне. Старина, ты ужасно выглядишь. Что, черт возьми, произошло?» Но правильно, что он так не сказал. Как «крыша», и «крыша» надежная, «Юниверсал» не подходила. Там уже пахло жареным, слишком долго эта фирма была на слуху. Пожалуй, к настоящему моменту в нее внедрились все секретные службы мира. Слышал об этом и Блофелд. Любая попытка Бонда спасти Кэмпбелла просто показала бы, что они связаны между собой. Другого выхода, как отдать его на растерзание волкам, не было. Если бы к Кэмпбеллу хоть на миг вернулось самообладание! До того, как его начнут обрабатывать. Он бы понял, что Бонд оказался здесь не случайно, что он до последнего должен отрицать свое знакомство с ним и принадлежность к Секретной службе. На сколько хватит у него сил, сколько он продержится и не выдаст Бонда? В лучшем случае — несколько часов. Но сколько часов? Это был жизненно важный вопрос. Это и то, как долго продлится буря. Пока он продолжается, Бонду отсюда не удрать. Если бы метель прекратилась, какой-то шанс мог появиться — ничтожный, но все-таки шанс, лучше, чем все другое, — когда бы Кэмпбелл ни заговорил, если он только заговорит, результат мог быть только один — смерть, и, вероятно, смерть мучительная.

Бонд провел смотр имеющегося в его распоряжении оружия. Оно состояло из

его рук и ног, бритвы «Жиллетт» и его наручных часов. Очень тяжелых часов фирмы «Ролекс ойстер перпечуэл», с расстегивающимся браслетом. Если правильно ими распорядиться, можно превратить их в подобие кастета. Бонд поднялся, вынул лезвие из стакана и опустил бритву в карман брюк. Он зажал ножку бритвенного станка между первым и вторым пальцами левой руки так, чтобы держатель лезвия лег как раз вдоль суставов. Так, с этим ясно. Что он еще может прихватить с собой, какие-нибудь вещественные доказательства? Да, он должен постараться узнать имена других девушек и по возможности их адреса. Хорошо бы успеть опросить всех. Он отдавал себе отчет в том, что сделать это было крайне важно! Для этой цели ему придется использовать Руби. С головой, полной планов получения этой информации от нее, Бонд покинул ванную, сел за письменный стол и приступил к новой странице жизнеописания рода де Блевилей. Он должен был продемонстрировать свое желание продолжать работу хотя бы контролирующему его глазку объектива, смотревшему с потолка.

Было около половины первого, когда Бонд услышал, как ручка его двери мягко повернулась. Внутрь проскользнула Руби. Приложила палец к губам и скрылась в ванной. Бонд небрежно бросил перо, встал, потянулся, походил по комнате, потом тоже зашел в ванную.

Руби смотрела на него голубыми, широко открытыми, испуганными глазами.

— Что вые еще натворили? — скороговоркой прошептала она.

— Ничего, — невинно произнес Бонд. — А в чем дело?

— Нам всем запретили разговаривать с вами в отсутствие мисс Бунт. — Ее кулачок отчаянно взметнулся вверх, она закусила руку. — Может быть, они узнали про нас?

— Это невозможно, — сказал Бонд, излучая уверенность. — Догадываюсь, в чем тут дело. — Он напустил уже столько тумана, что еще одна ложь во спасение теперь не имела значения. — Сегодня утром граф сказал мне, что я смущаю девушек, что я «отвлекаю их внимание», мешаю вашему лечению. Он попросил меня как можно больше времени проводить наедине с собой, честное слово (как часто эти слова помогают солгать!), я уверен, все дело в этом, и очень жаль. Я действительно очень хорошо отношусь ко всем девушкам — ты, конечно, особый случай, с тобой все по-другому, — но я очень хотел бы помочь вам всем.

— Что вы имеете в виду? Что значит помочь вам?

— Я говорю о ваших фамилиях. Я разговаривал с Виолеттой вчера вечером. Ей, например, это вовсе не безразлично. И другие были бы рады получить такую ценную информацию, это бы всех изрядно позабавило. Каждый хочет знать о своих корнях. Ведь это своего рода хиромантия. — Хотел бы он знать, как отнеслись к подобному сравнению в Геральдической палате! Он пожал плечами. — Во всяком случае, я решил убраться отсюда подобра-поздорову. Теперь не могу, когда меня пасут и командуют мною. За кого, черт побери, они меня принимают? Так вот, если бы ты смогла назвать фамилии девушек, всех, кого знаешь, я бы каждой составил родословную и прислал вам по почте, когда вернетесь в Англию. Между прочим, сколько вы еще пробудете здесь?

— Нам точно не говорят, но ходят слухи, что еще около недели. К этому времени должна прибыть еще одна группа девушек, другой заезд. Когда мы ленимся или отстаем по домашнему чтению, мисс Бунт говорит, что надеется, что в следующей группе таких глупышек не будет. Старая ведьма! Но, сэр Хилари, — в ее голубых глазах появилась озабоченность, — каким образом вы собираетесь отсюда выбраться? Вы же знаете, что мы здесь практически на положении заключенных.

Вопрос не застал Бонда врасплох.

— Придумаю что-нибудь. Нельзя же держать меня здесь против моей воли. Ну так как насчет фамилий, Руби? Разве девушкам это не доставит удовольствия?

— О, они будут просто счастливы. Конечно, я их всех знаю. Мы нашли массу способов, как посвящать друг друга в свои маленькие тайны. Но как же вы все это запомните? У вас есть, на чем записать?

Бонд оторвал полоску туалетной бумаги и достал карандаш.

— Валяй!

Она засмеялась.

— Ну, меня вы знаете и Виолетту тоже. Еще Элизабет Макиннон. Она из Абердина. Верил Морган из графства Херефордшир. Перл Тэмпион, Девоншир, — между прочим, все они просто ненавидели любой домашний скот. А теперь живут на бифштексах! Ну можно ли в это поверить? Должна сказать — граф удивительный человек.

— Да, в этом сомневаться не приходится.

— Потом еще Энн Чартер из Кентербери и Кэрис Вентнор. Она работала в местечке Большая Конюшня, уж где это, и не знаю — не понимаю, как там оказалась, ведь стоило ей пройти мимо любой лошади, как она вся покрывалась сыпью! А теперь только и мечтает, чтобы попасть в клуб, где разводят пони, она все про них знает, берет на заметку каждое сообщение, не пройдет мимо ни одного лошадиного эксперта...

Список продолжался до тех пор, пока Бонд не переписал всех десяти.

— А кто такая Полли, которая уехала в ноябре?

— Полли Таскер. Она родом из восточной части Англии. Не помню, откуда, но могу найти ее адрес, когда вернусь домой. Сэр Хилари, — она обвила его шею руками, — ведь мы еще встретимся, правда?

Бонд крепко обнял ее и поцеловал.

— Конечно, Руби. Ты всегда можешь найти меня в Геральдической палате, которая находится на улице Королевы Виктории. Просто пошли мне открытку, когда вернешься. Но, ради бога, перестань величать меня «сэр». Мы же хорошие друзья. Запомнила?

— О, да, сэр-р Хилари, — пылко сказала она. — Но будьте осторожны. Я имею в виду, когда станете выбираться отсюда. А может быть, не стоит рисковать, может быть, я могу что-нибудь для вас сделать?

— Ничего не надо, дорогая. Просто никому не говори об этом. Пусть это будет нашей маленькой тайной, хорошо?

— Конечно, дорогой. — Она посмотрела на часы. — О, боже! Я должна бежать. До обеда только десять минут. Пр продемонструй-ка свой трюк с дверью. В коридоре никого быть не должно. У охраны обед с двенадцати до часа.

Бонд проделал трюк с дверью, стараясь не попасть в поле зрения глазка на потолке, и она выскользнула, прошептав слова прощания.

Бонд осторожно прикрыл дверь. У него вырвался глубокий вздох. Он подошел к окну и выглянул на улицу сквозь занесенные снегом стекла. Картина снаружи напоминала подземное царство; мелкая снежная пыль под порывами ветра, налетавшего на здание, передвигалась по веранде маленькими смерчами. Нужно бога молить, чтобы к ночи все это кончилось. Какое снаряжение может еще ему понадобиться? Очки и перчатки надо непременно раздобыть во время обеда. Бонд снова зашел в ванную и втер в глаза немного мыла. Чертовски щипало, но после этой операции его серо-голубые глаза сильно покраснели, выглядело это вполне правдоподобно. Довольный, Бонд позвонил в охрану и с задумчивым видом отправился в ресторан.

Когда он прошел сквозь вращающиеся двери, наступила тишина, за которой последовала вежливая, осторожная болтовня. Он пересек комнату, сопровождаемый внимательными взглядами и приглушенными ответами на его приветствия. Бонд занял свое обычное место между Руби и фрейлейн Бунт. Не обратив внимания на ее

холодное приветствие, щелкнул пальцами, подзывая официанта, и заказал свою обычную двойную порцию водки с сухим мартини. Он повернулся к фрейлейн Бунт и улыбнулся в ее желтые настороженные глаза.

— Могу я попросить вас об одолжении?

— Конечно, сэр Хилари, в чем дело?

Бонд показал на свои все еще слезящиеся глаза.

— У меня неприятности, совсем в духе графа. Думаю, что-то вроде конъюнктивита. Здесь слишком все ослепительно. Сегодня, конечно, получше, но снег все-таки сильный отражатель. Да еще масса работы с этими бумагами. Не смогли бы вы достать мне защитные очки? Только на пару дней. Пока глаза не привыкнут к свету. Обычно у меня не бывает таких неприятностей.

— Да, это можно организовать. Я прослежу, чтобы их доставили в вашу комнату. — Она подозвала старшего официанта и отдала команду на немецком языке.

— Будет исполнено, уважаемая фрейлейн, — глядя на Бонда с нескрываемой неприязнью, ответил тот также по-немецки и щелкнул при этом каблуками.

— И еще одно, если позволите, — вежливо сказал Бонд. — Небольшую фляжку со шнапсом. — Он повернулся к фрейлейн Бунт: — Я обнаружил, что плохо сплю на этой высоте. Может быть, поможет рюмочка на ночь. Я всегда так делаю дома, правда, обычно пью виски. Но здесь я бы предпочел шнапс. Находясь в «Глории», поступай, как глорийцы, следуй их уставу. Ха, ха!

Фрейлейн Бунт посмотрела на него ледяным взглядом.

— Примите заказ, — резко сказала она официанту. Последний принял заказ Бонда — домашний паштет, а также яйца «Глория» да плюс целый поднос с сыром (Бонд решил закусить на славу — про запас!), — щелкнул каблуками и ушел.

Не он ли один из тех, кто работал сегодня в пыточной? Бонд тихо скрипнул зубами. Ей-богу, если нынче ночью придется стукнуть кого-нибудь из этих охранников, он себя сдерживать не станет, черт побери. Бить будет изо всех сил. Бонд почувствовал на себе инквизиторский взгляд фрейлейн Бунт. Он расслабился и завел любезный разговор о снежном буране. Как долго он будет продолжаться? А как ведет себя барометр?

Осторожно, но очень вовремя Виолетта сказала, что, по мнению инструкторов, во второй половине дня должно проясниться. Барометр поднимается. Она испуганно посмотрела на фрейлейн Бунт, чтобы убедиться, не слишком ли любезно разговаривает она с этим отверженным. Ничего не поняв, низко нагнулась к своим огромным жареным картофелинам, запеченным с яйцами.

Бонду принесли его стакан. Он выпил принесенное двумя большими глотками и заказал еще. Почувствовал, что сейчас сделает такое, что кое-кого удивит и разозлит.

— А как себя чувствует тот бедолага, — задиристо обратился он к фрейлейн Бунт, — который сегодня утром поднялся сюда по подвесной дороге? У него был ужасный вид. Надеюсь, что он уже поднялся и может передвигаться.

— Ему становится лучше.

— Ой, а кто это? — с любопытством спросила Руби.

— Нарушитель. — Глаза фрейлейн Бунт расширились и в них появилось предостережение. Это не предмет для разговора.

— А почему нет? — невинно спросил Бонд. — В конце концов, здесь не так много развлечений. И все из ряда вон выходящее позволяет немного расслабиться.

Она ничего не ответила. Бонд вежливо приподнял брови и принял подобное унижение с хорошей миной. Он поинтересовался, не пришли ли газеты. Или, быть может, кто-нибудь слышал по радио последние новости. Кстати, передают ли их здесь, ну, скажем, как на корабле? И вообще, поддерживается ли какая-нибудь связь

с внешним миром?

— Нет.

Бонд прекратил борьбу и принялся за обед. Руби потерлась ногой о ногу Бонда, проявляя симпатию ко всеми забытому горемыке. Бонд предостерегающе дотронулся до ее ноги и отодвинулся. Девушки, сидящие за другими столами, начали расходиться. Бонд съел немного сыра, пригубил кофе, подождал, пока поднимется фрейлейн Бунт и скажет свое обычное: «Девочки, пошли». Бонд привстал и снова сел. Теперь он был один в ресторане, не считая официантов, убирающих со столов. Именно это ему и было нужно. Он встал и Прошествовал к двери. В вестибюле на вешалке он увидел верхнюю одежду девушек, висевшую ровными рядами, здесь же — лыжные перчатки. В коридоре было пусто. Бонд смахнул самую большую пару кожаных рукавиц, висевших на шнурках, и затолкал их под свитер. Затем прогулочным шагом прошел в вестибюль. Там никого не было. Дверь комнаты, в которой хранились лыжи, была открыта. Над верстаком склонился тот самый угрюмый тип. Бонд вошел внутрь и повел одностороннюю — ему и не думали отвечать — беседу относительно погоды. Затем под прикрытием этой несвязной тарабарщины — что за погода и все такое прочее, а ведь нынешние модели лыж, обитые металлом, гораздо опаснее прежних, деревянных, — он внимательно осмотрел, руки при этом все время невинно держал в карманах, пронумерованные ячейки, в которых вдоль стены стояли лыжи. В основном это были женские лыжи. Ничего хорошего! Для его ботинок крепления будут малы. Но рядом, в ячейках без номеров, стояли лыжи инструкторов. Глаза Бонда сузились, он прикидывал кое-что в уме, оценивал снаряжение. Да, вот эта пара — металлическая окантовка, на закругленных черных носках — красная буква "V", пожалуй, подойдут. Жесткие крепления, лыжи класса «Мастер», специально для скоростного спуска. Бонд вспомнил, что он где-то читал о том, что серийные модели имеют тенденцию «плавать» на больших скоростях. Лыжи, на которых он остановил свой выбор, имели специальные крепления «Аттенхофер флекс», которые застегивались спереди и сбоку. Два перекрещенных кожаных ремешка с пряжкой на пятке охватывали лодыжку, что в случае падения, а он был уверен — падать придется, служило гарантией того, что лыжу он не потеряет.

Бонд быстро прикинул, долго ли придется подгонять крепления под его ботинки, и, выйдя в коридор, направился в свою комнату.

16. Только под гору

Теперь оставалось только ждать. Когда же они закончат с Кэмпбеллом? Старые, грубые методы редко оказываются эффективными, когда речь идет о профессионале; профессионала не сравнишь с человеком, который поминутно теряет сознание и становится мягким как воск — лепи из него что хочешь. Профессионал, если он силен духом, может тянуть «игру» часами, кое-что признавая, придумывая длинные путанные истории, упорно настаивая на своем, держась одного сценария. Все эти истории необходимо проверить. У Блофелда, конечно, найдется свой человек в Цюрихе, он может связаться с ним по радио, попросить уточнить ту или иную информацию, адреса, но на все это нужно время. Затем, если будет доказано, что Кэмпбелл лгал, им придется все начинать сначала. Что касается Бонда и установления его личности, все зависит от того, как Кэмпбелл истолкует появление Бонда в клубе «Глория». Он должен догадаться, что раз Бонд категорически отказался признать его, значит, так надо, значит, идет важная секретная операция. Хватит ли у него ума не выдать Бонда, хватит ли выдержки, когда они начнут применять электрические и механические приспособления, без них они точно не обойдутся. Он мог бы сказать, например, что, когда его привели и он увидел Бонда,

принял его, находясь в полубессознательном состоянии, за своего брата Джеймса Кэмпбелла. Ну что-нибудь в этом роде. Если только у него хватит ума! Если только хватит выдержки! Была ли у Кэмпбелла ампула с ядом, может, в одной из пуговиц на лыжной куртке или брюках? Впрочем, Бонд сразу же отбросил эту мысль. Он чуть было не пожелал Кэмпбеллу быстро свести счеты с жизнью — яд бы пригодился.

Словом, Бонд прекрасно понимал, что в его распоряжении лишь несколько часов, потом они придут за ним. Но только после того, как все улягутся. Если сделать это до того, среди девушек возникнет слишком много разговоров. Нет, они придут за ним ночью, а на следующий день будет пущен слух, что он с первым же фуникулером отправился в долину. Его к тому времени надежно замуруют в снегу или, что более вероятно, спрячут высоко в расселине расположенного неподалеку ледника пика Лангвард, с тем чтобы он оказался у его основания лет эдак через пятьдесят, когда явится вдруг из вечной мерзлоты абсолютно как новенький — со следами многочисленных ранений, но без каких-либо опознавательных знаков, безымянная жертва «вечных снегов»!

Да, он должен предвидеть и это. Бонд поднялся из-за письменного стола, за которым сидел, продолжая автоматически кропать древо де Блевилей, живших в XV веке, и открыл окно. Снег прекратился, и кое-где в разрывах облаков появилось ясное небо. На склоне сейчас лежит прекрасный пушистый снег, наверное, в фут глубиной — по всей трассе. Теперь — полная боевая готовность.

Существуют сотни рецептов чернил, применяемых для тайнописи, но сейчас Бонду был доступен лишь один-единственный и самый древний — собственная моча. Он пошел в ванную комнату (что может подумать бдительный глаз о его пищеварительном тракте?), захватив с собой ручку с чистым металлическим пером и паспорт. Там он сел и начал переписывать с полоски туалетной бумаги, которая лежала у него в кармане, на чистую страницу в паспорте имена и ориентировочное местонахождение всех девушек — по графствам. На странице не оставалось никакого следа, но если подержать его над пламенем, то проступят коричневые буквы. Он сунул паспорт в задний карман брюк. Затем достал из-под свитера перчатки, примерил их, вроде подходят, жмут, конечно, немного; он снял крышку с туалетного бачка и положил перчатки вдоль рычага запорного крана.

Что еще? На старте будет дьявольски холодно, но потом он весь взмокнет от пота. Ему придется обходиться той лыжной экипировкой, которая оказалась под рукой — перчатки, очки, лежавшие у него на столе, и плоская фляжка шнапса, которую он положил на случай падения не в задний, а в боковой карман. Надо чем-нибудь прикрыть лицо: Бонд подумал о том, что для этой цели можно использовать одну из теплых нижних рубашек, сделав в ней прорези для глаз. Но такая маска наверняка сдвинется и может ослепить его. У него было несколько шелковых носовых платков в горошек, он решил, что обвяжет одним из них свое лицо ниже очков: если станет затруднять дыхание, его легко сдернуть. Итак, вот и весь расклад! Ни прибавишь, ни убавишь, больше никакой подстраховки. В остальном придется положиться на провидение. Бонд выкинул все из головы и вернулся из ванной к столу. Сел и склонился над бумагами, стараясь не прислушиваться к тому, как шустро тикает его «Ролекс» на руке, пытаясь восстановить по памяти приблизительную географию трассы «Глория», которую он проходил по металлическим картам-указателям. Второй раз на них уже не посмотришь — слишком поздно. Надо держаться и продолжать играть роль беззубого тигра.

Ужин был такой же дурацкий, как и обед. Бонд был занят тем, чтобы как можно больше выпить виски и плотно поесть. Он вел учтивый разговор и делал вид, что не замечает холода по отношению к нему. Потом он легонько прижал под столом ножку Руби, извинился и, сославшись на работу, с достоинством удалился.

К обеду он переодевался и теперь рад-радешенек был, что его лыжная

экипировка лежала нетронутой, в куче, точно так, как он ее оставил. Как ни в чем не бывало он приступил к своим обязанностям — заточил карандаши, разложил книги, склонился над линованной бумагой: «Симон де Блевиль, 1510—1570, Альфонс де Блевиль, 1546—1580, женился в 1571 году на Мариетте д'Эскур, отпрыски — Жан, Франсуаза, Пьер». Слава богу, ему недолго осталось заниматься этим вздором!

9:15, 9:30, 9:45, 10:00! Бонд чувствовал, как росло в нем возбуждение, поднималось, словно шерсть у кошки. Он почувствовал, что руки сделались влажными. Вытер их о брючины. Он встал и потянулся. Пошел в ванную и надлежащим образом пошумел, вытащил перчатки и положил их на пол ванной, прямо в дверях. После этого, раздевшись донага, вернулся в комнату, лег в постель и выключил свет. Он отрегулировал дыхание и минут через 10 стал тихонько похрапывать. Еще через 10 минут он выскользнул из постели и, соблюдая все предосторожности, облачился в свой лыжный костюм. Он взял перчатки, надел очки, так чтобы они держались у него на голове выше лба, обвязал лицо темно-красным платком, спрятав нос, сунул шнапс в карман, паспорт в брюки и — не последнее дело — зажал бритву «Жиллетт» между пальцами левой руки, «Ролекс» надел на правую, браслет часов застегнулся на ладони вокруг пальцев; циферблат соответственно оказался на костяшках пальцев. Бонд остановился и еще раз проверил свое снаряжение. Лыжные перчатки, шнурок от которых был протянут под свитером вдоль рукавов, свисали у запястий. Они будут немного мешать, пока он не окажется снаружи. Но ничего не поделаешь. Все остальное в порядке. Он готов. Он наклонился к двери, поковырялся в замке кусочком пластмассы и, моля бога, чтобы телевизионный надсмотрщик не работал, а то они смогут заметить полосу света из коридора, прислушавшись, выскользнул из комнаты.

Слева от него находился освещенный вестибюль. Бонд, прокравшись вдоль коридора, обогнул косяк двери. Так и есть! Охранник был на месте, он сидел, склонившись над чем-то похожим на расписание. Шея была открыта. Бонд опустил «Жиллетт» в карман и сложил пальцы левой руки, так, как это делали десантники, когда готовились нанести сильный удар. Он сделал еще два шага и со всего размаха ударил по шее сзади. Человек уткнулся лицом в стол, но тут же вскочил, повернувшись вполоборота в сторону Бонда. Бонд выбросил вперед правую руку, и циферблат «Ролекса» пришелся прямо в челюсть. Тело медленно сползло со стула на ковер, мужчина лежал неподвижно, ноги небрежно раскинуты, как во сне. Потом веки глаз дрогнули, и он уставился вверх широко открытыми глазами. Сердце не билось. Бонд выпрямился. Это был тот самый тип, которого Бонд видел в то первое памятное утро своего пребывания здесь, это он шел от трассы бобслея, когда с Бертилом произошел несчастный случай. И поделом! Справедливость восторжествовала!

На столе зажужжал, как попавшая в ловушку оса, телефон. Бонд бросил на него взгляд и снял трубку, говорили по-немецки, он ответил через платок, закрывавший его рот:

— Да?

— Все в порядке?

— Да.

— Смотри в оба. За англичанином придем через десять минут. Все понятно?

— Понятно.

— Глаз с него не спускай, ясно?

— Все ясно.

На другом конце положили трубку. Лицо у Бонда покрылось капельками пота. Слава богу, что он снял трубку! И так, они придут за ним через десять минут! На столе лежала связка ключей. Бонд схватил ее и побежал к входной двери. После трех неудачных попыток он подобрал нужный ключ. Толкнул дверь. Теперь ее держало

только пневматическое устройство. Бонд бросился к двери мастерской. Не заперта! Он вошел и при свете, шедшем из вестибюля, нашел свои лыжи. Палки стояли рядом. Осторожно он вытащил снаряжение из деревянного гнезда и быстро пошел к двери главного входа, открыл ее, мягко положил на снег лыжи и палки, повернулся к двери, запер ее снаружи и закинул ключи далеко в снег.

Почти полная луна ярко сияла ослепительным светом, и снежинки искрились и были похожи на покрывало из бриллиантовой пыли. Теперь надо затратить несколько минут, чтобы как следует приладить крепления. Бонд ткнул ботинок в паз держателя и опустил на колено, нащупывая стальной тросик сзади каблука. Спокойно, неторопливо он установил винт регулировки на передней накладке и еще раз проверил, все ли в порядке. Кажется, теперь нормально. Он защелкнул замок и почувствовал, как тот зажал ботинок в держателе. Так, осталось пропустить ремень безопасности по верху ботинка, он удержит лыжу, если замок расстегнется, что может случиться при падении. Пальцы Бонда стали замерзать. Конец ремешка никак не попадал в пряжку! Потеряна целая минута! Наконец-то. Теперь нужно проделать то же самое с другой лыжей. И вот Бонд выпрямился, натянул перчатки на уже ноющие пальцы, взял остроконечные палки и, оттолкнувшись, покатился вниз по едва заметному краю хорошо укатанного накануне склона. Пока все идет как надо. Он опустил очки на глаза, и тут же снежный ландшафт стал серебристо-зеленым, как будто он плыл под освещенной солнцем водой. Лыжи поскрипывали на пушистом снегу. Бонд старался набрать скорость, спускаясь по довольно пологому склону, он разгонялся не просто скольжением, а маховым шагом, как это делали в свое время норвежские горнолыжники. Но из этого ничего не получалось! Каблуки ботинок как будто гвоздями были прибиты к лыжам. Он сильно, как только мог, отталкивался палками Боже, какой же след он должен был оставлять за собой — широкий, как трамвайная линия! Как только они сумеют открыть входную дверь, сразу бросятся за ним в погоню Их лучший инструктор, конечно, легко его догонит, если не набрать скорость на старте. Дорога каждая минута, каждая секунда. Мимо промелькнули черные контуры станции канатной дороги и приюта. Там начиналась трасса «Глория», металлические указатели около нее были укрыты снежными шапками! Бонд не стал останавливаться Он промчался мимо и начал спуск.

На первом же вертикальном склоне перехватило дыхание, по спине побежали мурашки Бонд ушел в хорошо знакомую ему низкую стойку, руки опустил к ботинкам и просто полетел вниз. Лыжи шли на опасном расстоянии в шесть дюймов друг от друга. Знаменитый Каннонен, которого он как-то видел на трассе, всегда тесно прижимал один ботинок к другому, как будто ехал на одной лыже. Но сейчас было не до красот, не до стилей, он просто должен был держаться на ногах — вот и все! Скорость, с которой Бонд спускался, становилась угрожающей. Но глубокая подушка холодного, легкого, пушистого снега придавала ему уверенности, он шел на параллельных лыжах При такой скорости достаточно минимально развернуть плечо — перенести вес на левую ногу, — и вот он уже изменил направление, правая сторона его лыж режет склон, поднимая вверх фонтан снежинок. И все заливают лунный свет. Об опасности он уже не помнил, скорость опьяняла, техника владения лыжами, укрощение снежного склона вызывали радость. Бонд выпрямился и почти нырнул в следующий поворот, на этот раз оставив слева от себя широкий зигзаг, он покорял никем еще не освоенный после снегопада склон. Теперь он мог позволить себе остальную часть пути спускаться в основном правым плечом вперед при разворотах. Он направил лыжи вниз и почувствовал истинный восторг, когда пронесся, подобно черной пуле, по огромному откосу, шедшему под углом в 45° . Так, еще раз, правое плечо пошло. Впереди слабо трепыхались три флажка; черный, красный и желтый, их цвета при лунном свете были, однако, трудноразличимы. Здесь бы надо остановиться и сориентироваться перед новым участком, горы. Перед широким

поворотом склон поднимался немного вверх. Бонд одолел подъем на скорости, почувствовал, как лыжи, не касаясь земли, перелетели через гребень, уперся левой палкой в снег, создав дополнительный рычаг, и перекинул лыжи, правое плечо и бедро вперед, влево. Он приземлился, подняв фонтан снежных брызг, и встал как вкопанный. Он был доволен собой! Этот прием, который делают на скорости, со стороны выглядит очень эффектно и выполнить его не так-то легко. Жаль, что его не видит сейчас старый инструктор, господин Фукс, вот бы порадовался!

Теперь он оказался на другом участке трассы. Высоко над головой поблескивали серебристые нити канатной дороги; уходя вниз, они сливались в одну полосу, которая тянулась к далекой темной кромке деревьев, где в лунном свете поблескивали ажурные опоры. Бонд вспомнил, что сейчас последует серия зигзагообразных поворотов, которые откроются почти под самой канатной дорогой. Если бы склон был хорошо виден, пройти этот участок не составляло труда, но свежавывающий снег сделал почти каждый метр дистанции одинаково соблазнительным. Бонд приподнял очки в надежде увидеть какой-нибудь флажок. Вон один вроде виднеется слева. Ему надо будет вписаться в несколько крутых поворотов, и он выскочит на новый склон.

Едва он успел опустить на глаза очки и взяться за палки, как одновременно произошли два события. Во-первых, откуда-то с высоты горы прозвучал глухой выстрел и прямо над ним ушла вверх, разбрасывая световые отблески, ракета. Она вонзилась в небо, раздался резкий треск, потом возникла яркая магниевая вспышка, и огненный шар начал свой извилистый медленный спуск, словно был подвешен на парашюте; темные тени в низинах стали исчезать, все заливал страшный мертвенный свет. Еще несколько глаз вспыхнули в небе, теперь на склоне стала видна каждая щель.

И в то же время тросы над головой Бонда запели! Они послали вслед за ним фуникулер!

Бонд выругался во влажные складки шелкового платка, закрывавшие рот, и продолжил спуск, теперь они отправят следом и лыжников — вооруженных лыжников!

Второй участок он преодолел не так лихо, добравшись до второго флажка, сделал поворот и поехал по крутому склону в другом направлении, петляя зигзагами под тросами канатной дороги. С какой скоростью двигаются эти проклятые гондолы? 10, 15, 20 миль в час? Это самая последняя модификация. Должно быть — самые скоростные. Помнится, ой читал где-то, что фуникулер между Арозой и Висхорном достигал скорости 25 миль в час. Уже когда он делал первый зигзаг, пение тросов над его головой сменилось иным звучанием, а потом опять превратилось в сплошной жалобный вой. Это означало, что гондола миновала первую опору! У Бонда заныли колени, это ахиллесова пята всех горнолыжников. Он уменьшил амплитуду лавирования, пошел змейкой, ощущая теперь под собой каждый бугорок. Вроде там, слева, еще один флажок? Огненные шары ракет, казалось, опускались ему прямо на голову. Так. Пока жить можно. Еще пара зигзагов, и он выскочит на чистый склон!

Справа от него что-то упало на землю с сильным грохотом, подняв фонтан снега! Потом то же — слева! Из фуникулера бросали гранаты! Его взяли в вилку! Что же, следующая — прямо в цель? Почти одновременно с тем, как эта мысль пронеслась в его голове, прямо перед ним раздался страшный взрыв, который сначала отбросил Бонда в сторону, а потом закрутил колесом вместе с палками и лыжами. Бонд еле поднялся на ноги, с трудом переводя дыхание и сплевывая снег. Одно из креплений расстегнулось. Дрожащими пальцами он нащупал замок и снова защелкнул его. Еще один взрыв, но уже ярдах в двадцати от него. Ему нужно убраться с линии огня, прочь от этой проклятой дороги. Флажок с левой стороны, лихорадочно вспомнил он. Теперь надо ехать поперек. Он приблизительно определил новое направление

движения, перескочил кромку очередного склона и ринулся вниз.

17. Кровь на снегу

Этот склон был полон неожиданностей. Ракеты опустились почти до земли, и вновь вокруг залегли уродливые черные тени, любая из которых могла оказаться опасной ложбиной. Бонду приходилось притормаживать у каждой из них, и каждый раз резкая остановка, помнится, такой прием именовали «кристи», напоминала ему о слабости ног и лодыжек. Однако он добрался до флажка, ни разу не упав; остановился, тяжело дыша. Оглянулся назад. Гондола остановилась. У них была телефонная связь со станциями, находящимися на вершине и у подножья горы, но почему кабинка остановилась? Как бы в ответ, из гондолы взметнулось, направляясь к нему, голубое пламя. Но свиста пуль Бонд не услышал. Гондола раскачивалась на канате слишком сильно. Внезапно откуда-то из района первых флажков, высоко над ним, на склоне горы, также послышалась частая стрельба, огонь вели сразу с двух точек, и снег вокруг него так и запрыгал, заплясал. Стало быть, инструкторов вдогонку тоже послали. Его падение обошлось в несколько дорогих минут. На сколько же он их опережает? Конечно, меньше чем на 10 минут. Пуля ударила в одну из лыж и эхом отозвалась в горах. Бонд набрал полные легкие воздуха и скользнул вниз, продолжая держаться левее, подальше от фуникулера, к следующему флажку, вон той далекой точке по краю тени, которую отбрасывала своим гребнем, похожим на рог, вершина пика Глория, врезавшаяся в усыпанное звездами небо с наводящей ужас величием.

Было похоже, что этот спуск будет проходить в опасной близости от подножия вершины. Мысли путались, никак не мог вспомнить, что там дальше на маршруте? Кажется, ничего хорошего. Так и есть! Последний флажок! И он черного цвета. Он попал на «черный» склон, тот самый, который был закрыт из-за лавинной опасности! Боже правый! Все-таки влип. Уйти на «красный» склон времени уже не было. И в любом случае «красный» маршрут в основном проходил поблизости от фуникулера. Ему придется попытаться счастья на этом трудном склоне. Но о чем говорить, когда только что выпал такой обильный снег, а тут еще все эти взрывы, которые могут вызвать лавину! Когда есть опасность схода лавины, инструкторы даже разговаривать запрещают! Ладно, к черту все это! Бонд промчался по широкому неразмеченному спуску, достиг следующего флажка, заметил еще один, там, далеко внизу, в направлении к кромке леса. Здесь слишком круто, чтобы ехать прямо! Придется идти зигзагами.

И в этот момент те мерзавцы выпустили еще три осветительные ракеты, которые взорвались среди звезд и очень симпатично рассыпались цветными блестками. Конечно! Блестящая идея! Это чтобы потом объяснить там, в долине, где могло оказаться слишком много любопытствующих, почему всю ночь высоко в горах звучали таинственные взрывы. У них, оказывается, был праздник, они что-то там отмечали. Да, умеют же развлекаться эти богачи! Тут Бонда осенило. Еще бы! Ведь сегодня канун Рождества! Господь бог посылает вам мир и покой, славные джентльмены, пусть ничто вас не тревожит! Лыжи Бонда позванивали, как рождественские колокольчики, в такт их перезвону он зигзагами, словно заяц, мчался вниз по великолепному заснеженному склону. Белое рождественское покрывало. Он отпраздновал Рождество на славу!

И вдруг сверху до него донесся тот самый ужасный из всех звуков, который можно услышать в Альпах, — душераздирающий треск смещающегося снега и льда. Эта труба архангела, звучащая в день страшного суда! Лавина! Земля под лыжами заходила ходуном, его настигал все усиливающийся грохот, будто вдогонку ему несло несколько железнодорожных экспрессов, с ревом проскакивающих на своем

пути добрую сотню туннелей. Боже милостивый! Ну, теперь действительно конец! Чему там учили в свое время? Направить лыжи прямо вниз по склону! Попытаться уйти от лавины! Бонд направил лыжи прямо в сторону границы леса, весь согнулся, присел и рванулся вперед, лыжи взвизгнули, унося его в белое пространство.

Только вперед, держись, сукин сын! Руки перед собой! Ветер, который бил в лицо, превращался в настоящую стену перед ним, почти сбивал с ног. А сзади, по пятам, со страшным ревом двигалась лавина. Еще выше среди скал что-то затрещало, защелкало, заскрипело. В движение пришла вся эта чертова гора! Если ему и удастся убежать от этого стремительно несущегося вниз снежного кома и добраться до первых деревьев, что толку. Только в самом лесу он будет в безопасности. Снежная лавина, конечно, сметет, как спички, все ели на расстоянии первой сотни ярдов. Бонд принял решение и взял чуть левее. Просека, прорубленная для «черного» маршрута, должна быть наверняка где-нибудь здесь, ниже последнего флажка, к которому он устремился. Если ее там нет, он конченный человек!

Вот крутой спуск стал подходить к концу. Навстречу ему неслись деревья. Есть ли между ними хоть какой-то, черт возьми, просвет? Да! Но намного левее. Бонд изменил направление движения и сбавил скорость, не переставая напряженно прислушиваться к тому, как менялась амплитуда громовых раскатов позади него и над ним. Уже совсем рядом. Земля задрожала сильнее, конечно, лавина найдет дорогу и среди деревьев, она догонит его даже здесь! Есть! Есть флажок! Бонд, правое плечо вперед — «кристи», резко пошел влево и тут же услышал, как с треском стали падать деревья, звук был такой, как будто одновременно взорвали сотни гигантских хлопушек — рождественских хлопушек! Бонд бросился прямо вдоль широкой просеки между деревьями. Но он слышал, что лавина нагоняет. Треск ломаемых деревьев приближался. Первая пена белого прилива уже плескалась за спиной! Что делают, когда настигает снежная лавина? Было только одно правило. Присядь и крепко держись руками за лодыжки. Тогда, если завалит снегом, будет надежда попробовать отстегнуть лыжи и, может быть, прорыть ход на поверхность! — если конечно, в этой могиле под снегом знать, где поверхность! Если не удастся комом скатиться вниз, тогда превратитесь в сплетение лыж и палок, которые будут торчать во все стороны, в этом случае двигаться вообще не сможете. Слава богу, в конце просеки показалось открытое пространство — последние слегка пологие склоны перед финишем. Но громкий треск позади него все усиливался! Какой высоты может быть эта снежная стена? 50 футов? 100? Бонд достиг конца просеки и резко повернул — «кристи»! Последняя надежда — достичь широкого пояса деревьев внизу и молить бога, чтобы лавина не скосила их всех. Остаться на пути ревущего монстра, мчащегося за ним, было самоубийством!

Еще один «кристи» — и при развороте правая лыжа зацепилась за корень или низкий кустик; он почувствовал, что летит кубарем неизвестно куда. Он упал, сильно ударившись,хватило дух, лежал, распластавшись. Ну, теперь конец! Нет сил даже дотянуться до лодыжек! Сильнейший порыв ветра ударил в него, и Бонд оказался засыпанным снегом. Земля содрогнулась, уши забил оглушительный рев. Он пронесся над ним и сменился удаляющимся тяжелым грохотом. Бонд смахнул снег с глаз, шатаясь, встал на ноги: лыжи соскочили, очки слетели. На расстоянии одного удара по крикетному шару, просто рядом, стена снега высотой, наверное, футов двадцать величественно спускалась из леса, расстилаясь по пологим склонам. Ее более высокая передняя часть двигалась, разбрасывая вокруг огромные снежные глыбы, уже ярдах в 100 впереди и останавливаться вроде не собиралась. Но там, где стоял Бонд, теперь было тихо и спокойно, если не считать пулеметных очередей потрескивавших в лесу упавших деревьев; приняв на себя удар, они спасли его. Но треск все усиливался. Времени терять было нельзя! Бонд снял промокшую перчатку и сунул руку в карман брюк. Сейчас самое время промочить горло! Он запрокинул

голову, выпил содержимое небольшой фляжки до дна и отбросил ее в сторону. «Счастливого Рождества!» — пожелал он сам себе и защелкнул замки креплений.

Он поднялся, голова слегка кружилась, но алкоголь уже приятно согревал изнутри. Бонд двинулся правее, решив преодолеть последнюю милю пологого склона, он уходил подальше от все еще мчащейся с шумом снежной реки. Проклятье! В конце склона была натянута металлическая сетка! Придется опять выходить на прежнюю трассу, жаться ближе к фуникулеру. Вроде бы там все спокойно. Гондолы не было видно, но пение тросов не прекращалось. Неужели кабинка, направляющаяся вниз, пустилась в обратный путь к пику Глория, неужели там посчитали, что он погиб под снежной лавиной? На станции канатки внизу горел свет, перед зданием виднелся какой-то внушительных размеров черный лимузин — и больше никаких признаков жизни. Ну что ж, другого пути все равно не было, надо возвращаться на трассу. Бонд легко скользнул вниз, расслабившись, давая телу отдохнуть, восстанавливая дыхание.

Резкий звук выстрела крупнокалиберного пистолета и фонтанчик снега, поднятый ударившей рядом с ним пулей, вернул его к действительности, заставив собраться. Он резко вильнул в сторону и бросил взгляд направо, откуда был сделан выстрел. Еще одна вспышка. За ним гнался лыжник. Один из инструкторов! Конечно! Он, должно быть, поехал по «красному» маршруту. Значит, другой преследовал его по «черному» склону? Дай ему бог! Бонд стиснул зубы от злости и прибавил скорость: пригнувшись, он мчался вниз зигзагами, мешая преследовавшему его человеку как следует прицелиться. Выстрелы продолжали раздаваться. Пожалуй, они выскочат на трассу почти одновременно!

Бонд во все глаза смотрел на стремительно приближавшуюся линию финиша.

В металлической сетке открылся широкий проход, перед станцией канатной дороги была расположена большая стоянка для автомобилей, затем шла низкая насыпь, которая защищала основную железнодорожную ветку Ратишбан, шедшую к Понтресине и дальше, к перевалу Бернина. По другую сторону железнодорожных путей насыпь спускалась к дороге из Понтресины в Самаден, а до ветки на Санкт-Мориц было, по-видимому, еще мили две.

Очередной выстрел поднял снег перед ним. Шестой по счету. В любом случае у стрелка должны были кончиться патроны. Хотя что в том толку. Сил для схватки у Бонда больше не оставалось.

На железнодорожном полотне показался огромный светящийся шар, и, прежде чем он исчез за станцией канатной дороги, Бонд понял, что это шел экспресс, он даже расслышал звук работающего дизеля. Боже! Экспресс как раз поравняется со станцией канатной дороги, когда Бонд будет пересекать железнодорожное полотно! Хватит ли у него сил добежать до низкой насыпи, преодолеть ее, перескочить через путь прямо перед поездом? Это последняя надежда! Бонд энергично заработал палками, чтобы увеличить скорость. Из замеченного им раньше черного лимузина выскочил человек и присел, целясь в него. Бонд стал опять петлять из стороны в сторону, а этот тип сосредоточенно вел огонь. Но Бонд уже оказался рядом; проскакивая мимо, он со всей силой всадил в него острый, как у рапиры, конец лыжной палки и почувствовал, как она прошла через одежду. Мужчина вскрикнул и упал. Инструктор, находившийся всего в нескольких метрах сзади, что-то прокричал. Большой желтый глаз поезда высветил рельсы, и боковым зрением Бонд увидел огромный красного цвета снегоочиститель, находившийся под головным прожектором, снег от него летел в разные стороны двумя белыми крыльями. Пора! Бонд стремительно пересек стоянку, направляясь прямо к насыпи, и, как только достиг ее, с ходу воткнул палки в землю, чтобы приподняться на них и оторвать лыжи от земли; его с силой подбросило вверх. Внизу промелькнули стальные рельсы, в ушах раздался скрежет тормозов, звонкие удары металла, воздух пронзил рев

сирены — все это в каких-то метрах от него. Он упал на покрытую льдом дорожку, попытался встать, снова упал и благополучно уткнулся в огромный сугроб, возвышавшийся на противоположной стороне дорожки. Когда завершал свой полет, услышал позади себя страшный крик, звук разносимого в щепки дерева, визг тормозов поезда.

В тот же миг белая пена из-под снегоочистителя, долетавшая до Бонда, стала розовой!

Бонд стер снег с лица и, взглянув на руку, почувствовал тошноту. Боже мой! Тот, кто пытался догнать его, опоздал с прыжком или промахнулся и попал в смертоносные объятия снегоочистителя! Мясорубка! Бонд набрал горсть снега с откоса и вытер им лицо и волосы. Набрал еще снега и очистил свитер. Вдруг до него дошло, что люди в ярко освещенных вагонах над ним открывают окна. Некоторые уже спустились на железнодорожное полотно. Бонд собрался с силами и попробовал катиться по грязному льду дороги. Вдогонку ему раздавались крики — яростные крики швейцарцев. Бонд продолжал идти, вдавливая лыжи в снег, лежавший на обочине. Впереди него, в узком черном проеме дороги, перед его мысленным взором, закружились огромные красные лопасти, засасывая его в свой стальной водоворот. Близкий к беспамятству, Бонд все ближе и ближе подходил к этому манящему кровавому водовороту.

Бонд с трудом держался на ногах, лицо его было серым, двигался он словно по инерции, а еще предстояло пройти около двух миль, спустившись из оставшегося позади коварного Ланглауфа к гладким склонам Самадена. Один из проезжавших мимо автомобилей, гремя цепями на колесах, вынудил его отступить к снежному сугробу. Он на мгновение прислонился к мягкой поверхности, дыхание его было похоже на вырывавшиеся из груди рыдания. Он снова заставил себя двигаться вперед. Он уже далеко ушел, это у него неплохо получается! Лишь несколько сотен ярдов отделяло его от огней прекрасного, беспорядочно раскинувшегося крошечного рая, там люди, там приют! Стройная колокольня деревенской церкви была залита светом, другое большое светлое пятно образовывала группа искрящихся приветливыми огоньками домов. В неподвижном морозном воздухе раздавалась мелодия вальса. Каток! Бал на катке в честь Рождества. Это было как раз то, что надо! Толпа! Веселье! Суматоха! Затеряться так, чтобы ускользнуть от двойной погони, которую к этому времени должны были организовать за ним и СПЕКТР; и швейцарская полиция, полицейские и гангстеры рука об руку!

Лыжи Бонда уперлись о конский навоз, наверняка здесь проехали сани с гуляющими. Он пошатнулся, как пьяный, и едва не упал в сугроб около дороги, но выпрямился, еле слышно выругавшись. Вперед! Возьми себя в руки! Подтянись! Уж совсем прилично выглядеть не обязательно. В конце концов — канун Рождества. А вон и ближайшие дома. Слышны звуки аккордеона; легкая музыка, вызывающая ностальгию, доносилась из гостиницы с красивой железной вывеской над дверью. "Вот показался извилистый подъем — дорога на Санкт-Мориц. Бонд стал с трудом преодолевать подъем, осторожно ставя палки. Он провел рукой по своим спутанным волосам и сдернул мокрый от пота носовой платок на шею, подсунув его концы под воротник рубашки. Волны музыки накатывались на него, пространство катка струилось светом. Бонд заставил себя выпрямиться. Здесь скопилось много машин, лыжи были воткнуты в сугробы, стояли тобоганы и санки, висели гирлянды серпантина, перед входом — огромное объявление на трех языках: «Большой рождественский бал! Маскарад! Всего 2 франка! Приведите с собой всех друзей! Ура!»

Бонд воткнул палки, наклонился, чтобы расстегнуть крепления. И упал на бок. Если бы только он мог просто полежать так, уснуть на твердом утоптанном снегу, который казался ему лебяжьим пухом! Он тихо застонал и с трудом сел. Крепления

здорово замерзли, покрылись толстым слоем льда, так же, как и ботинки. Он взял палку и попытался сколоть лед с металла. Наконец застежки расстегнулись и ремни слетели. Куда положить это чертово снаряжение, спрятать яркие красные метки? Он поволок их по протоптанной тропинке к входу, освещенному разноцветными огнями, сунул лыжи и палки под какой-то большой автомобиль и пошел, пошатываясь дальше. Человек у столика, где продавали билеты, был, кажется, пьян. Он поднял на него мутные глаза.

— Два франка, — произнес он на трех языках, немецком, английском и французском. Вся фраза слилась в одно слово-гибрид. Бонд ухватился за стол, положил монеты и взял билет. Человек уставился на Бонда. — Маскарад, бал, все в костюмах. — Он полез в коробку, стоявшую рядом с ним, и бросил на стол черно-белую маску-домино. — Один франк. — Он криво улыбнулся. — И теперь вы — самый что ни на есть гангстер, тайный агент. Договорились?

— Конечно, — Бонд заплатил франк и надел маску. Он с трудом отпустил стол и стал пробираться к входу. Вокруг большого квадратного катка поднимались ряды деревянных скамеек. Слава богу, можно сесть! В нижнем ряду рядом с проходом было свободное место. Бонд, споткнувшись о деревянные ступени, плюхнулся на скамью. Он попробовал сесть как следует.

— Прошу прощения, — произнес он затем, и голова его упала на руки.

Девушка, сидевшая рядом с ним в группе ковбоев, клоунов и пиратов, одернула свою украшенную блестками юбку и что-то прошептала на ухо соседу. Бонду было все равно. Не вышвырнут же они его в такую ночь. Из громкоговорителей доносились рыдания скрипок, исполняли «Вальс на катке». Откуда-то сверху раздался голос церемониймейстера: «Последний танец, дамы и господа. А потом все на лед, все в круг, все участвуют в финальной части нашего праздника. До полуночи осталось десять минут! Последний танец, дамы и господа! Последний танец!» Раздались аплодисменты. Люди весело смеялись.

«Боже милостивый! Только этого не хватало! — успел подумать Бонд. — Неужели нельзя оставить меня в покое?» — И он заснул.

Прошло, как показалось Бонду, несколько часов, когда он почувствовал, как кто-то трясет его за плечо.

— На лед, сэр. Пожалуйста. Все на лед для заключительного танца. Осталась одна минута.

Рядом с ним стоял мужчина в фиолетовой с красным униформе, он нетерпеливо поглядывал вниз.

— Уйдите, — сказал Бонд тупо.

И тут какой-то внутренний голос подсказал ему, что следует избегать скандалов, не обращать на себя внимания. Он еле-еле поднялся на ноги и сделал несколько шагов к катку, с трудом удерживаясь на ногах. Голова у него была опущена, как у раненого быка, и он поводил ею слева направо, вот он заметил разрыв в хороводе, кружившемся вокруг катка, и осторожно проскользнул туда. Кто-то протянул ему руку, и он благодарно ухватился за нее. С другой стороны к нему тоже пытались прицепиться. А потом произошло нечто неожиданное. Прямо с противоположного конца катка рванулась навстречу ему женщина в короткой черной юбочке и ярко-розовой, отороченной мехом куртке, она стрелой пересекла каток и резко остановилась перед Бондом. Бонд почувствовал, как льдинки ударили по ногам. Он поднял глаза. Лицо показалось знакомым — эти сверкающие голубые глаза, горделивое выражение лица, сейчас несколько скрытое золотистым загаром, и ослепительная волнующая улыбка. Кто же это, черт побери?

Девушка протиснулась и встала рядом с ним, схватила его правую руку, потом обе руки.

— Джеймс, — взволнованно прошептала она. — О, Джеймс это я! Трейси! Что с

тобой? Откуда ты взялся?

— Трейси, — сказал Бонд тупо. — Трейси, держи меня покрепче. Мне плохо. Потом все расскажу.

Заиграла старая рождественская мелодия, и все, продолжая держаться за руки, стали покачиваться из стороны в сторону в такт музыке.

18. На развилке налево — и в преисподнюю

Бонд не понимал, что его удерживает на ногах, но наконец-то все кончилось, похлопав в ладоши, хоровод разбился на пары и группы.

Трейси взяла его под руку. Бонд собрался с последними силами.

— Смешаемся с толпой, Трейси, — хрипло произнес он. — Надо исчезнуть отсюда. За мной погоня. — Вдруг в нем вспыхнула надежда. — Твоя машина здесь?

— Да, дорогой. Все будет хорошо. Просто держись за меня. Тебя ждут на выходе?

— Может быть. Остерегайся большого черного «Мерседеса». Оттуда могут стрелять. Лучше держись от меня подальше. Я справлюсь сам. Где твоя машина?

— У дороги, с правой стороны. Но не глупи. Послушай-ка, у меня есть идея. Ты наденешь эту куртку. — Она расстегнула молнию и сняла парку. — Чуть маловата, но ничего. Так, просовывай руку в рукав.

— Но ты же замерзнешь.

— Делай, как тебе говорят. На мне свитер и полно всего под ним. Так, теперь другую руку. Вот и хорошо. — Она застегнула молнию. — Джеймс, дорогой, ты выглядишь великолепно.

От меха куртки пахло духами «Ода» от Гуэрлейна. Запах напомнил ему их встречу в Руайале. Какая женщина! Мысль о ней, о том, что у него есть союзник, что он больше не один, что он далеко от этой проклятой горы, вернула Бонда к жизни. Он держал ее за руку и пробирался вслед за ней через толпу, которая теперь устремила к выходу. Здесь могут быть неприятности! Спустился или нет тот фуникулер вниз, но у Блофелда было достаточно времени, чтобы отправить сюда еще один, набитый до отказа людьми СПЕКТРА. Бонда видели из поезда, все знают, что он направился в сторону Самадена. Они уже успели оцепить железнодорожную станцию. И конечно, понимают, что он попытается затеряться в толпе. Может быть, его запомнил тот пьяница при входе. А как только тронется с места машина, под которой он спрятал лыжи, по красным меткам на снаряжении наверняка выйдут на его след. Бонд выпустил руку Трейси и опять надел свой «Ролекс» так, что циферблат оказался на костяшках пальцев. Благодаря Трейси он немного восстановил силы, он еще сможет доставить им массу хлопот!

Она взглянула на него.

— Что ты делаешь? Он опять взял ее за руку.

— Ничего.

Они подходили к выходу. Бонд внимательно смотрел через щелки маски. Так и есть! Двое головорезов стояли рядом с билетером и прощупывали взглядом каждого проходящего. На противоположной сторону дороги — черный «Мерседес», из выхлопной трубы струится дым. Просто так не прорваться. Значит, надо что-то придумать. Бонд обнял Трейси и прошептал ей на ухо:

— Целуй меня все время, пока мы будем идти мимо столика билетера. Они там, но, я думаю, мы сможем их провести.

Она положила руку ему на плечо и прижалась к нему.

— Как ты догадался, я только об этом и мечтаю. — Она впилась губами в его губы, и в толпе смеющихся, поющих людей они выскользнули на улицу.

Оглянулись, все еще не отрываясь друг от друга, и пошли по дороге. Вот она,

милая белая крошка, их машина!

И в этот момент «Мерседес» настойчиво засигналил. Походка Бонда, а может, его старомодные лыжные брюки были замечены — человек в «Мерседесе» узнал его!

— Быстрее, дорогая, — сказал Бонд нетерпеливо.

Девушка бросилась в машину, вставила ключ зажигания, Бонд вскочил с другой стороны — поехали! Он оглянулся. Через заднее стекло увидел двух мужчин, стоящих на дороге. Они не станут стрелять, пока вокруг так много свидетелей. Ага, побежали к «Мерседесу». Слава богу, «Мерседес» стоял передом к горе, по направлению к Санкт-Морицу. А Трейси в этот момент уже преодолела крутой поворот, и они помчались по основной дороге, проходящей через деревушку, по которой всего лишь полчаса назад, пошатываясь, шел Бонд.

Пока они развернутся и бросятся в погоню, пройдет не меньше пяти минут. Трейси вела машину с бешеной скоростью, но на дороге было интенсивное движение — сани с бубенцами, полные закутанных в меха туристов, возвращались назад в Понтресину, попадались и случайные автомобили с громящими на колесах цепями. Она все время шла на тормозах, непрерывно сигналила, тот самый сигнал с переливами, который Бонд помнил так хорошо, хотя он и звучал диссонансом.

— Ты ангел-спаситель, Трейси, — сказал Бонд. — Но полегче на поворотах. Не хотелось бы оказаться в кювете.

Она взглянула на него и рассмеялась от всего сердца.

— Кажется, тебе полегчало. Но совсем не вижу выражения твоего лица. Сними эту дурацкую маску и мою куртку. Через минуту в машине станет жарко — запаришься. К тому же хочу видеть тебя таким, каким помню. А ты мной доволен?

Жизнь вновь возвращалась к Бонду. В этом крошечном автомобиле просто сказочно, особенно с Трейси, она восхитительна. Он уже почти не вспоминал о том ужасном спуске с горы, обо всем, что пришлось пережить. Опять появилась надежда, пришла на смену ужасу и отчаянию. Он почувствовал, как тело расслабилось.

— Я скажу, что доволен тобой, — сказал он, — когда доберемся до Цюриха. Можно на тебя рассчитывать? Лучшего времяпрепровождения в рождественскую ночь и не пожелаешь. — Он открыл окно и выбросил маску, снял куртку и накинул ей на плечи. Появился большой указатель — дорога спускалась в долину. — Здесь налево, Трейси, — сказал он. — На Филизюр, а потом на Куар.

Она повернула, по мнению Бонда, слишком круто. Вновь сделала вираж, из которого, он был готов поклясться, они могли не выйти. Но даже на грязном льду дороги она вполне владела ситуацией, сумела вывернуть руль, удержать его и беспечно поехала дальше.

— Ради бога, Трейси, — сказал он, — и как это только тебе удастся? Ведь даже цепей на колеса не надела.

Она засмеялась, довольная тем, что в его голосе прозвучали страх и восторг.

— Шины, специально изготовленные для ралли «Данлоп». Партию делали на заказ — только для гонщиков, но мне удалось перехватить несколько штук. Не волнуйся. Расслабься и получи удовольствие.

В ее голосе появились какие-то совсем новые нотки, она — счастлива, и это чувствовалось по голосу; ничего подобного тогда в Руайале нельзя было и предположить. Бонд повернулся и впервые внимательно посмотрел на Трейси. Да, это была совсем другая женщина, пышущая здоровьем, озаренная каким-то внутренним светом. Распущенные светлые волосы задорно переливались, а полуоткрытые красивые губы, казалось, все время были готовы растянуться в улыбке.

— Доволен?

— Выглядишь ты просто великолепно. Но, ради бога, скажи мне, как ты

оказалась в Самадене? Это просто чудо какое-то. Ты спасла мне жизнь.

— Ладно-ладно. Лучше ты мне скажи, в чем дело. Никогда не видела, чтобы человек до такой степени не стоял на ногах. Я глазам своим не поверила. Я подумала, что ты пьян в стельку. — Она бросила на него взгляд. — Выглядишь все еще неважно. Включу-ка я вентилятор, — она склонилась к приборной доске, — он взбодрит тебя. — Она выдержала паузу. — Со мной все очень просто. В один прекрасный день из Марселя мне позвонил папа, просто так, поинтересоваться, как я там. Он спросил, видела ли я тебя, и, по-моему, был страшно недоволен, когда я сказала, что мы не виделись. Практически он приказал мне поехать и разыскать тебя. — Она взглянула на него. — Знаешь, он очень привязался к тебе. Как бы то ни было, он разыскал адрес человека, которого ты ищешь. Он сказал, что уверен, что и ты тоже уже знаешь этот адрес. Он сказал, что, зная тебя, не сомневается — искать надо где-то здесь неподалеку. Он говорил о клубе «Глория». Он велел мне сказать тебе, если мы встретимся, чтобы ты вел себя поосторожнее, не зарывался. — Она засмеялась. — И он оказался прав! Словом, я уехала из Давоса, где меня действительно поставили на ноги, как ты и говорил, и только позавчера оказалась в Самадене. Канатная дорога вчера не работала, и я собиралась добраться туда сегодня, собиралась поискать тебя там. Вот как все просто. А теперь ты рассказывай.

Они продолжали ехать на вполне приличной скорости, дорога, петляя, шла в долину по наклонной. Бонд повернулся и посмотрел в заднее окно. Еле слышно выругался. Примерно на расстоянии мили от них он увидел спаренные фары, они шли следом.

— Я знаю, — сказала Трейси. — Вижу их в зеркало. Кажется, они начинают настигать. Должно быть, у них очень хороший водитель, отлично знающий дорогу. Может, и цепи на колесах. Но все-таки я соблюдаю дистанцию. Ладно, продолжай. Так что случилось?

Бонд вкратце изложил ей суть дела. Там, в горах, под вымышленным именем живет очень крупный гангстер. В Англии его разыскивает полиция. У Бонда были кое-какие связи с полицией, с министерством обороны. (Она фыркнула: «Только не пытайся дурачить меня. Я знаю, что ты из Секретной службы. Отец мне сказал». Бонд как отрезал: «Отец говорит чепуху». Она понимающе засмеялась.) В общем, продолжал Бонд, его отправили, чтобы убедиться, тот ли это человек, которого разыскивали. Бонд убедился в этом. Но попал под подозрение, и ему пришлось уносить ноги. Он подробно рассказал ей об ужасной лунной ночи в горах, о лавине, рассказал о человеке, который попал под поезд и погиб, о том, как он добрался до Самадена в полном изнеможении, как пытался скрыться в толпе на катке.

— А потом, — закончил он, запинаясь, — вдруг появилась ты, как прекрасный ангел на коньках, и вот мы здесь.

Она задумалась на минуту.

— А теперь, Джеймс, дорогуша, — сказала она спокойно, — скажи-ка мне, сколько из них ты укокошил. И говори только правду.

— А в чем дело?

— Мне просто очень хочется знать.

— Ты обещаешь, что это останется между нами?

— Конечно, — загадочно произнесла она. — С этого момента вообще все только между нами.

— Ну, хорошо. В этом так называемом клубе был главный инструктор. С ним пришлось покончить, в противном случае меня уже не было бы в живых. Еще один, я полагаю, погиб под снежной лавиной. Потом, уже у подножия горы, один из них стрелял в меня, пришлось проколоть его лыжной палкой, в целях самообороны. Не знаю, серьезно ли его ранил. Потом еще этот, что попал под поезд. Он сделал в меня шесть выстрелов. В любом случае — сам виноват. Ну, скажем так, три с половиной из

них так или иначе погибли.

— А сколько осталось?

— К чему ты клонишь?

— Просто хочу знать. Ты можешь мне доверять.

— Ну, я думаю, всего их там около 15. Таким образом, остается 11 с половиной плюс их босс.

— И трое в машине, что преследуют нас? Они нас убьют, если поймают?

— Боюсь, что да. У меня нет никакого оружия. Извини, Трейси, но, боюсь, что и у тебя нет шансов, ты — свидетель и в какой-то степени моя соучастница. Эти люди полагают, что я могу испортить им всю обедню.

— А так оно и есть?

— Да, теперь им от меня никуда не деться.

— Ну что ж, у меня есть для тебя неприятные новости. Они нас догоняют, а в баке осталось лишь два галлона бензина. В Филизюре должны остановиться. Все колонки будут закрыты, значит, надо кого-то будить. Не думаю, что сможем управиться за десять минут, тут они нас и поймают. Придется тебе придумать что-нибудь эдакое.

Впереди показалось ущелье и зигзагообразный поворот над мостом. Они как раз выходили из крутого виража. Фары чужого автомобиля ярко светили им вослед. Между двумя машинами было всего полмили, но расстояние по прямой, через ущелье, составляло, вероятно, только 300 ярдов. Бонд не удивился, когда увидел знакомые голубые вспышки: стреляли с переднего сиденья машины. Осколки гранита нависшей над дорогой скалы посыпались на капот их машины. Они вошли во второй вираж и оказались вне поля зрения преследователей.

Перед ними был участок дороги, где после оползня велись восстановительные работы. Висел огромный предупреждающий плакат: «Внимание! Строительные работы! Тихий ход!» Поврежденная дорога находилась с правой стороны горы. Слева было поставлено хрупкое ограждение, а за ним — обрыв в сотню футов глубиной, внизу узкое ущелье и река с плавающими на ней льдинами. На середине этого участка стояла огромная красная стрела, выполненная из дерева и указывающая прямо на узкий проход через временный мост.

— Стой! — вдруг заорал Бонд.

Трейси остановилась, передние колеса уже находились на мосту. Бонд распахнул дверцу.

— Езжай! Жди меня за следующим поворотом. Это наш единственный шанс.

Молодчина! Она уехала, не сказав ни слова. Бонд пробежал несколько ярдов назад к красной стреле. Она стояла на двух распорках. Бонд сместил стрелу, повернул ее так, чтобы она указывала налево, в сторону хлипкого ограждения, которое закрывало несколько ярдов дороги, ведущей к рухнувшему мосту. Бонд повалил ограждение, выдернул колышки, державшие его. Яркие фары вынырнули из-за угла. Он перебежал объездную дорогу и спрятался в тени горы, вжался в нее, стал ждать, затаив дыхание.

«Мерседес» ехал быстрее, чем следовало по таким ухабам, цепи на колесах громыхали под крыльями. Он двинулся прямо к черному провалу, куда теперь указывала стрела. Перед Бондом промелькнули бледные напряженные лица, и затем он услышал отчаянный визг тормозов — водитель увидел перед собой пропасть. «Мерседесу» почти удалось остановиться, но передние колеса уже выскочили за край обрыва, машина повисла на брюхе, покачалась на нем и потом медленно, очень медленно опрокинулась; раздался первый устрашающей силы удар, когда она рухнула на старые опоры моста. Затем последовало два новых удара подряд. Бонд побежал вперед, мимо упавшей стрелы, и заглянул вниз. Машина еще летела вверх колесами. Она опять задела скалу, брызнул фонтан искр. Затем, кувыркаясь, с

почему-то все еще горящими фарами, машина упала на дно ущелья. Она ударилась о каменный берег реки, фары погасли, перевернулась на бок, лунный свет отразился в металле, и погрузилась в подернутую льдом реку. Эхо с грохотом прокатилось по ущелью, затем последовал дробный стук камнепада. И — тишина под полной луной.

Бонд выдохнул с тихим свистом, пропустив воздух через сжатые зубы. Потом, чисто механически, он все привел в порядок, поставил остатки ограды, поднял стрелу и опять повернул ее вправо. Затем вытер вспотевшие руки о брючины и вошел нетвердым шагом по дороге, повернул за поворот.

Крошечный белый автомобиль стоял у обочины с выключенными фарами. Бонд открыл дверцу и тяжело опустился на сиденье. Трейси не произнесла ни слова, машина тронулась с места. Показались огни Филизюра, там внизу, в долине, огни были теплые и желтые. Она дотронулась до его руки, крепко сжала пальцы.

— Пожалуй, на сегодня уже хватит. Поспи. Я довезу тебя до Цюриха. Пожалуйста, не спорь, делай, что я говорю.

Бонд ничего не сказал. Он слабо ответил на ее пожатие, склонил голову и мгновенно заснул. Можно было считать до десяти — нокаут.

19. Любовь на завтрак

В это раннее серое утро Цюрихский аэропорт выглядел уныло и был почти безлюден, но, к счастью, на летном поле стояла «Каравелла» компании «Свиссэр» — вылет задержали из-за тумана в Лондоне, куда должен был лететь самолет. Бонд оставил Трейси в ресторане и, с сожалением расставшись с запахом кофе и яичницы, пошел покупать билет. Сонный клерк поставил ему штамп в паспорте. (Бонд был почти уверен, что его задержат, но этого не произошло). После этого Бонд направился к телефонной будке и закрыл за собой дверь. Он нашел в телефонной книге компанию «Юниверсал экспорт» и, как и ожидал, прочитал внизу: «Главный представитель Александр Мюир. Частная квартира» — и номер. Через стеклянную дверь он взглянул на часы в зале вылета. 6 утра. Ну что ж, придется побеспокоить господина Мюира.

Он набрал номер.

— Да, Мюир слушает, — ответил через несколько минут сонный голос.

— Извините, 410, говорит 007, — сказал Бонд. — Я звоню из аэропорта. Дело не терпит отлагательства, хотя я понимаю, что аппарат могут прослушивать. У вас есть под рукой бумага и карандаш?

На другом конце провода как будто проснулись.

— Одну минуту, 007. Да, есть. Слушаю.

— Прежде всего, у меня плохие новости. Ваш номер 2 накрылся. Почти наверняка. Не могу говорить об этом по телефону, я вылетаю в Лондон примерно через час — «Свиссэр», рейс 110, — все подробности надлежащим образом сразу по прибытии. Сможете передать это по телетайпу? Хорошо. Дальше. Я полагаю, что в ближайшие день-два группа из десяти девушек, англичанок, прибудет сюда на вертолете из Энгадина. Вертолет «Жаворонок» — компании «Сюд авиасьон». Из Лондона я передам по телетайпу их имена сегодня. Держу пари, что они полетят в Англию, может быть, разными рейсами и, вероятно, не только в Лондон, проверьте другие аэропорты — Престуик в Шотландии и Гатуик к югу от Лондона, если только отсюда есть туда рейсы. Как бы то ни было, я думаю, их рассредоточат. Дальше. Полагаю, что Лондон обязательно должен знать номера их рейсов и расчетное время прибытия. Это большая работа, но через несколько часов я получу для вас разрешение использовать людей из Берна и Женевы. Понятно? Хорошо. Теперь — я совершенно уверен, что вы засвечены. Помните операцию «Бедлам», которую недавно отменили? Так вот, это он, и у него есть радио, и он наверняка догадывается,

что я попытаюсь связаться с вами сегодня утром. Посмотрите в окно, думаю, что за домом уже следят. Не сомневаюсь, что в Цюрихе у него есть свои люди.

— Господи, ну и дела! — Голос на другом конце провода звенел от напряжения. — Не вешайте трубку. — Наступила пауза. Бонд представил себе, как Мюир, которого он лично не знал, ему был известен только номер, подходит к окну, осторожно отодвигает в сторону штору. Мюир снова взял трубку. — Похоже, что так оно и есть. На противоположной стороне стоит черный «Порше». В нем два человека. Сейчас попрошу своих друзей в службе безопасности шугануть их.

— Будьте осторожны, не наделайте глупостей, — сказал Бонд. — По-моему, человек, о котором я говорю, поддерживает с местной полицией очень хорошие отношения. В любом случае передайте все по телексу лично М., хорошо? Шифровкой конечно. И скажите ему, если останусь цел, должен видеть его сегодня вместе с 501 (это главный консультант Службы по науке) и, если возможно, с кем-нибудь из таких же ученых мужей в министерстве сельского хозяйства и рыболовства. Звучит бессмысленно, но все так. Это, конечно, испортит им встречу Рождества, но ничего не могу поделать, обойдутся без пирогов и хлопушек. Сумеете все это передать? Ну вот и молодчага. Вопросы есть?

— Вы уверены, что мне не следует приезжать в аэропорт, хотя бы услышать от вас о номере 2? Он отслеживал одного из «красных». Тот малый скупал кое-какие странные товары у местного представителя фирмы «Бадиш анилин». Номеру 2 это казалось подозрительным. О чем шла речь, не успел мне сказать. Сначала хотел установить, для кого весь этот товар.

— Нет, на болтовню времени нет. Встречаться со мною не надо, это лишнее. К тому же за мною идут по пятам, а когда через некоторое время найдут на дне некоего ущелья черный «Мерседес», и вовсе взбесятся. Я вешаю трубку. Извините, что испортил вам Рождество. Пока.

Бонд повесил трубку и поднялся в ресторан. Трейси не спускала глаз с двери. Лицо ее посветлело, когда она увидела его. Он сел рядом с ней и взял ее за руку. Типичная сцена прощания в аэропорту. Он заказал большую порцию яичницы и кофе.

— Все в порядке, Трейси. Я уладил свои дела. Теперь о тебе. Эта машина, на которой мы приехали, она может быть источником неприятностей. Найдутся люди, которые видели, как ты удирала от «Мерседеса». Такие всегда найдутся, даже в канун Рождества. А у этого крупняка, что засел на вершине горы, всюду свои люди, и здесь тоже. Давай-ка заканчивай завтрак и перебирайся через границу. Какая отсюда ближе всего?

— Наверное, лучше отправиться через Шафхаузен или Констанцу, но, — в голосе послышалась мольба, — Джеймс, должны ли мы расставаться? Я так долго ждала тебя. И я совсем поправилась, ты ведь хотел этого? За что ты наказываешь меня? — Слезы, которых бы он не дождался, когда они были в Руайале, заблестели у нее в глазах. Она сердито смахнула их тыльной стороной ладони.

Вдруг Бонда осенило. Черт побери! Другой такой женщины ему не найти! У нее есть все, что он всегда искал в женщине. Она прекрасна — и в постели, и вообще. В ней есть дух авантюризма, она смела, находчива. Она постоянно волнует. Кажется, она любит его. Она не станет вмешиваться в его жизнь. Она одинока, рядом нет толпы друзей, родственников, ее ничто не связывает. Кроме того, он ей нужен. Она станет о нем заботиться. Он сыт по горло всеми этими случайными связями, в чем время от времени приходится раскаиваться. И он ничего не имел бы против детей. И она прекрасно чувствует себя в любом обществе, а его это и вовсе не заботит. Словом, они подходят друг другу. Так почему бы не соединить свои судьбы?

Бонд вдруг услышал, как он произнес слова, которых никогда раньше не произносил, он даже не думал, что может их произнести.

— Трейси, я люблю тебя. Выходи за меня замуж!

Она побледнела. Она посмотрела на него. У нее дрожали губы.

— Ты действительно предлагаешь мне это?

— Да, именно это. И говорю от всего сердца.

Она отняла руку и закрыла лицо. Когда открыла его — улыбалась.

— Прости меня, Джеймс. Я так давно об этом мечтала. А случилось все так неожиданно. Конечно, я выйду за тебя замуж. Я буду умницей, обещаю — никаких семейных сцен. Просто поцелуй меня один раз, и я пойду. — Ее взгляд стал сосредоточенным, она словно старалась запечатлеть в памяти каждую его черточку. Потом она наклонилась к нему, и они поцеловались. Она быстро поднялась. — Я думаю, мне придется к этому привыкнуть. Я поеду в Мюнхен. Гостиница «Вир Ярезитен», мне она очень нравится. Там и буду ждать тебя. Там меня знают. Там меня разместят безо всякого багажа. Все вещи остались в Самадене. Мне понадобится только зубная щетка, два дня отлежусь в постели, только потом буду в состоянии выйти за покупками. Позвонишь мне? Поболтаем немного, а? Когда мы сможем пожениться? Я должна сказать отцу. Он ужасно обрадуется.

— Давай поженемся в Мюнхене. В консульстве. У меня что-то вроде дипломатической неприкосновенности. Бумаги нам выправят быстро. А потом обвенчаемся в английской церкви, или лучше в шотландской. Я родом из Шотландии. Я позвоню тебе сегодня вечером и завтра. Я приеду к тебе, как только смогу. Только сначала надо закончить это дело.

— Обещай, что будешь беречь себя.

Бонд улыбнулся:

— Раньше и не подумал бы. Но теперь, если станут стрелять, постараюсь смыться.

— Вот и хорошо. — Она опять внимательно посмотрела на него. — Пора бы уж снять этот красный платок. Ты хоть знаешь, что от него почти ничего не осталось? Дай-ка мне, я приведу его в порядок.

Бонд снял с шеи красный шелковый платок. Он почернел от пота и был похож на тряпку. Она права. Два конца платка изодраны в клочья. Должно быть, он брал их в зубы и жевал, когда спускаться с горы становилось невмоготу. Хотя он этого совсем не помнил. Он отдал ей платок.

Она взяла его и, не оглядываясь, вышла из ресторана и спустилась по лестнице к выходу.

Бонд сел. Ему принесли завтрак, и он стал механически есть. Что он наделал! Что, черт побери, он наделал! Чувствовал лишь одно — необыкновенную теплоту, легкость и волнение. Джеймс и Трейси Бонд! Коммандер и миссис Бонд! Звучит очень странно и замечательно!

По радио объявили: «Внимание. Пассажиров, следующих в Лондон рейсом № 110 компании „Свиссэр“, просят пройти на посадку, выход № 2».

Бонд загасил сигарету, оглядел место их свидания, чтобы запечатлеть его в памяти, и пошел к двери, оставив здесь, вместе с недоеденным в аэропорту завтраком, все эпизоды своей прошлой жизни.

20. С М. на одной ноге

В самолете Бонд спал, ему приснился ужасный сон. Он увидел себя в холле какого-то очень большого особняка, вероятно посольства. Широкая лестница, освещенная ярко блестящей люстрой, вела наверх, где у дверей гостиной, откуда раздавались голоса множества гостей, стоял дворецкий. Бонд держал под руку одетую в атлас Трейси. Она была усыпана бриллиантами, ее золотистые волосы величественно собраны в одно из тех причудливых сооружений, которые можно увидеть в рекламных проспектах модных парикмахерских салонов. Вершину этого

сооружения украшала ослепительная сверкающая бриллиантовая тиара. На Бонде был фрак (откуда, к черту, он у него взялся?), стоячий воротничок рубашки врезался в подбородок. На груди — медали, а на шее, ниже белого галстука, на ленте малинового и голубого цветов висел знак кавалера ордена св. Михаила и св. Георгия 3-й степени. Трейси что-то щебетала, веселая, возбужденная, — впереди такой великолепный вечер. Бонда же эта перспектива не радовала, внутренне он чертыхался. Лучше бы сейчас очутиться в каком-нибудь злачном месте и сыграть по-крупному в бридж. Они поднялись наверх, и он сообщил свое имя дворецкому.

— Коммандер Джеймс Бонд и миссис Бонд! — провозгласил тот громоподобным голосом. У Бонда возникло ощущение, что элегантная толпа, находившаяся в белой, отделанной золотом гостиной, внезапно онемела.

Он проследовал за Трейси через парадные двойные двери. Трейси затарахтела на французском, обмениваясь ничего не значащими светскими поцелуйчиками с присутствующими дамами. Самый сочный поцелуй, почти в губы, достался хозяйке дома, Трейси потащила Бонда вперед. "А это Джеймс. Не правда ли, он очарователен, а какая красивая медаль на шее? Все равно как на старой рекламе сигарет «Де Рецке!»

— Пристегните, пожалуйста, ремни. И погасите сигареты.

Бонд проснулся весь в поту. Боже милостивый! Что он натворил! Но нет! Все будет не так. Определенно не так. Он не бросит свою тяжелую, полную приключений работу, просто дома теперь его будет ждать Трейси. А не мала ли станет его квартира в Челси? Может быть, снять и верхний этаж? А что делать с Мэй — его шотландским сокровищем? Будет сложно. Придется как-нибудь уговорить ее остаться.

«Каравелла» коснулась взлетной полосы. Послышался рев моторе", и затем они покатались под морозящим дождем по дорожке аэродрома. Внезапно Бонд вспомнил, что у него нет багажа, что он может идти прямо на паспортный контроль, а потом сразу домой, где снимет с себя это нелепое лыжное одеяние, все пропахшее потом. Интересно, пришлют ли за ним машину? Машина была. С мисс Мэри Гуднайт, сидящей рядом с водителем.

— Боже мой, Мэри, забавно же мы справляем Рождество! Разве это входит в рамки твоих служебных обязанностей? Давай-ка перебирайся ко мне на заднее сиденье и расскажи, почему не занялась сливовым пудингом, почему не пошла в церковь, в чем дело?

Она пересела на заднее сиденье. Бонд последовал за ней.

— По-моему, ты совсем не разбираешься в том, что готовят на Рождество, — сказала она. — Сливовые пудинги делаются по крайней мере за два месяца до этого, им дают отстояться, вызреть. А в церковь до одиннадцати часов не ходят. — Она взглянула на него. — Вообще-то я приехала посмотреть, как ты выглядишь. Кажется, опять попал в переделку. Здорово же тебя потрепало. Расческа хоть есть? И не брит. Ну прямо — пират. Фи, — она сморщила нос, — когда ты последний раз принимал ванну? Удивляюсь, как тебя выпустили из аэропорта. Нужно было поместить в карантин.

Бонд рассмеялся:

— Зимний спорт поглощает много энергии. Все эти снежки, катание на санках. А вообще-то вчера вечером я был на предрождественском маскараде. Задержался там до петухов.

— В этих огромных уродливых ботинках! Не верю.

— Да ну тебя, в самом деле. Это было на катке. Я серьезно, Мэри. В чем дело? И почему такой прием по высшему разряду?

— М. распорядился. Тебе сначала нужно отметить в штаб-квартире, а затем он приглашает на обед — к себе на «ют». Затем после обеда к нему придут те люди,

с которыми ты хотел побеседовать. Все весьма срочно. Поэтому я и подумала, что мне лучше быть рядом. А так как ты испортил Рождество многим людям, мне пришлось, как и другим, отказаться от празднования. А вообще, если хочешь знать, я Уже отпраздновала Рождество со своей тетей. И ненавижу я индейку и сливовый пудинг. Во всяком случае, я просто не хотела пропустить такое развлечение и, когда час назад дежурный офицер нашел меня и сказал, что объявлен общий сбор, попросила по дороге в аэропорт захватить и меня.

— Очень мило с твоей стороны, — серьезно сказал Бонд. — Нам придется, не откладывая в долгий ящик, подготовить отчет — на основе разрозненных фактов. Потом надо задействовать лабораторию. Там кто-нибудь есть?

— Конечно. Должны быть. Знаешь, М. настоял, чтобы в каждом отделе, невзирая на Рождество или еще что, дежурило необходимое число сотрудников. А если серьезно, Джеймс, действительно пришлось нелегко? Выглядишь просто ужасно.

— Да, досталось. Когда начну диктовать, поймешь. — Машина остановилась у входа в квартиру Бонда. — Теперь будь так добра, расшевели Мэй, пока я буду приводить себя в порядок и сброшу с себя эту чертову одежду. Заставь ее сварить мне много черного кофе и добавить в кофейник пару стаканчиков самого лучшего виски. Попроси у Мэй все, что захочешь. У нее может даже быть сливовый пудинг. Сейчас 9:30. Будь паинькой, позвони дежурному офицеру и скажи, что я выполню приказание М. и к 10:30 буду в его распоряжении. И попроси его предупредить лабораторию, чтобы через полчаса были наготове. — Бонд вытащил из заднего кармана свой паспорт. — Вот это передай водителю, скажи, чтобы он пулей доставил паспорт лично дежурному офицеру. Передай дежурному, — Бонд загнул уголок одной страницы, — чтобы он проинформировал лабораторию о том, что чернила, э-э, как бы это сказать, домашнего изготовления. Их нужно нагреть. Они поймут. Ясно? Молодчина. Теперь пойдем, постараемся расшевелить Мэй. — Бонд поднялся по ступенькам и позвонил. Два коротких и один длинный звонок.

Когда почти в 10:30 — на несколько минут он все-таки задержался — Бонд подошел к своему столу, чувствуя себя теперь почти человеком, он обнаружил там папку с красной звездой в верхнем правом углу что означало «Совершенно секретно». В папке лежал его паспорт и дюжина фотокопий увеличенной страницы под номером 21. Список с фамилиями девушек выглядел блекло, но читать было можно. Кроме того, в папке лежала записка с пометкой «Лично». Бонд развернул ее и рассмеялся. Все коротко и ясно: «В чернилах избыток мочевины, что, как правило, свидетельствует о наличии избыточного количества алкоголя в крови. Минздрав предупреждает!» Подписи не было. Рождественское настроение прокралось даже в этот уголок одного из самых секретных отделов, оно прокралось в здание штаб-квартиры — Бонд смял бумажку, а затем, подумав о том, что Мэри Гуднайт способна к ясновидению, для верности поднес ее к зажигалке.

Она вошла и села, держа в руках блокнот для стенографии.

— Это только черновик, — сказал Бонд, — но его нужно сделать быстро. Не обращай внимания на ошибки. М. поймет. Если к обеду я должен попасть в Виндзор, то у нас только полтора часа. Как, справишься? Хорошо, тогда диктую. «Совершенно секретно. Лично М. В соответствии с инструкциями 22 декабря в 13:30 я прилетел в центральный аэропорт Цюриха рейсом „Свиссэр“ для установления первых контактов в связи с операцией „Корона“...»

Бонд встал боком к секретарше и, продолжая диктовать, смотрел на оголенные деревья Риджентс-Парка, вспоминая по минутам все, что произошло с ним за последние три дня. Резкий и безвкусный запах воздуха и снега, темно-зеленые озера глаз Блофелда, ребро ладони своей левой руки, все еще опухшей, хруст открытой для удара шеи охранника. И затем все остальное вплоть до Трейси, которую, не

говоря о своем романе с ней, он также упомянул в отчете: она сейчас на пути в Мюнхен, гостиница «Вир Ярезитен». Он отчитался. Из-за закрытой двери слышался приглушенный стук пишущей машинки Мэри. Сегодня вечером он позвонит Трейси, как только придет домой. Он даже уже слышал ее смеющийся голос на другом конце провода. Он забыл о страшном сне, привидевшемся ему на самолете. Теперь оставалось лишь с замиранием сердца ждать счастливых грядущих дней. Бонд растерялся — столько предстояло сделать: как получить отгулы, как достать необходимые бумаги, где в Шотландии обвенчаться? Но он взял себя в руки, захватил фотокопию списка с именами девушек и отправился в центр связи, чтобы передать информацию по телетайпу на пост «Зет».

М. хотел бы жить у моря — рядом с Плимутом или, может быть, Бристолем. Там, где он мог бы встречаться с сотрудниками в любое время, когда ему заблагорассудится, а по ночам слушать шум моря. Но так как он был вынужден постоянно находиться в пределах обычной телефонной связи с Лондоном, пришлось выбирать из всех зол меньшее, он все-таки поселился рядом с водой и среди деревьев — в небольшом старом доме на краю Видзорского леса. Земля эта принадлежала королевской семье, и Бонд всегда подозревал, что этот фактор был определяющим в решении М. арендовать здание — ну знаете, «с соизволения и по именному указу...». Глава Секретной службы получал 5 тысяч фунтов в год. За ним был закреплен древний «Роллс-ройс» с водителем. От флота (как вице-адмирал в отставке) он, вероятно, получал еще тысячи полторы. После выплаты налогов на жилье оставалось около четырех тысяч. Чтобы сносно существовать в Лондоне, нужно было потратить по крайней мере половину этой суммы. Содержание в сельской местности такого прекрасного дома в стиле английский ампира было для него возможно только в том случае, если арендная плата и местные налоги не превышали 500 фунтов.

Вот такие мысли бродили в голове Бонда, когда он дернул за язык медного колокола, снятого с корабля военно-морских сил, носившего название «Упорный», — боевого крейсера, который был последним местом службы М. Хаммонд, старшина первой статьи, также служивший на флоте вместе с М. и последовавший за ним в отставку, встретил Бонда как старого друга и проводил в кабинет М.

У М. была одна из привычек закоренелых холостяков. Он рисовал акварели. Он рисовал только дикие орхидеи растущие в Англии, в скрупулезной, никем не инспирированной манере натуралистов XIX века. Сейчас М. сидел с мольбертом у окна: вернее его широкая спина сгорбилась над рисовальной доской, на которой, прямо перед ним, в стаканчике, используемом для чистки зубов, теперь до краев наполненном водой, стоял весьма невзрачный маленький цветок. Когда вошел Бонд и закрыл за собой дверь, М. еще раз, напоследок, внимательно, оценивающе посмотрел на цветок. Потом поднялся навстречу гостю с явной неохотой. Но тут же подарил Бонду одну из своих редких улыбок.

— Добрый день, Джеймс! — сказал он. (М. неукоснительно придерживался флотской традиции отмечать наступление полудня.) — Счастливого Рождества и всех благ. Можно взять вон тот стул.

Сам М. обошел письменный стол и расположился в кресле. Он был почти готов приступить к своим обязанностям. Бонд автоматически сел на свое традиционное место — через стол, напротив шефа.

М. начал набивать трубку.

— Как, черт побери, зовут того толстого американского детектива, который вечно бездельничает, занимается орхидеями, этими неприличного вида гибридами венесуэльского происхождения, и еще бог знает чем? Весь в поту он выходит из оранжерей с орхидеями, съедает гигантское блюдо какого-то иностранного дерьма и запросто распутывает убийства. Ну, как же его зовут?

— Ниро Вульф, сэр. Истории о нем написаны одним парнем по имени Рекс Стаут. Истории, надо сказать, презабавные.

— Читать можно, — снизошел М. — Но меня в этой писанине в первую очередь интересует все, что связано с орхидеями. Как, черт возьми, могут нравиться эти отвратительные цветы? Ведь они все равно как звери. А расцветка — розовая, розовато-лиловая, и эти пятнистые желтые язычки. Отталкивающее зрелище. А вот это, — М. показал на худосочный цветочек в стакане, — это настоящая прелесть. «Осенние женские локоны» — *Spirantes spiraes*. Правда, это не совсем то, что мне нравится. Цветы в Англии стоят лишь до октября, сейчас уже все попрятались. Этот же заставили вырасти, и дал его мне человек, которого я хорошо знаю. Он помогает одному господину по имени Саммер Хейс, а тот известен как король орхидей в нашем приходе. Мой друг экспериментирует с грибковыми культурами, которые, как ни странно, паразитируют на орхидеях, а те, в свою очередь, пожирают их, так как служат для орхидей основным продуктом питания. По-научному это называется «микориза». — М. улыбнулся еще раз, а это случается не часто. — И даже записывать ничего не нужно. Просто выдрать еще одну страницу из книги об этом парне Ниро Вульфе. Однако, — М. поменял тему разговора, — вряд ли вас это очень волнует. Ну что ж, — он откинулся в кресле, — что там еще приключилось? — Серые глаза внимательно следили за Бондом. — Похоже, спать вам не давали. Говорят, на горнолыжных курортах сейчас самое веселое время.

Бонд улыбнулся. Он залез во внутренний карман и вытащил скрепленные листки бумаги.

— Вот это обеспечило мне массу разнообразных развлечений, сэр. Может быть, сначала вы взглянете на мою докладную. Правда, это только черновик. Времени было мало. Но я могу сделать соответствующие разъяснения в случае необходимости.

М. взял бумаги, поправил очки и начал читать.

Мелкий дождь скребся в окна. В камине; прогорев, упало большое полено. Тишина убаюкивала. Бонд разглядывал стены, на которых была развешена коллекция гравюр с морскими сюжетами, которой М. очень дорожил. Везде были изображены бушующие волны, стреляющие орудия, наполненные ветром паруса, изорванные в клочья боевые знамена — ярость древних сражений, память о старых врагах — французах, голландцах, испанцах, даже американцах. Все в прошлом. Теперь все они друзья. Так что же — врагов не осталось? Ну а кто тогда стоит за спиной Блофелда в этом загадочном заговоре, к которому негодяй несомненно причастен. Русские? Китайцы? Или это «собственное дело», самодеятельность, как в случае с операцией «Гром»? И в чем состоит заговор? Что это за работенка, защищая которую, шесть или семь человек Блофелда погибли меньше чем за неделю. Увидит ли М. во всем этом смысл? Смогут ли это сделать эксперты, которые появятся во второй половине дня? Бонд посмотрел на левое запястье и вспомнил, что у него больше нет часов. Ему, конечно, оплатят новые. Он купит их на второй день после Рождества, как только откроются магазины, все в этот день что-нибудь дарят друг другу. Опять «Ролекс»? Наверное. Немного тяжеловат, но это неплохо. И в темноте хорошо различаешь большие светящиеся цифры. Где-то в холле пробили часы — 1:30. Как раз двенадцать часов назад он устроил ловушку, в которую угодили те трое на «Мерседесе». Он только защищался, а, впрочем. Рождество отпраздновал на славу!

М. бросил бумаги на стол. Его трубка погасла, и он стал медленно ее раскуривать. Использованную спичку аккуратно бросил через плечо в камин. М. положил руки на стол, ладонями вниз.

— Вам здорово повезло, Джеймс, что выбрались оттуда, — сказал он. Голос его звучал почти нежно. — Не знал, что вы умеете стоять на горных лыжах.

— Я просто старался не упасть, сэр. Но еще раз попробовать не хотел бы.

— Конечно нет, но тем не менее вы никак не можете понять, что затеял Блофелд?

— Так точно, сэр. Никак не возьму в голову.

— И я не понимаю. Хоть убей, ничего не понимаю. Может быть, ученые нам сегодня помогут. Но одно очевидно: СПЕКТР опять действует. Между прочим, ваша наколка там, в Понтресине, оказалась верной. На фирме работал болгарин. Не могу вспомнить его имя, но Интерпол сдал его нам. Он специалист-взрывник, пластиковые мины. Работал на КГБ в Турции. Если правда, что «У-2», который пилотировал этот парень Пауэрс, был взорван миной замедленного действия, а не сбит ракетой, то, возможно, следы приведут к этому человеку. Он был в списке подозреваемых. Затем стал работать самостоятельно, организовал собственное дело. Вероятно, в это время его подобрал СПЕКТР. Мы сомневались в том, что вы опознали действительно Блофелда. Очень помогла наводка в Понтресине. Вы абсолютно уверены, что это он? Конечно, с лицом своим и телесами, кажется, проделал большую работу. Надо бы воспроизвести его сегодня вечером на нашем фотороботе. Посмотрим на него, а затем послушаем точку зрения наших коллег медиков.

— Полагаю, что это он, сэр. То, что это он, я почувствовал в последний день. Точнее, вчера. А кажется, что это было так давно.

— Вам повезло, что столкнулись с этой женщиной. Кто она? Ваша старая любовь? — Уголки губ М. загнулись вниз.

— Вы почти угадали, сэр. Я упоминал о ней в той докладной, когда впервые писал, что Блофелд находится в Швейцарии. Она дочь того человека — Драко, он глава Корсиканского союза. Ее мать была английской гувернанткой.

— Гм-м. Интересная комбинация. Ну, достаточно. Время обедать. Я попросил Хаммонда, чтобы нас не беспокоили. — М. поднялся и позвонил в колокольчик, стоявший на камине. — Боюсь, что нам придется пройти через всю эту процедуру с индейкой и сливовым пудингом. Миссис Хаммонд колдовала над своими горшками и сковородками несколько недель. Черт бы побрал эту сентиментальную чепуху.

В дверях появился Хаммонд. Бонд проследовал за М. в небольшую столовую, расположенную за залой, стены которой гордо сверкали образцами еще одного любимого занятия М., — он собирал морские абордажные сабли всех времен и народов. Они сели.

— Ну, начинайте, старшина первой статьи Хаммонд. Что там у вас, — произнес М. с напускной суровостью. И вдруг взорвался на полном серьезе: — А эти чертовы штуки что здесь делают? — И он показал на середину стола.

— Крекеры, сэр, — бесстрастно произнес Хаммонд. — Миссис Хаммонд подумала, что раз у вас гости...

— Выкинуть немедленно. Подарите их школьникам. До сих пор я во всем соглашался с миссис Хаммонд, но, черт меня побери, я не дам превратить свою столовую в ясли.

Хаммонд улыбнулся:

— Слушаюсь, сэр. — Он собрал аппетитные крекеры и исчез.

Бонду не терпелось выпить. Он пропустил рюмочку очень старой «Марсалы» и осушил почти полную бутылку очень плохого алжирского вина.

М. выпил свои две рюмки так, как будто в них было «Шато Лафитт».

— Старое, доброе зелье — прекрасно идет. Основной напиток моряков средиземноморского флота. К нему не сразу привыкаешь, продирает насквозь. Помню, служил у меня на корабле некто Маклаклан, старший артиллерийский офицер. Так вот он поспорил, что сможет выпить шесть бутылок этого пойла. Совсем очумел. Уже после трех он растянулся на полу каюты. Пейте, Джеймс! Пейте!

Наконец, подали пудинг, который по традиции облили спиртным и подожгли.

Миссис Хаммонд запекла в нем несколько дешевых серебряных безделушек, и М. чуть не сломал зуб о миниатюрную подкову. Бонду досталась холостяцкая пуговица. Он подумал о Трейси. Лучше бы ему попало кольцо!

21. Сотрудник министерства сельского хозяйства и рыболовства

Они пили кофе в кабинете М. и курили тонкие черные сигары. М. позволял себе выкурить только две штуки в день. О свою сигару Бонд обжег язык. М. продолжал рассказывать разные морские истории, которые Бонд мог слушать весь день. Это были рассказы-легенды о морских сражениях, страшных бурях, странных происшествиях, об опасностях, которых чудом удалось избежать, о военных трибуналах, эксцентричных выходах офицеров, о курьезных сигналах, которые подают друг другу проходящие мимо корабли, — так адмирал Соммервилль, командир линкора «Королева Елизавета», обогнав посреди Атлантики пассажирский лайнер «Королева Елизавета», поднял на мачте сигнал: «Пardon — тороплюсь». Вероятно, все эти истории больше подходили для детских приключенческих книг, но в рассказах ни слова выдумки — все сущая правда: великий флот, которого уже не было, славное поколение офицеров и матросов, которых мы больше никогда не увидим.

Пробило три часа. На гравии перед домом скрипнули колеса автомобиля. В комнату стали заползать сумерки. М. поднялся и включил свет. Бонд поставил к столу еще два кресла.

— Это 501, — сказал М. — Вы с ним встречались. Он возглавляет научно-исследовательский отдел. С ним должен быть человек из министерства сельского хозяйства, его зовут Франклин. 501 говорит, что он специалист высшей категории, собаку съел в своем деле, я имею в виду борьбу с сельскохозяйственными вредителями. Не знаю, почему министерство решило послать именно его, но министр сказал мне, что у них какие-то неприятности, конкретно ничего не сообщил. Они думают, что вы попали в самую точку, вышли на большое дело. Мы позволили им ознакомиться с вашей докладной, посмотрим, что это даст. Не возражаете?

— Конечно нет, сэр.

Дверь отворилась, и в комнату вошли двое.

Номер 501 из Секретной службы по фамилии, как вспомнил Бонд, Лезерс оказался сутулым, хотя и крепко сбитым, ширококостным мужчиной. Толстые стекла очков придавали ему вид мнимого ученого. На лице у него была приятная полуулыбка, с М. он говорил исключительно почтительно, но не заискивая, игнорируя слепую субординацию. Он был соответственно случаю одет в ворсистый твидовый костюм. Шерстяной вязаный галстук повязан ниже верхней пуговицы воротника. Другой человек был небольшого роста, с оживленными, стреляющими по сторонам изумленными глазами. Как подобает официальному представителю министерства, ответственному сотруднику, получавшему инструкцию лично от министра, и еще потому, что не имел никакого понятия о каких-либо секретных службах, он решил вырядиться в темно-синий полосатый костюм и рубашку со стоячим белым воротничком. Его черные ботинки эффектно блестели. Равно как и кожа его толстого портфеля. Приветствовал он всех сдержанно, нейтрально. Не совсем был уверен, где же он находится и что все это значит. Он собирался действовать весьма осмотрительно при определении своей позиции в этом деле, решил тщательно взвешивать каждое произносимое им слово, чтобы, не дай бог, не сказать лишнего, отдуваясь потом в министерстве. «Вот из таких людей, — заметил про себя Бонд, — и состоит правительство».

Когда стороны обменялись соответствующими приветствиями и извинениями — ну как же, на дворе Рождество, а они вынуждены заниматься делами, — все

расселись по креслам.

— Господин Франклин, — сказал М., — простите, что я начинаю с этого, но хотел бы предупредить — все, что вы увидите и услышите в этой комнате, попадает под действие закона о государственных секретах. Конечно, и в вашем Министерстве секретов хватает, это понятно. Тем более уверен, что со всей серьезностью отнесетесь к секретной информации, которой располагает министерство обороны. Могу ли я просить вас не вести разговоры о том, что здесь услышите, ни с кем, кроме вашего министра?

Господин Франклин слегка кивнул в знак молчаливого согласия.

— Министр предупредил меня. По роду своей деятельности в министерстве мне приходится работать с совершенно секретными материалами. Вы можете не сомневаться в том, что соответствующий допуск у меня имеется. А теперь, — он обвел присутствующих взглядом, не скрывая своего любопытства, — скажите, в чем, собственно, дело. Я практически ничего не знаю, кроме того, что кто-то сидя на вершине одного из альпийских пиков, усиленно печется об улучшении пород нашего скота и развитии сельского хозяйства. Весьма благородно с его стороны. Тогда почему мы относимся к этому человеку так, как будто бы он украл наши атомные секреты?

— Вообще-то однажды он уже это сделал, — сухо заметил М. — А сейчас я хотел бы, чтобы для пользы дела и вы, и господин Лезерс ознакомились с докладной запиской, составленной моим сотрудником, который присутствует здесь. В докладной встречаются кодовые названия и другие непонятные вам ссылки, не обращайтесь на них внимания. Вся эта история понятна и без них. — И М. передал 501 докладную Бонда. — Большинство приведенных здесь фактов для вас тоже будет новостью. Начинайте читать постранично и передавайте прочитанное господину Франклину.

В комнате воцарилось длительное молчание. Бонд разглядывал ногти и слушал шум дождя за окнами, тихое потрескивание поленьев в камине. М., сгорбившись, сидел в кресле, дремал. Бонд закурил сигарету. От щелчка ронсоновской зажигалки М. лениво открыл глаза и затем снова закрыл их. 501 передал последнюю страницу и выпрямился. Франклин закончил чтение, собрал страницы вместе и аккуратно положил их перед собой. Он посмотрел на Бонда и улыбнулся:

— Вам повезло, что выбрались.

Бонд ответил улыбкой, но ничего не сказал.

М. повернулся к 501.

— Ну, что скажете?

501 снял толстые очки и протер их платком далеко не первой свежести.

— Я не вполне понимаю, сэр, чего мы, собственно, хотим, чего добиваемся? Если бы мы не знали, что из себя представляет этот Блофелд, все выглядело бы вполне благопристойно, более того — заслуживало всяческого поощрения. То, чем он занимается технически выглядит следующим образом. Он заполучил десять или, скорее, одиннадцать девушек, считая ту, что уже уехала, являющих собой подходящий объект для воздействия глубоким гипнозом. Все они простолюдинки из сельской местности. Существенно, что одна из них, по имени Руби, дважды проваливалась на школьных экзаменах. Очевидно также, что все они страдают, и нет никаких причин в это не верить, определенными и довольно-таки обычными формами аллергии. Мы не знаем, как они заболели аллергией, не знаем исходных точек болезни, но это и не так важно. Вероятно, это заболевания психосоматического характера — неблагоприятная реакция на птиц, скажем, вещь весьма распространенная, равно как и аналогичная реакция на домашний скот. Меньшее распространение получили те формы аллергии, которые характеризуются положительной реакцией на злаки, растения. Блофелд, по-видимому, пытается лечить подобные формы аллергии при помощи гипноза. И он не просто лечит, он

вырабатывает у пациента определенное влечение к источнику аллергии, вызывавшему ранее только отвращение. Например, в случае с Руби, как видно из докладной, ее убедили «полюбить» цыплят, постараться «улучшить их породу» и т.п. Механические средства лечения практически очень просты. Стук метронома, работающего в одном ритме с пульсом, и отдаленные жужжащие звуки — все это обычные приемы гипноза, к ним чаще всего прибегают поздним вечером, когда человека клонит ко сну, а тех, кто уже заснул, пробуждают резким ударом колокола. Распевная манера, властный шепот — это обычные при работе гипнотизера манипуляции голосов. У нас нет данных о том, какие лекции посещали эти девушки и что они читали, но можно предположить, что все это дополнительные факторы влияния на их сознание в направлении, необходимом Блофелду. В медицинской практике масса примеров действенности гипноза. Есть хорошо описанные случаи успешного лечения подобным образом таких трудно поддающихся исцелению заболеваний, как бородавки, некоторые разновидности астмы, недержание мочи, заикание, даже алкоголизм, наркомания и гомосексуальные наклонности. Хотя Британская медицинская ассоциация официально не одобряет деятельность практикующих гипнотизеров, вы бы удивились, сэр, узнав, как много врачей в качестве последнего средства, в частности при лечении алкоголизма, прибегают к услугам квалифицированных гипнотизеров. Но это так, между прочим. Все, что я могу добавить к нашему разговору, сводится к следующему: идеи Блофелда не новы, методы, применяемые им, полностью эффективны.

М. кивнул.

— Благодарю вас, господин Лезерс, а теперь, не смогли бы вы, покинув строго научные позиции, рискнуть высказать самые невероятные предположения, дерзкие догадки, которые могут оказаться полезными в свете обсуждаемой нами проблемы. — На лице М. промелькнула улыбка. — Заверяю, цитировать вас мы не станем.

501 нервно провел рукой по волосам.

— Хорошо, сэр. Может быть, это чушь, но пока читал докладную, меня неотвязно преследовали некоторые мысли. Это заведение обошлось Блофелду в копейчку. И не столь важно то, какие цели — благородные или подлые — он преследует, насколько мы можем судить, благородством он никогда не отличался, важно узнать, кто же за все это платит? Что побудило его заняться исследованиями именно в данной области и найти для этого источники финансирования? Сэр, как ни странно это звучит, — ведь, извините за сравнение, стоит ли искать воров, забравшихся в квартиру, под собственной кроватью, — но нельзя забывать, что признанными лидерами в этой области еще со времен Павлова и его слюнявых собачек были русские. Осмелюсь напомнить, сэр, что во время первого полета человека в космос, когда на орбите оказался русский, я подготовил докладную записку о физиологических параметрах космонавта Юрия Гагарина. Я тогда же обратил внимание на то, как прост, доступен этот человек, и отметил, в частности, его исключительно уравновешенное поведение во время грандиозной, почти истеричной встречи в Лондоне. Сдержанность, уравновешенность никогда не покидали его, а если помните, по просьбе руководства наших ведомств, занимающихся ядерными исследованиями, мы держали его под негласным наблюдением в течение всего визита и во время последующих поездок Гагарина за границу. Это открытое улыбочливое лицо, сэр, эти ясно смотрящие на мир невинные глаза, чрезвычайная физиологическая простота этого человека, все, вместе взятое, как я отметил в докладной, делали его идеальным объектом для гипноза. И я рискнул сделать предположение о том, что чрезвычайно сложные манипуляции, которые он должен был проделывать в космической капсуле. Гагарин выполнял в состоянии глубокого гипноза. Хорошо, хорошо, сэр, — 501 взмахнул рукой, — да, мои выводы были

признаны фантастическими. Но раз вы спросили, сэр, я решился повторить их. Словом, я выдвигаю версию, согласно которой та неизвестная держава или, вернее, сила, которая стоит за Блофелдом во всей этой истории, по всей видимости — русские. — Он повернулся к Бонду. — Имелись ли какие-либо признаки того, что русские вдохновляют работу и руководят этим славным заведением «Глория»? Попадался ли зам там кто-нибудь из русских?

— Ну да, там был этот капитан Борис. Я его никогда не видел, но он определенно русский. Больше, пожалуй, ничего, если не считать тех трех молодцов, работающих на СПЕКТР, которые, по-моему, весьма похожи на бывших сотрудников СМЕРШа. Но они — всего лишь часть обслуживающего персонала, американцы называют таких «механиками».

501 пожал плечами.

— Боюсь, что это все, чем я могу быть полезен, сэр, — сказал он, обращаясь к М. — Но если исходить из того, что здесь что-то нечисто, то, даю голову на отсечение, этот капитан Борис — либо тот, кто заказывает музыку, либо тот, кто наблюдает за ходом работ. А Блофелд — как бы независимый владелец названного заведения. Это соответствует схеме и характеру прежнего СПЕКТРа, они — наемники, независимая банда, работающая на любого, кто готов им платить.

— Вероятно, вы в чем-то правы, господин Лезерс, — задумчиво произнес М. — Но, черт побери, зачем все это? — Он повернулся к Франклину. — А что вы скажете, господин Франклин, что вы обо всем этом думаете?

Человек из министерства сельского хозяйства и рыболовства закурил маленькую трубку с отполированной пальцами поверхностью. Держа ее между зубами, он нагнулся к своему портфелю и достал какие-то бумаги. Из них он извлек контурную карту Англии и Северной Ирландии и разгладил ее на столе. Карта была усеяна скоплениями условных обозначений в одних местах и зияющими пустотами в других.

— На этой карте, — сказал он, — указаны все сельскохозяйственные и животноводческие ресурсы Англии и Северной Ирландии. Без пастбищ и лесов. Итак, ознакомившись с докладной, сначала я пришел в полное замешательство. Как сказал господин Лезерс, эти эксперименты кажутся абсолютно безобидными. Более того, если использовать его выражение, они заслуживают всяческих похвал. Но, — Франклин улыбнулся, — вы, джентльмены, чувствуя подвох, постоянно озабочены тем, что происходит на темной стороне Луны. И, соответственно, я перестроил ход своих мыслей. В результате появилось и укоренилось во мне ужасное подозрение. Вероятно, эти черные мысли пришли мне на ум в результате того, что я как бы взглянул на мир по-новому, через призму ваших взглядов и представлений. — При этом он неодобрительно посмотрел на М. — Кроме того, в моем распоряжении имеется одно свидетельство, которое может стать решающим. Извините, но в докладной не хватает одной страницы, а именно — списка девушек и их адресов. Такой список существует?

Бонд достал фотокопию из внутреннего кармана пиджака.

— Прошу прощения, но я не хотел рассеивать ваше внимание, перегружать информацией. — Он подтолкнул листок через стол господину Франклину.

Франклин сразу же нырнул в него.

— Так и есть, — сказал он минуту спустя, голос его при этом подозрительно дрожал, — нашел. — Он тяжело откинулся в кресле. — Теперь я все понял. — Казалось, однако, что он никак не может поверить в то, что вычитал в списке.

Три человека, сидящие рядом, следили за ним с напряжением, веря ему, так как видели выражение его лица. И они ждали, что он скажет.

Франклин вытащил из нагрудного кармана красный карандаш и склонился над картой. Заглядывая время от времени в список, он отметил красными кружочками не

связанные между собой, как казалось, географические точки Англии и Северной Ирландии, но Бонд заметил, что округлил он как раз те районы, где условные обозначения просто налезали один на другой, произошло наложение данных.

— Абердин — овцеводство, — начал он свой комментарий, продолжая заполнять карту кружками, — Девон — красный комолый скот, Ланкашир — домашняя птица, Кент — фрукты, Шеннон — картофель. Таким образом он нанес на карту десять кружков. Затем его карандаш завис над Восточной Англией, и он поставил большой крест. Он поднял голову, бросил карандаш. — Индюшати́на, — сказал он.

Тишина повисла в комнате.

— Так что, что вы этим хотите сказать? — с раздражением воскликнул М.

Человек из министерства сельского хозяйства и рыболовства не считал, что им может помыкать какой-то, пусть даже высокий, чин из другого министерства. Он нагнулся и снова покопался в своем портфеле. Вытащил еще несколько бума". Выбрал из них одну. Это была вырезка из газеты.

— Не думаю, — сказал он, — чтобы у вас, джентльмены, было время читать в газетах о новостях сельского хозяйства, Вот, однако, статья из «Дейли телеграф», появившаяся в начале декабря. Я не буду читать все. Это заметка их корреспондента по сельхозотделу. Хороший парень, Томас. Заголовок: «Индюшки внушают озабоченность. Чума среди птиц». Вот послушайте: «Поставки индеек на рождественский рынок могут быть прерваны в связи с недавней вспышкой эпидемии, в результате которой пришлось забить большое количество птиц...» и далее: «По имеющимся данным, забито 218.000 птиц... в прошлом году общие поставки на рынок под Рождество составили 3,7—4 миллиона штук, теперь все зависит от дальнейшего развития событий». — Господин Франклин отложил вырезку. — Эта новость была только вершиной айсберга, — сказал он печально. — Нам удалось скрыть от прессы подробности. Но здесь я могу говорить открыто, не так ли, джентльмены? В течение месяца с небольшим нам пришлось забить три миллиона индеек. Но мало того. Эта птичья чума распространяется по всей Восточной Англии, первые сигналы есть уже и из Гемпшира, другого центра разведения индеек. За обедом, не сомневаюсь в этом, вы ели сегодня птицу-иностранку. Мы дали санкцию на импорт двухмиллионной партии из Америки, чтобы избежать дефицита.

— По мне, — сказал М. желчно, — вообще бы их не было, готов ни разу в жизни не съесть больше ни одной. Однако вполне разделяю вашу озабоченность. Но вернемся к интересующему нас вопросу. Куда же заведут нас индюшки?

Франклин веселости М. не разделял.

— Есть одна зацепка, — сказал он. — Раньше других болезнью оказались поражены особи, побывавшие на Национальной ярмарке домашней птицы, что проходила в начале этого месяца в Олимпии. Но прежде чем мы пришли к этому заключению, прежде чем нащупали ниточку, все выставочные павильоны уже вычистили и выскребли для очередной ярмарки, и никакого вируса на той территории мы найти не смогли. Я говорю вируса, потому что эта птичья чума таковым и является, это высокотоксичный вирус со 100-процентным смертельным исходом. А теперь позвольте спросить, что вам, джентльмены, известно, — он достал из портфеля брошюру белого цвета, изданную в Соединенных Штатах, — о биологической войне?

— Косвенно мы занимались этим вопросом во время войны, — сказал Лезерс. — Но в конечном итоге ни одна из сторон не решилась прибегнуть к подобным средствам. Где-то в 1944-м у американцев был план уничтожения всего урожая риса в Японии с помощью распылителей. Но президент Рузвельт, насколько помню, наложил вето на эту затею.

— Правильно, — сказал Франклин. — Абсолютно правильно. Но эта идея все

еще не умерла. И все еще блуждает по коридорам моего министерства. Так случилось, что наша страна одна из самых развитых в области сельского хозяйства. Мы были вынуждены развивать эту отрасль, чтобы не погибнуть от голода во время войны. Таким образом, теоретически мы являемся идеальной мишенью для подобного биологического нападения. — Он медленно опустил руки на стол, подчеркивая значимость того, что собирался сказать. — Не думаю, джентльмены, что нужны еще какие-либо пояснения. Если такое нападение произойдет и нам придется подсчитывать забитую птицу и животных или погибший урожай, мы станем банкротами в течение нескольких месяцев. Образно говоря, нас поставят на колени, мы будем вымалывать хлеб насущный!

— Никогда об этом не думал, — задумчиво сказал М. — Но похоже на правду.

— Вот здесь, — продолжал Франклин, держа в руках брошюру, — здесь изложена позиция, занимаемая по данному вопросу нашими друзьями в Америке. Здесь также рассматриваются в свете последних научных открытий вопросы химической и радиологической войны, но нас они пока не интересуют, а вот американцы придумали уже даже соответствующие аббревиатуры — ХВ, БВ, РВ. Этот документ сената США от 29 августа 1960 года подготовлен Подкомитетом по разоружению Комитета внешних сношений. Мое министерство согласно с общими выводами, изложенными здесь в отношении БВ — биологической войны. При этом, однако, очевидно — и мы не можем не принимать такой фактор во внимание, — что Америка страна огромная, а мы государство островное, располагающее сравнительно небольшой территорией. Бактериологическая война нанесет нам в тысячу раз больший урон, чем Штатам. Могу я прочесть вам несколько выдержек из этой брошюры?

М. терпеть не мог вникать в проблемы других министерств. С точки зрения разведки, в конечном итоге они все равно стекутся к нему, окажутся у него на столе. Вот почему Бонд не стал скрывать своего удивления, когда увидел, что М. проявил к сказанному вежливый интерес.

— Пожалуйста, пожалуйста, господин Франклин, — произнес он.

22. Нечто под названием БВ

Франклин начал читать ровным, поучительным тоном, часто останавливаясь для объяснения отдельных моментов или пропуская не имеющие отношения к делу абзацы.

— Этот раздел, — сказал он, — озаглавлен «Биологическая война, оружие и защита». Вот что тут написано: "Биологической войной часто называют ведение боевых действий с помощью бактериологического, бактериального или вирусного оружия; термин этот используется чаще других, так как подразумевает широкий охват всех применяемых компонентов — микроорганизмов, насекомых и других вредителей, а также токсичных продуктов растительной и животной жизни. На вооружении имеются пять групп отравляющих веществ, которые могут быть использованы для ведения боевых действий в условиях биологической войны, включая некоторые химические компоненты, применяемые для сдерживания роста растений или их уничтожения:

Микроорганизмы (бактерии, вирусы, риккетсия, грибки, протозоа).

Токсины (микробные, животные, растительные). Переносчики болезни (членистоногие насекомые и клещи, а также птицы и животные).

Паразиты и вредители (животные и растительные). Химические компоненты антиурожайности (замедлители роста, гербициды, дефолианты).

Средства ведения биологической войны, равно как и войны химической, различаются по своим свойствам; в зависимости от избираемого для ведения боевых

действий вещества достигается та или иная степень поражения противника: это может быть, скажем, временная недееспособность с незначительными побочными эффектами или серьезные заболевания с многочисленными смертельными исходами. Помимо чисто научной классификации, вещества, используемые как средства ведения биологической войны и войны химической, отличаются друг от друга и другими характеристиками. Инкубационный период при применении биологического оружия равен дням, иногда неделям". (Франклин оторвался от бумаг: «Вы понимаете, что я имел в виду, когда говорил об Олимпии?») «Это вещества замещенного действия, в то время как химическое оружие поражает в течение нескольких секунд может оно действовать и в течение нескольких часов. Химические вещества легче обнаружить, нежели биологические, и в случае обнаружения последних часто не остается времени для принятия каких-либо мер». (Франклин снова обвел всех взглядом.) «Теоретически биологическое оружие более опасно, чем химическое, хотя оно и не столь эффективно на открытом пространстве, в зависимости от времени дня, степень освещенности оно может утрачивать некоторые свои свойства». — Франклин сделал паузу. Его палец скользнул вниз по странице. — Затем здесь говорится о биологических средствах ведения боевых действий против противника: сибирская язва, тиф, оспа, ботулизм и тому подобное. Да, — палец его остановился, — вот пожалуйста: "Биологические вещества, которые могут быть использованы для поражения домашнего скота:

Бактерии: сибирская язва, три вида бруцеллы и сапа в комбинации.

Вирусы: ящур, чума рогатого скота, лихорадка, везикулярный стоматит, пузырчатая экзема, холера свиней, африканская чума свиней, чума птиц, болезнь Ньюкасла и лошадиный энцефаломиелит". — Франклин, словно извиняясь, поднял глаза от текста. — Прошу прощения за всю эту труднопроизносимую терминологию, но осталось еще немножко. Далее здесь говорится о биологических отравляющих веществах, применяемых для уничтожения урожая; эти вещества, как здесь написано, используются и качестве экономического оружия. Полагаю, что Блофелд в эту схему вписывается идеально. Затем приводится целый список; болеет картофель — засыхает ботва, могут быть поражены стебли зерновых культур, колосья овса, листья сахарной свеклы, гниют горчиные культуры, тот же картофель; или вызывают нашествия насекомых, таких, например, как колорадский жук или нечто под названием гигантская африканская сухопутная улитка. Все это пока нам, наверное, не страшно. Пишут тут и о «химических веществах, применяемых для уничтожения урожая». Но об этом, я думаю, нам тоже не нужно волноваться, так как эти вещества распыляются с самолетов, средства сильные, чертовски опасны. Так, теперь еще кое-что по данному вопросу. — Палец Франклина остановился на следующей странице. — «Природа биологического оружия такова, что дает возможность использования его для скрытых или тайных операций. То, что эти вещества находятся в сильно концентрированной форме, их нельзя обнаружить по запаху, то, что они не сразу воздействуют на жертвы, позволяет спокойно размещать их в достаточном количестве в вентиляционных системах здания в воде, на складах продовольствия, а также в других местах, они мгновенно распространяются в крупных населенных пунктах». — Франклин сделал паузу. — А это уже имеет к нам прямое отношение. Помните, я говорил о животноводческих ярмарках, выставках и тому подобном? После такой выставки вирус разносится экспонатами по всей стране. — Он опять обратился к брошюре. — Вот послушайте дальше: «Важным фактором является то, что зона поражения в случае применения биологического оружия значительно превышает по площади зону применения химического оружия. Проведенными исследованиями установлено, что биологическим оружием можно поражать территории в тысячи квадратных миль». — Франклин постучал пальцем по столу. — Нет, каково, а, джентльмены? Мы ведем разговоры о новых отравляющих

веществах, о нервно-паралитических газах, которые во время войны изобрели немцы. Мы принимаем меры и контрмеры против радиации и атомной бомбы. А здесь говорится о «тысячах квадратных миль». И об этом заявляет Комитет сената США. Ну, сколько там тысяч квадратных миль на территории Соединенного Королевства и Северной Ирландии, джентльмены? — Он обвел присутствующих внимательным, печальным, без тени юмора взглядом, он прямо взглянул в лицо этим трем высшим офицерам Секретной службы. — А я скажу вам. Этот маленький атолл, на котором мы живем, занимает территорию чуть больше ста тысяч квадратных миль, включая всю Ирландию. — Его потухшие глаза немного оживились. — Теперь я прочту вам последний параграф, и затем, вероятно, — в глазах вновь появилась смешинка, — вы поймете, почему я так разгорячился, хотя, казалось, на дворе такой чудесный праздник единения всех людей. Послушайте, что говорится в разделе «Меры защиты». Итак: «Защита от биологического оружия затруднена; трудности связаны прежде всего со своевременным обнаружением отравляющих веществ, именно в этом уникальность этого вида оружия». (Франклин перевел дыхание и улыбнулся: «Стиль изложения явно хромает, могли бы и отредактировать немного».) «Эти биологические вещества нельзя увидеть, распознать по запаху или определить какими-либо другими физическими методами. До сих пор не разработано никакого способа их быстрого распознавания и идентификации». — Франклин бросил брошюру на стол. Он вдруг улыбнулся широкой счастливой улыбкой. Протянул руку за своей крошечной отполированной трубочкой и стал ее набивать. — Вот и все, джентльмены. Мои доводы исчерпаны.

Господин Франклин торжествовал, это был его день — Рождество, которое он никогда не забудет.

— Благодарю вас, господин Франклин, — сказал М., — но правильно ли я вас понял? По-вашему, выходит, что этот Блофелд производит биологическое оружие и уже начал его использовать против нашей страны?

— Да, — не дрогнув, ответил Франклин. — Я берусь это утверждать.

— А с чего вы взяли? По мне, так все наоборот, вернее, благая его деятельность таковой и являлась бы, не знай мы этого человека с совершенно другой стороны. Во всяком случае, непонятно, почему вы так категоричны?

Франклин протянул руку и указал на красный крестик, который он поставил над Восточной Англией.

— Это моя первая догадка. Девушка по имени Полли Таскер, которая уехала из «Глории» около месяца тому назад. Она родом откуда-то из этих мест. По условным обозначениям видно, что здесь расположено множество ферм, на которых разводят индеек. Ведь у нее аллергия на индюшатину. Домой она вернулась вдохновленная, перед ней поставили задачу улучшить породу этих птиц. И ровно через неделю после ее приезда происходит самая страшная в истории Англии вспышка птичьей чумы, поразившей индюшек.

Лезерс неожиданно хлопнул себя по бедру.

— Так и есть, Франклин, вы попали в самую точку. Но продолжайте же!

— Далее, — Франклин повернулся к Бонду. — Когда этот офицер заглянул в лабораторию, то он увидел полки, уставленные пробирками с мутной жидкостью. А что, если в пробирках вирусы? Птичья чума, сибирская язва? Бог знает что там могло быть. В докладной сказано, что лаборатория была освещена темно-красным светом. Тогда все сходится. Вирусные культуры не выносят яркого света. А что, если перед отъездом той девушке вручили баллончик с аэрозолем нужного вещества, что, если ей сказали, что в нем находится некий эликсир для индюшек, тонизирующее средство — индюшки от него жиреют и здороваются. Вспомните, разве не к месту тогда весь этот вздор об «улучшении породы», все, о чем шла речь во время сеанса гипноза? А предположим, что девушку попросили поехать в Олимпию на выставку. Вероятно, ее

даже попросили устроиться там на работу, чтобы ухаживать за птицей, чтобы просто время от времени разбрызгивать аэрозоль то здесь, то там среди призовых птиц. Баллончик не больше тех, в которых продается пена для бритья. Этого вполне хватит. Ей сказали, чтобы она все хранила в тайне, так как состав в баллончике запатентован. Вероятно, даже пообещали ей пакет акций компании, если тонизирующее средство даст хорошие результаты. А Блофелд заверил ее, что иначе и быть не может. И все так легко. Нужно всего лишь пройти вокруг клеток — может быть, ей даже дали специальный футлярчик для баллончика, — нагнуться к ограде и пс-ст! И работа выполнена. Легче легкого. Ну что ж, пойдём дальше, задание ей приказали выполнить незадолго до закрытия выставки, так, чтобы до поры до времени все было шито-крыто. А после выставки птички-рекордсменки рассылаются обратно по своим хозяйствам — по всей Англии. Чего же больше! И, — он выдержал паузу, — так оно все и было! Три миллиона дохлых или полудохлых птиц, вся страна — большая свалка дохлятины, да еще валютой надо оплатить незапланированные поставки из-за границы.

В разговор вмешался Лезерс, он был весь красный от возбуждения.

— А все остальные девушки! Они же все из районов опасности! — Он накрыл карту рукой. — Именно эти зоны насыщены соответствующими хозяйствами. Здесь все время проводятся местные выставки — скот, птица. Даже картофель — для него, скажем, подойдет колорадский жук. Свиньям — лихорадка. Боже мой! — В голосе Лезерса появились уважительные нотки. — И как чертовски просто! Всех и хлопот — обеспечить хранение вирусов при правильной температуре. Девушек на этот счет проинструктируют. И к тому же они будут считать себя святыми. Великолепно. Нельзя не отдать Блофелду должного.

М, сидел насупившись, он явно злился на себя оттого, что никак не мог прийти к однозначному решению.

— А вы что обо всем этом думаете? — прорычал он, обращаясь к Бонду.

— Боюсь, что все сходится, сэр. По всей цепочке. Мы знаем Блофелда. На него это вполне похоже. Как раз по его натуре. И не важно, кто ему платит. Он и сам может заплатить. Ведь на таких вещах обогащаются, состояния себе делают. Сыграть на бирже на понижение курса фунта стерлингов или каких-то ценных бумаг. Если Франклин прав, а документы сената США это как раз подтверждают, то можно предположить, что наша валюта, образно говоря, провалится в тартарары вместе со всей страной!

— Ну что ж, джентльмены, — сказал М., поднимаясь, — давайте действовать. Господин Франклин, я прошу проинформировать вашего министра обо всем услышанном. Пусть сам решает, что и как сказать премьер-министру или членам кабинета. Я приму кое-какие предупредительные меры, в первую очередь через сэра Рональда Вэлланса из Департамента уголовного розыска. Мы должны найти эту девушку Полли, а других взять сразу по их прибытии в Англию. Обходиться с ними будут хорошо. Они не виноваты. Затем нам придется подумать о том, что делать с господином Блофелдом. — Он повернулся к Бонду. — Вы не могли бы задержаться?

Все попрощались, и М. звонком вызвал Хаммонда, чтобы проводить гостей. Затем он снова позвонил.

— Чаю, пожалуйста, Хаммонд. — Он обернулся к Бонду. — Или лучше виски с содовой?

— Виски, пожалуйста, сэр, — сказал Бонд с чувством безграничного облегчения.

— Дешевый напиток, — прокомментировал М. Он подошел к окну — темно, идет дождь.

Бонд пододвинул к себе карту Франклина и принялся изучать ее. У него мелькнула мысль о том, что в связи с этим делом он узнал массу полезного: он познакомился с людьми редких профессий, проник в их тайны, он вызнал секреты

Геральдической палаты и министерства сельского хозяйства и рыболовства. Странно, как разрослось это огромное ветвистое дерево, родившееся из маленького зернышка, посеянного в сентябре, — не сыграй тогда Трейси ва-банк, окажись у нее деньги, чтобы расплатиться в казино, все могло быть по-другому. А как же насчет его письма об отставке? Сейчас оно выглядело бы довольно глупо. Он завяз по уши, это дело захватило его, такого раньше не случалось. Ему опять нравилась его древняя профессия. А теперь, кажется, предстоит окончательно разобраться с Блофелдом. И он должен будет это сделать, повести всех за собой, организовать. Бонд абсолютно точно знал, что он собирается выложить М., как только подадут чай и виски. Только он мог «провести чистку», нанести решительный удар. Это ему было на роду написано.

Вошел Хаммонд с подносом и сразу же вышел. М. подошел к своему столу, ворчливо предложил Бонду налить себе виски. Сам же взял огромную чашку, скорее похожую на детский ночной горшок, наполненную черным чаем без сахара и молока, и поставил ее перед собой.

— Это очень грязное дело, Джеймс, — помедлив, задумчиво произнес он. — Но боюсь, что все сказанное имеет смысл. Лучше перестраховаться в этой связи. — Он протянул руку к красному телефону, стоявшему рядом с черным, и поднял трубку. Прямая связь с членами кабинета — во всей Англии не нашлось бы и пятидесяти человек, которые имели доступ к этой телефонной линии. — Соедините меня с сэром Рональдом Вэллансом. Наверное, по домашнему телефону — Он отпил большой глоток из своей чашки и поставил ее на блюдце. — Это вы, Вэлланс? Беспокоит М. Простите, что нарушил ваш послеобеденный сон. — На другом конце провода послышалось какое-то дружелюбное рычание. М. улыбнулся. — Читаете докладную о проституции среди несовершеннолетних? Ну как не стыдно. Да еще в Рождество. Вы не могли бы заблокировать наш разговор? — М. нажал на большую черную кнопку сбоку от рычага. — Теперь вроде все в порядке. Дело у меня весьма срочное. Помните Блофелда и операцию «Гром»? Да, он опять занялся своими фокусами. Слишком долго объяснять. Утром у вас будет мой доклад по этому вопросу. В дело посвящено также министерство сельского хозяйства и рыболовства. Да, только их и не хватало. Вам понадобится человек по имени Франклин. Один из самых крупных их специалистов в области контроля за болезнями растений и животных. В курсе только он и его министр. Не смогли бы ваши люди поговорить с ним? Запись беседы переправьте мне. Я займусь международной стороной вопроса. Бал правит ваш друг 007. Да, тот самый парень. Он сообщит вам любые дополнительные детали, которые могут понадобиться, когда подключите зарубежные каналы. И вот еще какое дело. Хотя сейчас и Рождество и все такое прочее, но не смогли бы ваши парни постараться немедленно заполучить некую девицу? Ее зовут Полли Таскер. Возраст 25 лет. Живет в Восточной Англии. Да, я знаю, что это чертовски большой район, но она, вероятно, из небогатой семьи, достаток средний, родители занимаются разведением индюшек. Уверен, что фамилия их фигурирует в простой телефонной книге. Не могу дать вам никаких описаний, но она недавно провела несколько недель в Швейцарии. Обратно приехала в последнюю неделю ноября. Только не смешите меня! Конечно, вам это удастся. А когда найдете, то задержите ее за ввоз в страну птичьей чумы! Да, правильно. — М. повторил последнюю фразу. — Да, да, чума, та самая, что убила всех наших индеек. — «И слава богу», — промурлыкал М., прикрыв трубку рукой. — Нет-нет, я ничего не сказал. С девушкой обращайтесь хорошо. Она не знала, что делает. И скажите ее родителям, что все будет в порядке. Если вам нужен ордер на арест, можете получить его через Франклина. Когда вы ее задержите, скажите об этом Франклину. Он подъедет. Пусть задаст ей парочку простых вопросов. Как только получит ответы, девушку можно освободить. Хорошо? Но мы должны ее найти. Вы поймете почему, когда прочтете доклад. И еще одна работенка. Десять

девушек, подобных Полли Таскер, в любой момент, начиная с завтрашнего дня, могут возвратиться из Цюриха в Англию или Ирландию. Каждую из них нужно задержать в порту или аэропорту въезда. У 007 имеется список имен и довольно приличное описание каждой. Мои люди в Цюрихе, наверное, смогут предупредить нас об их прибытии. Договорились? Да, 007 сегодня вечером привезет списки в Скотленд-Ярд. Нет, я не могу сказать вам, что все это значит. Слишком длинная история. Вы когда-нибудь слышали о биологической войне? Да, правильно. Сибирская язва и все такое. Да, это. Да. Снова Блофелд. Я знаю. Об этом я как раз собираюсь поговорить с 007. Хорошо, Вэлланс, вы все поняли? Прекрасно. — М. выслушал, что сказал Вэлланс, и ухмыльнулся: — И вам счастливого Рождества.

Он положил трубку на место, и кнопка блокировки автоматически выключилась. Через стол М. посмотрел на Бонда.

— Здесь все в порядке, меры примут, — сказал он уставшим голосом. — Вэлланс говорит, что пришло время брать этого Блофелда. Я с ним согласен. И это наша работа. И я весьма сомневаюсь, что швейцарцы нам в этом деле помощники. Даже если рискнут ввязаться, будут топтаться на месте в своих огромных башмаках, недели уйдут, пока дождемся чего-то путного. За это время наш подопечный окажется где-нибудь в Пекине или еще подальше и опять что-нибудь затеет. — М. посмотрел на Бонда в упор. — Какие соображения?

Соображения кое-какие имелись, в этом можно было не сомневаться. Он сделал большой глоток и осторожно поставил на стол стакан с виски. И начал говорить — настойчиво и убедительно. По мере того как он излагал свой план, выражение лица М. становилось все мрачнее.

— И это единственный выход, который я вижу, сэр, — заключил Бонд. — Мне нужен всего лишь двухнедельный отпуск. Если необходимо, готов подать в отставку.

М. еще больше помрачнел, развернул кресло и задумчиво уставился на умирающие язычки пламени в камине.

Бонд сидел неподвижно, ожидая приговора. Он надеялся, что ответ будет положительным. Негативная реакция его тоже вполне устраивала. Черт бы побрал эту горную вершину! Ему вовсе не улыбалась идея побывать на горшке опять.

М. повернулся к Бонду. Серые глаза буравили насквозь.

— Хорошо, 007. Действуйте. Я не могу запрашивать премьер-министра по этому вопросу. Он откажет. Но покончить с Блофелдом раз и навсегда просто необходимо. И пусть меня уволят, но нельзя допустить, чтобы правительство опять влипло в историю вроде знаменитого фиаско с самолетом «У—2». Вы согласны со мной?

— Конечно, сэр. Так вы предоставляете мне двухнедельный отпуск?

— Да.

23. Сигареты «Голуаз» и чеснок

С пистолетом «Вальтер ППК» в кожаной кобуре, чью приятную тяжесть он ощущал на поясе, с паспортом на свое собственное имя Джеймс пересекал Ла-Манш на «Каравелле» и чувствовал себя именно тем, кем он был до того, как стал сэром Хилари Бреем.

Он взглянул на свой новый «Ролекс», который, в связи с тем что магазины были все еще закрыты, он вынужден был обманным путем выудить в секторе «Кью». Смогут ли они быть в Марселе точно по расписанию в 6 часов вечера? Ему здорово пришлось повертеться перед отъездом. Он допоздна засиделся в штаб-квартире. Все сегодняшнее утро работал над фотороботом Блофелда, уточняя детали с Ронни Вэллансом. Он устраивал свою личную жизнь, ведя разговоры с Мюнхеном. Он по телетайпу общался с постом «Зет». Он даже не забыл попросить Мэри Гуднайт связаться после праздников с Сейблом Базилиском и попросить его о любезности:

пусть поработает над фамилиями десяти девушек и подготовит генеалогическое древо Руби Виндзор, украсив его позолоченными заглавными буквами.

В полночь он позвонил Трейси в Мюнхен и услышал ее любимый, взволнованный голос.

— Джеймс, я купила зубную щетку, — сказала она, — и кучу книг. Завтра я собираюсь в Зугшпиц, посидеть на солнышке, чтобы тебе приятно было на меня смотреть. Догадайся, что я ела сегодня на обед! Вообрази — шейки креветок с рисом и сметаной и укропным соусом. И кроме этого, спинку косули в сметанном соусе. Спорим, что я здесь питаюсь, лучше, чем ты.

— А я съел два бутерброда с массой горчицы и выпил полпинты бурбона «Харпер» со льдом. Бурбон был лучше ветчины. Послушай, Трейси, что я тебе скажу, и прекрати дуть в трубку.

— Я всего лишь вздыхаю, как все влюбленные.

— Ну да. В такое случае сила каждого такого дыхания равна по меньшей мере пяти баллам. Но выслушай меня, пожалуйста. Я высылаю тебе завтра утром свидетельство о рождении с письмом на имя английского консула, в котором я пишу, что хочу жениться как можно скорее. Ну что такое, это уже сплошной рев — десять баллов, не меньше. Да выслушай же меня, ради бога. Боюсь, что на это уйдет несколько дней. Они должны будут опубликовать имена вступающих в брак или что-то в этом роде. Он все тебе объяснит. Так вот, тебе тоже нужно быстренько достать свое свидетельство о рождении и передать консулу. Да, это обязательно, а ты что, раздумала? — Бонд рассмеялся. — Тем лучше. Тогда все в порядке. Мне понадобится около трех дней, чтобы закончить работу. Завтра я еду к твоему отцу и буду просить у него твоей руки, обе руки, а также ноги и все остальное. Нет, ты должна оставаться там, где ты есть. Это мужской разговор. Как ты думаешь, не поздно еще позвонить ему прямо сейчас? Хорошо. А ты давай укладывайся спать, а то сил не хватит сказать «да», когда придет время.

Им не хотелось прекращать разговор, но в конце концов последние слова были произнесены, последние поцелуи прозвучали, и Бонд позвонил по марсельскому номеру на фирму «Драко. Электрооборудование» и услышал в трубке голос Марка-Анжа, почти такой же взволнованный, как и у Трейси. Бонд несколько умирил его восторги относительно сроков помолвки.

— Сначала я хотел бы, Марк-Анж, получить от вас свадебный подарок.

— Любой, мой дорогой Джеймс. Все, что у меня есть. — Он засмеялся. — А чего нет, достанем. Так что бы вы хотели получить?

— Я скажу об этом завтра вечером. Я заказал билет на Марсель, вылетаю в полдень компанией «Эр Франс». Могут ли меня встретить? Есть небольшое дело. Нельзя ли пригласить на эту встречу и других директоров? Нам понадобятся все. Речь пойдет о нашей торговой фирме в Швейцарии. Надо, наконец, разобраться с этим вопросом раз и навсегда.

— Ага! — В голосе было полное понимание. — Да, это действительно мешает нашим торговым операциям. Конечно, мои коллеги будут присутствовать. И уверяю вас, мой дорогой Джеймс, что все, что можно сделать, будет сделано. И конечно, вас встретят. Может быть, не я лично. В эти зимние вечера очень холодно. Но я распорядюсь, чтобы за вами приглядели должным образом Спокойной ночи, мой дорогой! Спокойной ночи!

Телефон замолчал. Старая лиса! Он что же думает, что Бонд не принял меры предосторожности? Или у него установлен «жучок» — чуткий прибор, измеряющий сопротивление в цепи и предупреждающий о подслушивании?

Зимнее солнце последний раз оранжево сверкнуло в разрывах густой облачности на высоте десяти тысяч футов и удалилось на покой; двигатели самолета пели колыбельную.

Бонд дремал, думая о том что как-нибудь, и очень скоро, он сможет наконец как следует выспаться.

В порту Бонда встретил театрального вида марсельский таксист. Прототип всех марсельцев. С лицом пирата, с озорным юмором дешевых французских мюзик-холлов. Было очевидно, что он был известной личностью и нравился в аэропорту абсолютно всем. Бонд прошел все формальности в вихре шуточек о «милорде англичанине», что сделало Мариуса, потом оказалось, что имя его было действительно Мариус, центром внимания, а Бонда предметом насмешек, тупоумным английским туристом. Но как только они сели в такси, Мариус через плечо коротко извинился дружеским тоном.

— Прошу простить мои плохие манеры. — Его французский неожиданно стал очень правильным, местный диалект совсем исчез — Мне было приказано поскорее вытащить вас из аэропорта, так чтобы не привлекать внимания. Я знаю всех этих «стукачей» и таможенников. Они меня тоже знают. И если бы я не был водителем такси, которого они знают как Мариуса, и вел себя по-другому, на вас уставились бы десятки пар глаз, очень внимательных глаз. Я хотел сделать как лучше, командир. Надеюсь, вы простите?

— Конечно, Мариус. Но вы выглядели чересчур смешным. Я еле сдерживал себя, чтобы не расхохотаться. А это было бы чревато.

— Вы понимаете местный диалект?

— Пожалуй, да.

— Вот как! — Последовала пауза. — Увы, после Ватерлоо, — сказал Мариус, — нельзя недооценивать англичан.

— Равно как и французов, — произнес Бонд вполне серьезно. — Мы чуть не проиграли битву. — Обмен любезностями, однако, уже успел надоесть. — А что буйабес, эта рыбная похлебка с чесноком и пряностями, что подают «У Гвидо», все еще так же хороша?

— Терпима, — сказал Мариус. — Но это блюдо умерло, исчезло. Нет больше настоящего буйабеса, потому что в Средиземном море не осталось рыбы. Для настоящего буйабеса нужен настоящий морской еж или мякоть рыбы-скорпиона. А они сегодня пускают в ход спинку трески. С добавкой шафрана и чеснока — само собой разумеется. Но с таким соусом можно слопать и некоторые женские филейные части, вымочить как следует — вкуснятина. Зайдите в любой кабачок рядом с гаванью. Возьмите дежурное блюдо и выпейте дешевое вино, которое вам подадут, — и утроба ваша будет так же набита, как желудок простого рыбака. Стул, конечно, будет плохой. А какое это имеет значение? Вы же мужчина. Можно прогуляться по набережной Канебьер и облегчиться в Нуайе, причем совершенно бесплатно.

Ловко лавируя в потоке машин, они проскользнули знаменитую Канебьер, хотя Мариусу понадобились все его легкие для ругани с другими не менее настырными водителями. Бонд чувствовал запах моря. В кафе играли на аккордеонах. С этим самым французским городом, отличающимся жестокими нравами и занимающим ведущее место по количеству совершаемых преступлений, у него были связаны кое-какие воспоминания. Но на этот раз — мелькнуло у него в голове — как это ни смешно, но он вовсе не на стороне закона, он заодно с преступниками.

В конце Канебьер, там, где она пересекала Рю-де-Ром, Мариус повернул направо, а затем налево на Рю-Сент-Феррол, находящуюся на расстоянии броска камня от Ке-де-Белж и Старого порта. Мелькнули сигнальные огни при входе в порт, и такси подъехало к довольно уродливому, но очень новому зданию с широкой витриной на первом этаже, на которой ослепительным неонам горела реклама «Драко. Электрооборудование». Внутри, ярко освещенная, стояла обычная аппаратура — телевизоры, радиоприемники, проигрыватели, а также электроутюги,

вентиляторы и тому подобное. Мариус, подхватив чемодан Бонда, мгновенно пересек тротуар и прошел в дом сквозь вращающиеся двери рядом с витриной. Покрытый коврами холл выглядел роскошно, против всех ожиданий Бонда. Из помещения портье рядом с лифтом вышел человек и, не говоря ни слова, взял у Мариуса чемодан. Мариус повернулся к Бонду, улыбнулся, подмигнул, до хруста пожал руку и, бросив «до встречи», поспешно ушел. Портье стоял у открытой двери лифта. Бонд заметят, что пиджак под его правой рукой слегка оттопыривался, из любопытства он задел его плечом, входя в лифт. Да, внушительная пушка, серьезное оружие. Человек посмотрел на Бонда скучающим взглядом, словно говоря: «Что? Сумничал?» — и нажал на кнопку верхнего этажа. Еще один охранник, двойник или почти двойник портье, темноволосый, с карими глазами, грузноватый, однако в хорошей спортивной форме, ждал на верхнем этаже. Он взял чемодан Бонда и проследовал в конец коридора, покрытого коврами, вдоль стен с подобранными со вкусом бра. Он открыл одну из дверей. За ней оказалась чрезвычайно комфортабельная спальня с ванной и туалетом. Бонд сообразил, что из живописного окна, сейчас затянутого шторами, открывается превосходный вид на гавань. Портье поставил чемодан.

— Мсье Драко, — сказал он, — готов принять вас немедленно.

Бонд подумал, что настало время изобразить некоторую независимость.

— Один момент, — сказал он твердо, — прошу подождать. — И он направился в ванную комнату привести себя в порядок. С удивлением заметил, что мыло было только английское — «Пиэрс трансперент» и другие сорта, что там же стоял шампунь «Юкрис» фирмы «Трампер» и лежали явно предназначенная для мужчины щетка и расческа фирмы «Кент». Что ни говори, а Марк-Анж совершенно очевидно давал возможность своему английскому гостю почувствовать себя совсем как дома!

Бонд не спеша вышел из ванной и последовал за ожидавшим его человеком до двери, находившейся в конце коридора. Тот открыл дверь без стука и притворил ее за Бондом. Навстречу ему поднялся из-за стола (Бонду уже осточертели все эти письменные столы!) Марк-Анж, его изборожденное морщинами смуглое лицо расплылось в широкой золотозубой улыбке. Марк-Анж пересек комнату, обнял Бонда и расцеловал его в обе щеки. Бонд сделал над собой усилие и беззаботно хлопнул Марка-Анжа по широкой спине. Тот слегка отстранился и расхохотался.

— Ну ладно, ладно. Обещаю больше так не делать. В первый и последний раз. Хорошо? Так получилось, не сдержался — южный темперамент. Прощу прощения. Ну, так-то лучше. Проходите, угощайтесь, — он указал на заполненный бутылками сервант, — присаживайтесь, рассказывайте, чем я могу быть полезен. Обещаю не говорить о Терезе, пока не закончим с делами. Но все-таки хотел бы знать, — в карих глазах появилась мольба, — между вами все в порядке? Планы не изменились?

Бонд улыбнулся.

— Конечно нет, Марк-Анж. И все уже готово. Мы поженимся через неделю. В консульстве в Мюнхене. У меня двухнедельный отпуск. Медовый месяц мы, наверное, могли бы провести в Китцбюхеле. Мне нравится это место. И ей тоже. Вы будете присутствовать на церемонии бракосочетания?

— Буду ли я присутствовать! — взорвался Марк-Анж. — Еще не хватало, чтобы меня не пускали в Китцбюхель. — Вон, выпей-ка пока, — он махнул в сторону серванта. — Выпей, а я пока возьму себя в руки. Сейчас надо быть не только счастливым, но и умным. Два моих лучших партнера, два настоящих моих помощника ждут нас. Я просто хотел сам с тобой встретиться на минутку.

Бонд налил себе в стакан со льдом густого терпкого напитка «Джек Даниель» и добавил чуть-чуть воды. Он подошел к письменному столу и сел на правое из трех кресел, которые полукругом стояли напротив кресла главы клана.

— Я тоже хотел сказать вам кое-что, Марк-Анж. То, о чем я собираюсь говорить, затрагивает интересы моей страны. Мне предоставили отпуск, чтобы я смог приехать

сюда и поведать вам о том, что должно остаться «херкос о донтон», как вы выражаетесь, то есть между нами. Здесь придется держать язык за зубами! Вы согласны?

Марк-Анж поднял правую руку и указательным пальцем, нарочито медленно, перекрестил свое сердце. В этот момент: выражение его лица стало угрожающим, жестким, почти каменным. Он наклонился вперед и положил кулаки на стол.

— Продолжай.

Бонд рассказал ему всю историю, не пропустив даже сцен с участием Руби. Он испытывал полное доверие, нежность, чувство уважения к этому человеку. И не мог сказать почему. Частично это объяснялось природным обаянием Марка-Анжа и частично тем, что он без стеснения открыл Бонду свое сердце, он был настолько откровенен с ним, что не скрывал ничего.

Во время рассказа лицо Марка Анжа оставалось непроницаемым. Только его быстрые, звериные глаза словно впивались в лицо Бонда. Когда Бонд закончил рассказ, Марк-Анж откинулся в кресле. Он протянул руку за голубой пачкой сигарет «Голуаз», зажал одну губами и заговорил через клубы синеватого дыма, непрерывно вылетающего изо рта, так, как будто где-то внутри него находился небольшой паровой двигатель:

— Да, действительно грязное дело. С ним нужно кончать, уничтожить все и этого человека тоже. Мой дорогой Джеймс, — его голос стал глуше, — я преступник, я великий преступник. В моем подчинении все притоны, все проститутки, я занимаюсь контрабандой, рэкетом, чем хочешь. Я ворую у очень богатых. Я нарушаю множество законов, и очень часто в процессе этой деятельности мне приходится убивать людей. Может быть, однажды, может быть, очень скоро я исправлюсь. Но трудно в одночасье перестать быть главой клана. Если я потеряю своих людей, за жизнь свою не дам и ломаного гроша. Ну да мы еще пошумим. Но этот Блофелд, да он просто злыдень, вонючая тварь. Ты приехал просить меня объявить ему войну, уничтожить его. Не надо ничего объяснять. Я знаю, что это так. Ведь официально ничего с ним не сделаешь. Твой шеф прав. Со швейцарцами лучше не связываться. Ты хотел бы, чтобы эту работу выполнили я и мои люди. — Внезапно он улыбнулся. — И это тот самый свадебный подарок, о котором ты говорил, не так ли?

— Правильно, Марк-Анж. Но я тоже приму в этом участие. Я тоже там буду. У меня с этим человеком свои счеты.

Марк-Анж задумчиво посмотрел на него.

— Это мне не нравится. И ты знаешь, почему мне это не нравится. — Он мягко улыбнулся. — Ты совсем сошел с ума, Джеймс, скажи спасибо, что остался жив. — Он пожал плечами. — Но что я говорю впустую, ведь тебя не убедить, ты ведешь настоящую охоту за этим человеком. И тебе бы хотелось славно ее закончить. Правильно?

— Да, правильно. Мне не хотелось бы упустить добычу. Затравить лису должен я сам.

— Хорошо, хорошо. Пригласим остальных? Им не нужно знать причины, побуждающие нас действовать. Мои приказы не обсуждаются. Но мы все должны знать, как лучше провести данную операцию. У меня есть кое-какие идеи. Думаю, что шансы есть и это можно сделать красиво. Но работа должна быть чистой. Необходимо все рассчитать, все проверить.

Марк-Анж поднял трубку и что-то сказал. Минуту спустя открылась дверь, вошли двое и, едва взглянув на Бонда, заняли два других кресла.

Марк-Анж кивнул на человека, севшего рядом с Бондом и похожего на огромного быка. У него были оттопыренные уши и переломанный нос, бывший боксер или борец.

— Это Че-Че. Че-Че по кличке Принудитель. — Марк-Анж мрачно улыбнулся. —

Он убедит кого угодно и в чем угодно.

Бонд поймал быстрый, внимательный взгляд тяжелых желто-коричневых глаз, Че-Че взглянул на босса.

— Мое почтение.

— А это Туссен, по кличке Трах. Он специалист по пластиковой взрывчатке. Нам ее много понадобится.

— Да, очень много, — сказал Бонд, — и с очень быстродействующими взрывателями.

Туссен наклонился вперед, как бы представляясь. Он был тощ, кожа землистого цвета. Почти финикийский профиль. Лицо испещрено оспинами. Бонд догадался, что Трах потребляет героин, в меру. На Бонда он посмотрел приветливо и заговорщически улыбнулся.

— Мое почтение, — и он опять откинулся в кресле.

— А это, — Марк-Анж указал на Бонда, — мой друг. Мой дорогой друг. Вы можете называть его командир. А теперь к делу. — Если вначале Марк-Анж говорил по-французски, то теперь перешел на быструю корсиканскую речь, которую Бонд совсем не понимал, схватывал только отдельные слова с итальянскими и французскими корнями. Марк-Анж, продолжая говорить, достал из ящика стола крупномасштабную карту Швейцарии, расстелил ее, поводил по ней пальцем и указал на точку в центре Энгадина. Эти двое вытянулись вперед, посмотрели на карту и сели на место. Че-Че произнес что-то, Бонд уловил только название Страсбурга, а Марк-Анж удовлетворенно качнул головой. Он повернулся к Бонду и протянул ему большой лист бумаги и карандаш.

— Будь пай-мальчиком и займись работой, хорошо? Нужен план «Глории», все постройки, их приблизительные размеры, расстояние друг от друга. Позже мы изготовим полный макет из пластилина, так чтобы нам ничего не перепутать. Каждому будет поставлена своя задача, — он улыбнулся, — как десанникам во время войны. Понимаешь?

Пока они говорили, Бонд принялся за дело. Зазвонил телефон. Марк-Анж поднял трубку. Произнес несколько отрывистых фраз и затем повернулся к Бонду, взгляд был подозрительным.

— На мое имя пришла телеграмма. Из Лондона. Подписана «Юниверсал». Текст следующий: «Все пташки уже в городе, улетают завтра». Что это значит, мой друг?

Бонд выругал себя за забывчивость.

— Прошу прощения, Марк-Анж. Я не успел предупредить, что может поступить такой сигнал. Это означает, что девушки уже в Цюрихе и завтра вылетают в Англию. Очень хорошие новости. Важно, чтобы их там не было, чтобы не мешались.

— Так, хорошо! Очень хорошо! Прекрасные новости. И правильно, что телеграмма послана не на твое имя. Будем считать, что тебя здесь нет и мы незнакомы. Так будет лучше. — Он выпалил еще что-то на корсиканском, и оба его помощника в знак понимания кивнули головами.

Вскоре после этого встреча быстро подошла к концу. Марк-Анж внимательно изучил произведение Бонда и передал его Туссену. Тот взглянул на набросок и осторожно сложил его, словно имел дело с каким-то важным финансовым документом. Кивнув Бонду, Трах и Принудитель покинули комнату.

Марк-Анж вздохнул с облегчением.

— Все идет хорошо, — сказал он. — Вся команда получит за риск неплохие деньги. Они любят хорошую жесткую драку. И они остались довольны тем, что я сам поведу их. — Он хитро рассмеялся. — В тебе они не так уверены, мой дорогой Джеймс. Говорят, что ты будешь только мешать. Пришлось разъяснить им, что можешь дать кое-кому форму, в драке и перестрелке последним не будешь. Когда я говорю так, мне верят на слово. Я их еще никогда не обманывал. Надеюсь, ты меня

не подведешь?

— Постараюсь, — сказал Бонд. — Однако с корсиканцами силами никогда не мерялся, да и желания сейчас такого у меня нет.

Марк-Анж остался доволен его ответом.

— Пистолетом, может быть, ты владеешь лучше, но в ближнем бою с ними не совладаешь. Отчаянный народ и настоящие мясники. Большие свиньи. Величайшие. С собой беру пятерку лучших. Да нас двое, итого семь. Сколько, говоришь, людей на горе?

— Человек восемь. И сам Блоффелд.

— Ну да, и сам тоже, — сказали задумчиво Марк-Анж. — Уйти от нас он не должен. — Он поднялся. — А теперь, мой друг, надо пообедать. Я заказал хороший обед, который нам подадут прямо сюда. А потом, провоняв чесноком и как следует набравшись, мы завалимся спать. Идет?

— Лучше ничего и не придумаешь, — с легким сердцем согласился Бонд.

24. Кровь доставляют по воздуху

На следующий день после обеда Бонд отправился в отель «Мэзон руж» в Страсбурге, сначала самолетом, потом поездом. Несло от него за версту, разило чесноком и прочим белее чем основательно.

Он с удовольствием провел несколько часов в обществе Марка-Анжа в Марселе и не мог не радоваться радужным перспективам, которые открывались перед ним, — работа, подходящая к концу, и в финале — встреча с Трейси.

Утром они подробно обсудили все варианты, используя подготовленный за ночь макет пика Глория и всех расположенных на нем строений. Приходили какие-то незнакомые Бонду люди, получали указания на малопонятном ему диалекте и быстро исчезали — лица эти доверия не внушали, это были самые натуральные бандитские морды, но роднило их, несомненно, выражение глубокого почтения к главе клана. Огромное впечатление произвели на Бонда энергичное поведение и особая предусмотрительность, с которой Марк-Анж решал все проблемы, будь то вопросы, связанные с приобретением вертолета или выплатой компенсации семьям его людей, которые могут погибнуть во время операции. Идея с вертолетом Марку-Анжу не понравилась.

— Видите ли, мой друг, — объяснил он Бонду, — достать вертолет мы можем только в одном месте, у оасовцев, у французской подпольной армии правого толка. Так случилось, что они мне кое-чем обязаны, я их здорово выручил в свое время, так что вертолет мне дадут. Но вот в политические дела мне бы залезать не хотелось. Мне хочется, чтобы страна, где я работаю, была мирной и спокойной. Терпеть не могу революций. Они ведут только к хаосу. Сегодня я ни одного дела не могу повернуть спокойно — того и гляди помешает какое-нибудь введение чрезвычайного положения, вызванного деятельностью алжирских террористов, облавой на них или еще какой операцией против этих проклятых оасовцев. А проверка на дорогах, все эти патрули! А поголовные обыски! Все это отравляет мое существование. Мои люди и шагу не могут ступить, чтобы не выйти на «стукачей» или агентов французской секретной службы; вы, я надеюсь, знаете, что недавно сформировано новое подразделение — СДТ. Эти таинственные сокращения будут почище, чем у русских. СДТ — это отдел по борьбе с внутренними врагами, это защита отечества. Подчиняется министерству внутренних дел, одна из самых неприятных организаций, и проникнуть в нее совсем не легко. Это вам не доброй памяти Второе управление. Людям мирным СДТ испортило много крови. Но в ОАС у меня, естественно, есть свои люди, и я точно знаю, что они располагают и военным вертолетом, который украли у армейской части. Прячут они его в замке,

расположенном на Рейне, недалеко от Страсбурга. Замок принадлежит одному безумному графу, фашисту. Он один из тех французов, которые жить не могут без заговоров. Как раз теперь он поставил на генерала Салана, рискнул всем состоянием и недвижимостью. Его замок находится в уединенном месте. Сам он играет роль некоего изобретателя. И людей, работающих у него в поместье, не удивляет, что в сарае стоит какой-то летательный аппарат и что его обслуживают механики — механики из ОАС, само собой разумеется. Так вот, сегодня рано утром я поговорил по радио с кем нужно. Машину мне одолжат, отдадут на 24 часа. Будет и пилот, лучший в подпольных военно-воздушных силах. Пилот уже в пути, он должен подготовиться, заправить машину и все такое прочее. Однако это очень неприятно. Раньше они у меня были в долгу. А теперь — я у них! — Он пожал плечами. — Хотя какое это имеет значение? Скоро я их опять прижму как следует. Ведь половина всех полицейских и таможенников во Франции — корсиканцы, а это для Корсиканского союза большое подспорье. Ясно?

В «Мезон руж» для Бонда был зарезервирован прекрасный номер. Встретили его с преувеличенной любезностью и в то же время с некоторой сдержанностью. Как же далеко распространялась власть Корсиканского союза, где он только не имел своих помощников. Бонд, не нарушая традиций города, съел простой обед, состоявший из гусиной печенки, розовой и сочной, и полбутылки шампанского, после чего с удовольствием отправился спать. Все следующее утро он провел в своем номере, потом переоделся в лыжный костюм, попросил принести ему горнолыжные очки и тонкие кожаные перчатки — руки в них будут защищены, и в то же время он всегда может воспользоваться оружием. Он разрядил пистолет, не забыв вынуть пулю из патронника, и несколько раз, пока не остался доволен собой, попробовал перед большим зеркалом в шкафу, не мешают ли перчатки обращаться с оружием. Затем он перезарядил пистолет и приладил кобуру из свиной кожи на пояс брюк. Он попросил принести счет, оплатил его и сказал, чтобы чемодан отправили в гостиницу «Вир Ярезитен», к Трейси. Потом он велел принести свежие газеты и сел перед окном, поглядывая время от времени на улицу и тут же забывая, что читает.

Когда ровно в полдень зазвонил телефон, он сразу спустился и подошел к серого цвета «Пежо-403», ожидавшее его. За рулем сидел Че-Че. Он кивнул в ответ на приветствие Бонда, и около часа в полном молчании они ехали по ничем не примечательной сельской местности, пока наконец не свернули с шоссе влево на грязную узкую дорогу, петлявшую по густому лесу. Так они добрались до полуразрушенной каменной стены на границе какого-то поместья, а затем оказались перед огромными сломанными железными воротами, за прутьями которых виднелся парк. На заросшей сорняками дорожке, ведущей к замку, были видны следы недавно проехавших машин. По этой колее, мимо обветшавшего фасада когда-то величественного замка и далее через лес к опушке, обрывавшейся полем, они подкатили к огромному амбару, по всей видимости недавно отремонтированному. Остановились рядом с ним, и Че-Че три раза просигналил. Маленькая дверка в широких двустворчатых воротах амбара открылась, и из нее вышел Марк-Анж. Он приветливо поздоровался с Бондом:

— Заходите, мой друг. Вы как раз вовремя — у нас прекрасная страсбургская колбаса и вполне сносное вино, хотя и слабоватое — для любителей легких развлечений; жаждут впрочем, утолить можно.

Внутри амбар был похож на съемочную площадку. Неуклюжий военный вертолет был освещен яркими лампами, откуда-то доносилось покашливание небольшого генератора. Казалось, что в сарае полно народа. Бонд узнал лица людей из Корсиканского союза. Остальные, по-видимому, местные «механики». Двое, стоя на стремянке, были заняты тем, что красной краской рисовали на белых квадратах, выделявшихся на черном фюзеляже, кресты. Четко выделялся на борту и еще не

просохший опознавательный номер машины FL-BGS, якобы обозначающий принадлежность вертолета к гражданской авиации. Бонда представили пилоту, молодому светловолосому человеку с блестящими глазами; он был одет в комбинезон, звали его Жорж.

— Ты сядешь сзади него, — сказал Марк-Анж. — Он хороший штурман, но не знает последнего отрезка пути — из долины и вверх, и он никогда не слышал о пике Глория. Сначала закуси, а потом поработай вместе с ним над картой. Основной маршрут: Базель-Цюрих. — Он весело рассмеялся. — Нам придется некоторое время поддерживать довольно занятную беседу со швейцарской ПВО, — произнес он по-французски, — не так ли, Жорж?

Жорж не улыбнулся.

— Думаю, мы их одурачим, — коротко ответил он и пошел заниматься своими делами.

Бонду дали большой кусок чесночной колбасы, ломоть хлеба и бутылку вина. Устроился он на перевернутом ящике. Марк-Анж решил проследить, как идет погрузка «имущества» — автоматов и 6-дюймовых квадратных пакетов в красной клеенке.

Спустя некоторое время Марк-Анж выстроил свою команду, включая Бонда, и произвел инспекцию личного оружия; у всех людей из Корсиканского союза оказались, помимо прочего, острые финки, которые, судя по виду, не раз пускали в дело. Вся группа, включая Марка-Анжа, была одета в новехонькие лыжные костюмы серого цвета. Всем Марк-Анж вручил черные нарукавные повязки, на которых аккуратно было вышито: «Горная полиция».

— Никакой официальной альпийской полиции не существует, — пояснил Марк-Анж, отдавая повязку Бонду, — но сомневаюсь, чтобы наши друзья из СПЕКТРа знали об этом. По крайней мере, в начале операции повязки произведут надлежащее впечатление. — Марк-Анж посмотрел на часы. — 2:45. Все готовы? — спросил он громко по-французски и повернулся. — Тогда поехали!

Сквозь широко открытые ворота амбара вертолет с помощью трактора вывезли наружу, огромное металлическое насекомое стояло теперь на рыхлой земле, освещенное бледным зимним солнцем: Трактор отъехал, и пилот, а за ним и Бонд, взобрались по небольшой алюминиевой лестнице в кабину и пристегнулись ремнями. Все остальные погрузились в десятиместный салон, лестницу убрали, дверь закрыли и заперли. «Механики», оставшиеся на земле, подняли вверх большие пальцы, и пилот склонился к рычагам управления. Он нажал на стартер, и после первого нерешительного покашливания двигатель заработал, огромные лопасти начали вращаться. Пилот оглянулся на вращающийся хвостовой винт. Он подождал, пока стрелка индикатора скорости винта достигла отметки 200, затем снял шасси с тормозов и медленно потянул на себя рычаг. Вертолет задрожал, как бы не желая отрываться от земли, затем слегка дернулся, и они, поднявшись над деревьями, стали быстро набирать высоту. Пилот убрал шасси, развернул машину над поднявшимися снежными смерчами, переключил скорость, и они тронулись в путь.

Очень скоро вертолет оказался над Рейном, Базель лежал впереди, закрытый плотной пеленой тумана. Они достигли двух тысяч футов и, держась на этой высоте, обошли город с севера. В наушниках Бонда послышался треск атмосферных помех — швейцарская служба контроля за воздушным пространством на сочном, густом немецком вежливо попросила их сообщить свои опознавательные данные. Пилот не ответил, и вопрос повторили более настойчиво.

— Я вас не понимаю, — сказал по-французски пилот.

Последовала пауза, затем, уже на французском, задали тот же вопрос.

— Повторите, не слышу, — сказал пилот.

Вопрос повторили.

— Вертолет Красного Креста с грузом плазмы на борту, кровь везут в Италию. Радио замолчало. Бонд мог себе представить, что происходило там, в диспетчерской, где-то далеко внизу, — недоумение, споры, сомнения.

— Куда вы направляетесь? — спросил другой, более властный голос по-французски.

— Одну минуту, — ответил пилот, — сейчас скажу.

Прошло еще несколько минут.

— Диспетчерская служба? Швейцария? — спросил пилот.

— Да-да, вас слышу, — раздался голос с земли. — Говорит борт FL-BGS. Направляюсь в госпиталь Санта-Моника в Беллинцоне.

Радио опять замолчало, но через пять минут заговорило вновь:

— FL-BGS, вызываю борт FL-BGS.

Пилот вышел на связь.

— Слушаю вас.

Земля сразу отреагировала:

— Мы не можем опознать вас. Сообщите данные о себе.

Пилот вновь нашелся:

— Вы, должно быть, пользуетесь устаревшей документацией. Воздушное судно стало совершать полеты только с прошлого месяца.

Последовала длинная пауза. Внизу уже лежал Цюрих и серебряный бумеранг горного массива. Теперь и цюрихский аэропорт вышел на связь:

— FL-BGS, вызываем FL-BGS, — должно быть, они услышали запрос диспетчерского контроля.

— Да, слышу вас. В чем дело? — спросил пилот.

— Вы создаете угрозу воздушному сообщению. Приземляйтесь и доложите диспетчерской службе. Повторяю. Приземляйтесь и доложите диспетчерской службе.

Пилот взорвался:

— Что вы имеете в виду? Вам что, не понятно, что речь идет о человеческой жизни? Это экстренный полет, у нас на борту плазма крови очень редкой группы. Она предназначена для спасения жизни одного выдающегося итальянского ученого в Беллинцине, что за бесчеловечность! Вы что там внизу, рехнулись? Вы приказываете сесть и доложить по инстанции, когда на карту поставлена жизнь человека? Вы что, хотите взять на себя такую ответственность? Хотите стать убийцами?

Этот взрыв благородного французского негодования дал им возможность некоторое время спокойно продолжать полет. Внизу пошли горы. Бонд посмеивался про себя. Взглянув на пилота, он поднял вверх большой палец.

— FL-BGS, вызываю борт FL-BGS, — теперь они вошли в диспетчерскую зону Берна. — Кто дал вам разрешение на полет? Повторяю, кто дал вам разрешение на полет?

Бонд чуть не расхохотался, когда услышал ответ:

— Вы и дали.

Вот враль. Такого ему слышать не приходилось. Теперь впереди них были Альпы — эти проклятые Альпы, которые выглядели такими красивыми и полными опасности в лучах вечернего солнца. Вскоре они будут вне досягаемости радаров, их укроют долины. Но в Берне не хотели успокаиваться, там быстро проверяли полетные листы, и вскоре до них опять донесся унылый голос. Там, должно быть, наконец, уяснили, что их переговоры слышат в каждом аэропорту и на борту каждого самолета, оказавшегося в этот вечер в воздушном пространстве Швейцарии.

— FL-BGS, — голос звучал вежливо, но твердо. — Диспетчерский контроль не располагает о вас никакими данными. Весьма сожалею, но вы нарушили воздушное пространство Швейцарии. Если не можете сообщить никакой дополнительной информации о правомерности вашего полета, пожалуйста, вернитесь в Цюрих и

явиться в диспетчерскую службу.

Вертолет качнулся. В какой-нибудь сотне ярдов от него промелькнула серебряная стрела «Миража» со швейцарскими опознавательными знаками на крыльях; истребитель развернулся и, оставляя на этой низкой для него высоте хвост черного дыма, опять пошел курсом прямо на них, отвернув влево только в самый последний момент. Вертолет опять тряхнуло. Пилот сердито заговорил в микрофон:

— Федеральный контроль за воздушным пространством, говорит FL-BGS. За дальнейшей информацией обратитесь в Международный Красный Крест в Женеве. Я всего лишь пилот, а не какая-нибудь канцелярская крыса, бумажная душа. Если вы потеряли какие-то документы, то я-то здесь при чем? Повторяю, свяжитесь с Женевой и проверьте. А пока, будьте так добры, снимите с моего хвоста военно-воздушные силы Швейцарии, которые так стараются вызвать у моих пассажиров приступ воздушной болезни.

Голос снова возник, но звучал уже слабее, мешали горы.

— Кто ваши пассажиры?

И тут пилот выложил свою козырную карту:

— Представители международной прессы. Они слушают всю эту глупость именно там, где находится местопребывание знаменитого Международного Красного Креста. Советую вам, господа, внимательнее читать завтра утренние газеты. И оставьте нас, наконец, в покое. А в сводках отразите, пожалуйста, что советские военно-воздушные силы пока еще не вторглись, повторяю, не вторглись в пространство Швейцарии.

«Мираж» исчез. Наступила тишина. Вертолет летел в долине, и они уже прошли Давос. Золоченые вершины сверкающих гор окружали их, казалось, со всех сторон. Впереди поднимались остроконечные пики. Бонд посмотрел на часы. Оставалось еще десять минут лета.

Он повернулся и посмотрел вниз, в люк. Марк-Анж и остальные уставились вверх, их напряженные лица освещали синевато-серые лучи заходящего солнца, проникавшие через окна, в глазах сверкали красноватые отсветы.

Бонд подбадривающе поднял большой палец вверх. Потом растопырил все десять пальцев в тонких кожаных перчатках.

Марк-Анж кивнул. Люди заерзали на сиденьях. Бонд отвернулся и посмотрел вперед, ища глазами ту вершину, которую он ненавидел и боялся.

25. Ад крошечный и тому подобное

Да, вот оно, проклятое место! Теперь золотилась только сама вершина. Плато и здания на нем ушли в тень цвета индиго, вскоре их высветит полная луна.

Бонд указывал направление. Вертолету на этой высоте приходилось трудно, воздух разрежен. При 10 тысячах футов несущие винты могли подвести, и пилот изо всех сил старался держать двигатель на максимальных оборотах. Когда он повернул влево, в сторону горы, в наушниках затрещало, и резкий голос произнес по-немецки, а потом и по-французски: «Посадка запрещена. Это частная собственность. Повторяю, посадка запрещена!» Пилот поднял руку и выключил радио. Еще на макете он выбрал место предварительной посадки. Вот они уже над ним, вертолет завис в воздухе и мягко приземлился. Машина качнулась и замерла. Внизу их уже ждала группа людей. 8 человек. Бонд кое-кого узнал. Все они держали руки в карманах. Двигатель кашлянул и остановился, лопасти винта, провернувшись, замерли. Бонд услышал, как со стуком открылась дверь позади него и люди сгруппировались у лестницы. Две группы людей стояли лицом друг к другу.

— Мы — патруль федеральной альпийской полиции, — повелительно произнес Марк-Анж. — Здесь были какие-то беспорядки накануне Рождества. Мы прибыли

узнать, в чем дело.

— Здесь уже была местная полиция, — сердито ответил фриц, так называемый «старший официант», — они уже составили свой отчет. Все в порядке. Пожалуйста, немедленно освободите территорию. И что это за патруль федеральной альпийской полиции? Никогда не слышал о таком.

Пилот слегка толкнул локтем Бонда и указал налево, в сторону зданий, где располагались лаборатории и апартаменты графа. Какой-то мужчина, выглядевший неуклюже в шлеме и костюме бобслеиста, бежал вниз по дорожке к станции подвесной дороги. Люди, находившиеся у вертолета, не могли его видеть.

— Проклятье! — воскликнул Бонд и, выбравшись со своего сиденья, ринулся в салон вертолета. Он высунулся из двери и закричал: — Главарь! Вон там — он уходит!

Когда Бонд спрыгнул, один из людей СПЕКТРа закричал: «Англичанин! Шпион!» И как только Бонд бросился вправо, увертываясь, бросаясь то в одну, то в другую сторону, начался ад крошечный. В ход пошло автоматическое оружие, команда СПЕКТРа произвела первые выстрелы, пули засвистели вокруг Бонда, издавая звук, похожий на шум птичьих крыльев. Затем раздался ответный треск автоматов, и Бонда оставили в покое.

Вот он уже за углом клуба, а в ста ярдах от него, вниз по склону, у самой подвесной дороги, мужчина в защитном шлеме уже распахнул двери «гаража». Вот он выскочил наружу, держа в руках сани-одиночки. Прикрываясь ими как щитом, он выпустил по Бонду длинную очередь, опять совсем рядом захлопали крылышки. Бонд опустился на колени и, зажав свой «Вальтер» обеими руками, сделал три выстрела, но мужчина уже бежал к сверкающему отверстию желоба «Глория-экспресс». При свете луны Бонд увидел профиль этого человека. Сомнений не осталось — Блофелд! Еще когда Бонд бежал вниз по склону, Блофелд успел впрыгнуть в сани и сразу исчез, будто испарился, взметнув бриллиантовую пыль. Бонд добежал до «гаража». Проклятье! Там были только шести— и двухместные сани! Хотя нет, вон там, в самом конце, стояли одиночки. Бонд схватил сани. Проверить полозья времени не было, ручка управления, кажется, ходила легко! Он побежал к старту, нырнул под оградительную цепь и сильным рывком бросил свое тело в сани, сумев лишь наполовину забраться в них. Он весь сжался на этой хлипкой алюминиевой платформе и схватился за ручку управления, прижав локти к бокам. Он уже мчался вниз, по синему желобу, с бешеной скоростью. Попытался притормаживать ботинками. Но тщетно. Что там впереди, чего ждать на этой чертовой дорожке? Где-то здесь желоб по прямой пересекал склон, а потом — длинный изгиб поворота, обнесенный насыпью. Вот он уже и на этом повороте! Бонд резко наклонился вправо и повернул ручку управления. Даже после этих маневров на вираже он промчался в опасной близости от верхнего края насыпи, затем вновь нырнул в темноту желоба. Что же там дальше, что было на той металлической карте? Какого черта он не изучил ее как следует? Вот и ответ на вопрос! Хотя спуск казался прямым, на самом деле тени обманывали, желоб резко шел под уклон. Сани оторвались от земли и пролетели некоторое расстояние по воздуху. При приземлении удар был настолько силен, что у Бонда захватило дух. Он изо всех сил — отчаянно — уперся ботинками в лед, скорость немного уменьшилась, вместо 50 миль в час теперь он делал, вероятно, 40. Ну что ж! Так — а вот и «Прыжок мертвеца». А что там дальше, на закуску, перед смертью? Ну да — «Перед вами чудо-юдо!» Так и есть! Целых 200 ярдов сплошной экзотики, а скорость у него порядка 70 миль в час. Он вспомнил, что на финишной прямой спуска «Креста» скорость доходит до 80 миль. Стало быть, и здесь еще все впереди. Вот и замелькали уже серебряные и черные пятна — это, кажется, «Сумасшедший зигзаг», ничего не скажешь — шикарная штука. Бонд изо всех сил прижал ботинки к черному льду, он

все-таки надеялся притормозить. Прямо перед собой он видел параллельные следы от полозьев саней Блофелда, а между ними — канавки от шипов. Старая лиса! Едва услышав о вертолете, он сразу приготовился к единственному для него пути спасения. Но если Бонд будет мчаться с такой скоростью, то наверняка догонит его. Только бы не вмазаться! Вот и зигзаг. Здесь он почти бессилён. Как мог, Бонд пытался маневрировать телом, локтем протаранил стену, его тут же отбросило на противоположную сторону, а потом опять — на середину прямой. Боже милостивый! Как же больно! Он ощутил холод ветра на обоих локтях. Рукава в клочья! Значит, содрало и кожу! Бонд стиснул зубы. А ведь он проехал лишь половину дистанции, и хорошо, если половину! Но вот впереди, в лунном свете, показался человек — Блофелд! Бонд рискнул, приподнялся на одной руке и полез за пистолетом. Его чуть не сорвало с саней ветром, но оружие он достал. Он открыл рот и зубами расстегнул затвердевшую от холода кожаную кобуру. Захватил рукоятку пистолета правой рукой, оторвал ботинки ото льда и помчался как сумасшедший. Но в это время Блофелд исчез в тени огромного вала, возвышавшегося впереди. Это, должно быть, «Ад крошечный». Ну да ладно, если он одолеет и этот участок, впереди будет еще одна прямая — тогда он и начнет стрелять. Бонд опять уперся ботинками в лед, перед ним промелькнула ледяная стена, левее, и он мгновенно взлетает на нее, лезет прямо вверх! Господи! Через долю секунды он перелетит через край. Бонд уперся в лед правым ботинком, накренился вправо и рванул ручку управления. С трудом этот кусок алюминия подчинился ему; Бонд перестал лезть на вершину, когда до катастрофы оставались буквально считанные дюймы; он снова нырнул вниз — сначала чернота желоба, потом — по прямой в лунном свете. Другая летящая в желобе фигура находилась от него ярдах в 50 — лед фонтанами бил из-под шипов ботинок. Бонд затаил дыхание и сделал два выстрела. Он думал, что они были удачными, но Блофелд опять скрылся в тени. Однако Бонд настигал его неотвратимо. Бонд приоткрыл губы в почти зверином оскале.

— Ах ты гад! Теперь не уйдешь! Ни останавливаться не можешь, ни отстреливаться. А я бью словно молния! Расстояние сокращается, еще немного — и останется 10,5 ярдов. Вот тогда и схлопочешь!

Но тени таили еще одну опасность, длинные поперечные ледяные валы — отрезок трассы под названием «Вытряси всю душу». Бонд бился в этих ледяных волнах, чувствуя, что ботинки, которыми он пытался тормозить, вот-вот слетят с ног, он чуть не выронил пистолет, живот его приклеился к позвонкам, а грудная клетка трещала при каждом ударе. Но вдруг все окончилось, и Бонд втянул в себя воздух через сжатые зубы. Теперь уж только по прямой! Но что это там впереди, прямо на трассе? Что-то черное, размером с большой лимон, весело подпрыгивает, как детский резиновый мячик. Неужели Блофелд, от которого его отделяло всего лишь каких-то 30 ярдов, выронил что-то, потерял что-нибудь из своей экипировки? Так ли все просто? И вдруг Бонд с ужасом, от которого почти стошнило, понял, что это могло быть. Он заскрежетал ботинками по льду. Бесполезно! Он приближался к весело подпрыгивающему предмету, летел прямо на него. На гранату!

Бонд, взмокнув от страха, поднял ноги и неудержимо рванулся вниз. Когда она должна взорваться? Когда Блофелд выдернул чеку? Ему оставалось только молиться богу и попытаться обогнать ее! В следующее мгновение Бонд почувствовал, как желоб взметнулся вверх гигантским взрывом, сани летели по воздуху. Он приземлился в мягкий снег, сани упали на него, и он сразу потерял сознание.

Позже Бонд понял, что пролежал без памяти только несколько минут. Страшный взрыв на горе привел его в чувство, и он попытался встать на ноги, по пояс в снегу. Двигаясь как в тумане, он посмотрел наверх, откуда раздался взрыв. Должно быть, взлетело на воздух здание клуба, было видно ослепительное пламя и столб дыма, поднимавшийся в небо. Раздалось эхо еще одного взрыва, и здание, где жил

Блофелд, развалилось; огромные обломки с шумом и треском покатались с горы, они превращались в большие снежные шары, которые скатывались к границе леса. Господи, кажется, опять лавина, промелькнуло в голове Бонда. Потом он понял, что на этот раз это не имело значения, он находился намного правее, почти под подвесной дорогой. Но вот взлетела на воздух и сама станция; Бонд, замороженный, смотрел на то, как огромные лопнувшие тросы с шипением, извиваясь как змеи, поползли вниз по горе прямо на него. Он был абсолютно бессилен, оставалось только стоять и ждать. Если собьют его с ног, захлестнут — ничего не поделаешь. Но они пролетели мимо, взвихрив снег, обмотались вокруг высокой опоры, возвышавшейся на опушке леса, вырвали ее из земли с металлическим скрежетом и пропали на склоне.

Бонд тихо засмеялся от удовольствия и стал ощупывать себя, проверять, насколько цел. Об ободранных локтях он уже знал, но еще ужасно жгло лоб. Он осторожно дотронулся до него, потом зачерпнул ладонью снег и приложил его к ране. При лунном свете кровь казалась черной. Болело все тело, но, кажется, он ничего не сломал. Он нагнулся, потрясенный, к тому, что осталось от саней. Ручка управления отлетела, возможно, защитив его голову, полозья согнулись. Все заклепки страшно дребезжали, но, возможно, эта штукавина еще поедет. В конце концов, она должна поехать. По-другому ему с горы не спуститься! Пистолет? Куда там к черту, конечно, пропал. С трудом Бонд перелез через стену желоба и, крепко держась за развалившиеся сани, стал осторожно сползать вниз. Как только он достиг дна желоба, заскользил вниз, успев плюхнуться на сани, которые стали неуверенно двигаться вперед. Погнутые полозья на поверку оказались сущим благом, они глубоко врезались в лед и медленно несли его вниз, оставляя за собой искореженную трассу. Были еще повороты, опасные места, но при скорости 10 миль в час все это казалось детской игрой. Бонд уже проехал мимо верхней границы леса и вышел на «Райскую аллею», на финишную прямую, где сани, замедляя ход, совсем остановились. Бонд вылез из саней и перебрался через низкий ледяной вал. В этом месте снег был утопан зрителями, и он медленно поковылял дальше, стараясь не задевать ушибленные места и время от времени прикладывая горсть снега ко лбу. Что он найдет внизу, у станции подвесной дороги? Если там окажется Блофелд, то Бонд пропал! Но на станции не было видно огней, а оборванные тросы печально свисали до самой земли. Честное слово, взрывники поработали на славу! Но что стало с Марком-Анжем и его парнями, что с вертолетом?

Как бы в ответ на свой вопрос он услышал шум двигателя вверху в горах, и через минуту нескладной черной тенью вертолет скользнул по луне и исчез в долине. Бонд усмехнулся. Уж теперь-то им придется несладко, как-то на этот раз удастся вертолету вырваться из швейцарского воздушного пространства. Хотя Марк-Анж продумал и запасной путь — через Германию. Впрочем, это тоже дело нешуточное. Беседовать придется с диспетчерским контролем НАТО. Ну что ж, если уж марсельцы не смогут выкрутиться, не смогут проскочить какие-нибудь 200 миль, тогда что же говорить остальным!

На дороге из Самадена, так хорошо знакомой Бонду, вдруг завывала сирена пожарной машины. Мерцающий красный свет на крыше кабины был виден на расстоянии мили. Бонд, осторожно приближаясь к углу погруженной в темноту станции подвесной дороги, уже придумывал более или менее правдоподобную версию своего рассказа. Он почти ползком добрался до стены здания и огляделся вокруг. Никого! И ничего — кроме свежих следов от шин перед входом. Должно быть, Блофелд позвонил своему человеку сюда вниз до того, как покинул логово наверху, с помощью этого человека и его машины он рассчитывал скрыться. В какую же сторону они поехали? Бонд вышел на дорогу. Следы машины уходили влево. Вполне вероятно, что Блофелд сейчас на перевале Бернина, а может быть, уже проскочил

его и спускается вниз в Италию — ищи ветра в поле. Есть, пожалуй, возможность задержать его у границы, если помогут пожарные с той машины, фары которой сейчас освещали Бонда. Нет! Что за идиотизм! А откуда, простите, все это вам известно, если вы не были этой ночью на пике Глория? Нет, он должен играть роль самого тупого туриста в Энгадине!

Ярко-красная машина остановилась перед станцией подвесной дороги, клаксон прозвучал с металлическим стоном. Из машины выпрыгнули люди. Некоторые из них вошли в здание станции, в то время как другие стояли, уставившись на пик Глория, где все еще виднелось красноватое зарево. Мужчина в остроконечной шапке, скорее всего капитан пожарной команды, подошел к Бонду и приветствовал его. Он стал что-то быстро говорить по-немецки. Бонд покачал головой, показывая, что ничего не понял. Капитан попытался заговорить по-французски. Бонд опять показал, что не понимает. Позвали другого пожарного, немного знавшего английский.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Бонд, изображая изумление, покачал головой.

— Понятия не имею. Я шел пешком из Понтресины в Самаден. Приехал на однодневную экскурсию из Цюриха и опоздал на свой автобус. Собирался сесть на поезд в Самадене. Потом, когда услышал взрывы там, в горах, — он неопределенно махнул рукой вверх, — пошел сюда к станции, чтобы посмотреть, затем меня кто-то ударил по голове и потащил по дороге. — Он показал на свою голову, всю в крови, на разбитые локти, которые торчали из разодранных рукавов. — Должно быть, это был оборвавшийся трос. Наверное, это им меня ударило и потащило. У вас есть с собой аптечка?

— Да, да. — Капитан крикнул что-то остальным, и один из его коллег в нарукавной повязке с красным крестом достал из машины свой черный чемоданчик и подошел к ним. Он пощелкал языком, глядя на ушибы и раны Бонда, и пока человек, разговаривавший с Бондом, пересказал его историю капитану, врач пригласил Бонда последовать за ним в туалет в здании станции. Там при свете фонаря он промыл Бонду раны, смазал их йодом, от которого ужасно щипало, и наложил широкие полоски эластичного пластыря. Бонд посмотрел на себя в зеркало и рассмеялся. Ну и жених! Вот так рожа! Человек с красным крестом на нарукавной повязке прокудахтал что-то в знак сочувствия, вытащил из чемоданчика фляжку с бренди и протянул ее Бонду. Бонд взглянул на него благодарно и сделал большой глоток. Вошел переводчик.

— Мы здесь ничего сделать не можем. Нужен вертолет из отряда горных спасателей. Нам нужно возвращаться в Самаден и доложить о случившемся. Хотите поехать?

— Конечно хочу, — сказал Бонд с готовностью. Очень учтиво и вежливо, не задав ему ни одного вопроса, зачем это, к примеру, ему понадобилось идти пешком по льду в Самаден в такой темноте, вместо того чтобы взять такси, его со всеми удобствами доставили в Самаден и там, выразив самые глубокие симпатии, вполне доброжелательно отпустили с богом — высадили у железнодорожной станции.

В два часа утра Бонд оказался на Банхофштрассе в Цюрихе, у дверей квартиры начальника поста «Зет»; в Цюрих добрался на поезде — Персоненцуг-Куар, а потом экспрессом. В поезде он немного вздремнул, но все равно почти валился с ног, тело ныло так, как будто его долго били деревянными дубинками. Он устало нажал кнопку звонка с табличкой «Мюир» и не отпускал ее, пока не вышел взъерошенный человек в пижаме и не приоткрыл дверь, не снимая цепочки.

— Бога ради, что все это значит? — спросил он сердито, по-немецки, но с английским акцентом.

Бонд ответил:

— Это я, вот что случилось. Это опять 007.

— Боже мой, это вы, заходите, заходите. — Мюир открыл дверь и быстро выглянул на пустынную улицу. — За вами что, погоня?

— Да нет, — сказал Бонд заплетающимся языком, он с удовольствием протиснулся в теплую прихожую. Начальник поста «Зет» закрыл дверь и запер ее. Он повернулся и посмотрел на Бонда.

— Господи, старина, что же с вами случилось? Вы выглядите так, как будто вас пропустили через мясорубку. Сюда, пожалуйста. Хотите выпить? — Он провел Бонда в удобную гостиную. Жестом указал на буфет. — Угощайтесь. Я только скажу Филлис, чтобы не волновалась, или, может быть, сказать ей, чтобы посмотрела ваши раны. Она прекрасно справляется с такими вещами.

— Да нет. Все нормально, не беспокойтесь. Глоток спиртного восстановит силы. Здесь тепло и хорошо. В жизни никогда больше не взгляну на этот проклятый снег.

Мюир вышел, и Бонд услышал какое-то ласковое бормотание в коридоре. Мюир вернулся.

— Филлис готовит вам комнату. Она оставит свежее белье и все необходимое в ванной. А теперь, — он налил себе немного виски с содовой, чтобы составить Бонду компанию, и сел напротив него, — расскажите мне все, что можете.

— Мне очень жаль, — сказал Бонд, — но я почти ничего не могу рассказать вам. Это то же самое дело, что и на днях. Просто продолжение. Уверяю вас, об этом лучше ничего не знать. Я бы не пришел сюда, но необходимо срочно связаться с М., с ним лично, шифр «три X», сообщение может быть прочитано только получателем. Будьте добры, запустите это в принтер.

— Конечно. — Мюир посмотрел на часы. — Половина третьего ночи. Чертовски неподходящее время, придется будить старика. Но это ваше дело. Сюда, заходите в кабину, так сказать. — Он пересек комнату и подошел к стене с книжными стеллажами, вытащил одну книгу и повертел ее в руках. Послышался щелчок, открылась настежь маленькая дверца. — Осторожно, пригнитесь. Это старая уборная, которой давно не пользуются. Как раз нужного размера. Немного душновато, когда работаешь с передатчиком и на прием, но тут уж ничего не поделаешь. Дверь можно не закрывать. — Он склонился к сейфу на полу, набрал цифровую комбинацию и вытащил что-то, напоминающее пишущую машинку. Установил ее на полке рядом с громоздким телепринтером, сел и отстукал позывные адресата, прокручивая после каждого слова маленький рычажок сбоку этого агрегата. — О'кэй. Начинайте!

Бонд прислонился к стене. Он перебрал в голове самые разные формулировки, пока добирался до Самадена. Текст должен быть составлен так, чтобы М. все стало ясно и чтобы Мюир вместе с тем остался в полном неведении, чтобы он был чист.

— Хорошо, — произнес Бонд, — передавайте.

С ЦИТАДЕЛЮ РАЗОБРАЛИСЬ ТЧК ДЕТАЛЕЙ НЕ ЗНАЮ ЗПТ ТАК КАК В ОДИНОЧКУ ОТПРАВИЛСЯ ЗА ХОЗЯИНОМ ЗПТ КОТОРЫЙ К СОЖАЛЕНИЮ УСПЕЛ УЕХАТЬ И СЕЙЧАС НАВЕРНОЕ УЖЕ В ИТАЛИИ ТЧК ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТ ОТПРАВЛЮ С ПОСТА М ТЧК СПАСИБО ЗА ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ ОТПУСК ТЧК 007

Мюир повторил шифровку и затем стал переводить пятизначные группы цифр, которые выдало шифровальное устройство, на телепринтер.

Бонд наблюдал, как отправлялось это сообщение, конец еще одной главы его служебных обязанностей «на тайной службе Ее Величества», как выразился недавно Марк-Анж. А что подумает Ее Величество о целой цепи преступлений, совершаемых от ее имени? Боже мой, в этой клетушке можно задохнуться. Бонд почувствовал, что на лбу у него выступил холодный пот. Он закрыл лицо руками, пробормотал что-то несвязное относительно этой «проклятой горы» и почти грациозно рухнул на пол.

26. Безоблачное счастье?

Трейси смотрела на него широко открытыми глазами, когда они встретились в Мюнхенском аэропорту у стойки паспортного контроля. Но пока не сели в крошку «Ланцию», она ничем не выдала своих чувств и только в машине разрыдалась.

— Что они с тобой сделали? — спросила она сквозь слезы. — Что же произошло на сей раз?

Бонд обнял ее.

— Все в порядке, Трейси. Уверю тебя. Это всего лишь порезы и ушибы, как при неудачном падении на лыжах. Ну, не будь глупышкой! Такое может случиться с каждым. — Он погладил ее по волосам, вытащил носовой платок и вытер ей глаза.

Она отобрала у него платок и засмеялась сквозь слезы.

— Ну вот, ты испортил мне все ресницы. А я так старалась, именно для тебя. — Она достала из кармана маленькое зеркальце и аккуратно стерла следы туши. — Это глупо, но я так и знала, что опять должно что-то случиться. Как только ты сказал, что собираешься уехать на несколько дней уладить что-то, вместо того чтобы приехать сюда ко мне, я знала, что ты опять попадешь в какую-то передрагу. А потом еще позвонил Марк-Анж и спросил, не видела ли я тебя. Говорить он ничего не хотел, но в голосе его звучало беспокойство. И когда я ответила, что не видела тебя, он тотчас повесил трубку. А тут еще эта история с пиком Глория, о ней пишут во всех газетах. И ты был так сдержан, когда мы разговаривали по телефону сегодня утром. И звонил из Цюриха. Все сходится — один к одному. — Она убрала зеркальце и включила зажигание. — Ладно. Я не буду задавать вопросов. Извини, что я плакала. — И вдруг сказала и очень жестко: — Но ты такой идиот! Совсем не думаешь о том, что это волнует кого-то еще. Все, как мальчик, играешь в индейцев. Ты такой... такой эгоист!

Бонд взял ее руку, лежащую на руле. Он терпеть не мог «сцен». Но то, что она сказала, было правдой. Он совсем о ней не думал, думал только о своей работе. Ему никогда и в голову не приходило, что кто-то беспокоится о нем. Прощальный кивок приятелей, когда он уходил на задание, несколько тщательно продуманных строчек в некрологе в «Таймс», мимолетная грустинка — сжалось сердце у нескольких женщин. Но теперь, в течение трех дней, он больше не будет один. Он — половинка двух людей. Но речь идет не о Мэй, не о Мэри Гуднайт, которые обычно начинали ахать да охать, когда он возвращался после выполнения задания в таком состоянии, что его в пору было укладывать в госпиталь. Теперь, если его убьют, останется Трейси, которая, по крайней мере частично, тоже умрет вместе с ним.

Маленький автомобиль ловко лавировал в потоке машин.

— Прости меня, Трейси, — сказал Бонд. — Но это надо было сделать. Ты же знаешь, как это бывает. Я просто не мог отказаться. Если бы увильнул от этой работы, я не был бы сейчас так счастлив. Ты же понимаешь, правда?

Она коснулась рукой его щеки.

— Я бы не любила тебя, если бы ты не был пиратом. Наверное, это у меня в крови. Я привыкну ко всему. Оставайся таким же. Я не хочу переделывать тебя, как это делают другие женщины. Я хочу жить вместе с гобой, с таким, как ты есть. Но не обращай внимания, даже если я иногда повою, как пес, или, вернее, как сука. Это только потому, что я люблю тебя. — По ее губам скользнула улыбка. — «Ди Вельт», в которой все написано, лежит на заднем сиденье.

Бонд рассмеялся — она умела читать мысли.

— Ну тебя к черту, Трейси.

Он потянулся за газетой. Давно уже умирал от желания посмотреть, что они там наплели, что стало известно. Вот этот материал, внизу, в промежутке между двумя передовыми, одной, безусловно, о Берлине, и другой, также наверняка о том чуде, какое являют собой последние данные о немецком экспорте. Все, что сообщал «наш собственный корреспондент» из Санкт-Морица, было сказано в заголовке: «Таинственные взрывы на пике Глория. Разрушена подвесная дорога к курорту

миллионеров». И затем — несколько строк, повторяющих содержание заголовка, а также сообщение о том, что полиция на вертолетах вылетит туда рано утром. Заголовок рядом также привлек внимание Бонда: «В Англии возникла опасность полиомиелита». И затем датированное днем раньше сообщение агентства рейтер из Лондона: «В разных аэропортах Великобритании задержаны девять девушек. Их подозревают в том, что они могли иметь контакт с возможным носителем вируса полиомиелита, другой молодой англичанкой, в аэропорту Цюриха. Все девушки помещены в изолятор. Представитель министерства здравоохранения заявил, что это обычные меры предосторожности. Десятая девушка, носитель вируса, некая мисс Виолетта О'Нил, проходит обследование в госпитале Шеннона. Она родом из Ирландии».

Бонд улыбнулся про себя. Если англичан расшевелить, они еще и не такое смогут. Но сколько согласований потребовалось, чтобы составить это коротенькое сообщение? Начнем с М. Затем — Департамент уголовного розыска, отдел MI—5, министерство сельского хозяйства и рыболовства, таможенная служба Ее Величества, паспортный контроль, министерство здравоохранения и правительство Ирландии. Все внесли свою лепту и сработали оперативно и со знанием дела. И окончательный продукт их совместных усилий, о котором сообщили всему миру, сначала перелопатила «Пресс ассошиэйшн», а потом агентство Рейтер. Бонд бросил газету через плечо и посмотрел на старинные здания некогда одного из красивейших городов Европы, который теперь медленно перестраивался, в этом же старом районе Кайзер-Йеллоу возникали однообразные послевоенные чисто городские пейзажи. Итак, дело сделано, задание выполнено!

Но самому Блоффелду все-таки удалось уйти!

Они добрались до гостиницы около трех часов. Трейси ждала записка с просьбой позвонить Марку-Анжу в «Мэзон руж» в Страсбурге. Они поднялись в ее номер и сразу же позвонили.

— Он здесь, папа, — сообщила Трейси, — и, как ни странно, почти целый. — Она передала трубку Бонду.

— Он не ушел? — спросил Марк-Анж.

— Ушел, черт побери. Он сейчас в Италии. По крайней мере, я так думаю. Отправился в том направлении. А как там у вас? Снизу все выглядело очень эффектно.

— Нормально. Убрали всех.

— Убрали?

— Ну да, убрали навечно. Не нашли никаких следов вашего человека из Цюриха. Я потерял двоих. Наш приятель оставил сюрприз в своем шкафчике с документацией. Сюрприз достался Че-Че. А другой был недостаточно ловок. Это все. Обратный полет — сплошное развлечение. Подробности завтра. Отправляюсь сегодня в своем спальном вагоне. Помнишь?

— Да. А как там, кстати, его подруга Ирма?

— Она исчезла. Ну да ладно. Неудобно было бы убрать ее, как и всех остальных.

— Да. Ну что ж, спасибо, Марк-Анж. И новости из Англии тоже обнадеживающие. До завтра.

Бонд положил трубку. Трейси благоразумно удалилась в ванную и заперла дверь.

— Теперь можно выходить? — крикнула она.

— Еще две минуты, дорогая. — Бонд позвонил на пост «Эм». Его звонка ждали. Он договорился встретиться через час с начальником поста, человеком, которого он немного знал, лейтенантом-коммандером Сэвиджем. Бонд выпустил Трейси из ванной, и они составили план на вечер, потом он пошел в свой номер.

Его чемодан был уже распакован, и около кровати стояла ваза с крокусами. Бонд улыбнулся, взял вазу и решительно поставил ее на подоконник. Потом он принял душ, хотя эта процедура отняла уйму времени, надо было не замочить повязок и сменить пропахший потом лыжный комбинезон на один из своих темно-синих костюмов, что прихватил с собой. Бонд сел за письменный стол и набросал конспект того, что собирался передать М. по телепринтеру. Потом он надел темно-синий плащ, вышел на улицу и пошел на Одеон-плац.

(Если бы он не был занят своими мыслями, то заметил бы на противоположной стороне улицы женщину: коренастая, похожая на жабу фигура в потрепанном темно-зеленом плаще из водонепроницаемой шерстяной ткани; женщина вздрогнула от удивления, когда увидела Бонда, неторопливо идущего по улице, она быстро пересекла проезжую часть и пошла за ним следом. Она знала толк в том, что делала, и, когда он вошел в недавно выстроенный жилой дом на Одеон-плац, не стала подходить ближе, чтобы установить адрес, а подождала на противоположной стороне площади, пока он не вышел обратно. После этого она проследовала за ним до «Вир Ярезитен», взяла такси, вернулась к себе, заказала международный телефонный разговор с гостиницей «Метрополь» в Лейк-Камо.)

Бонд поднялся к себе в номер. На письменном столе были разложены медикаменты и перевязочный материал. Бонд позвонил Трейси.

— Что это такое, на самом деле? Действовала отмычкой или чем еще?

Она рассмеялась:

— Я подружилась с горничной на этом этаже. Она понимает влюбленных. Не то, что ты. Что ты хотел сказать, когда переставил цветы?

— Славные цветочки. Мне показалось, что они будут выглядеть еще краше у окна, там их освещает солнце. А теперь предлагаю заключить соглашение. Если ты сейчас зайдешь ко мне и сделаешь перевязку, я, в свою очередь, сведу тебя вниз и угощу рюмочкой. Тебе закажу только одну. А себе — целых три. Это самая правильная пропорция, когда пьют мужчина и женщина. Идет?

— Идет. — Она повесила трубку.

Было ужасно больно, и у Бонда даже выступили слезы, хотя он крепко зажмурил глаза. Она поцелуями осушила слезы, вся побледнев от того, что увидела.

— Ты уверен, что не надо обращаться к врачу?

— А я уже обратился. Ты все сделала великолепно. Меня волнует теперь только одно, как же тут заниматься любовью. Если следовать правилам, то локти, как и всякому настоящему мужчине, очень быгодились.

— А давай не следовать никаким правилам. Но только не сегодня ночью и не завтра. Только когда поженимся. До тех пор я собираюсь изображать из себя девственницу. — Она говорила совершенно серьезно. — Жаль, что это не так, Джеймс. Вообще-то в определенном смысле я и есть девственница, ты ведь понимаешь. Люди могут предаваться любви, не любя.

— Выпьем, — решительно произнес Бонд. — Ведь впереди у нас целая вечность, еще наговоримся о любви.

— Ну и поросенок, — возмутилась она. — Нам так много надо сказать друг другу, а ты только о выпивке и думаешь.

Бонд рассмеялся. Он нежно притянул ее к себе и поцеловал долгим страстным поцелуем. Потом отодвинулся.

— Ну вот, это и есть начало нашей беседы. О менее интересных вещах поболтаем в баре. Потом закажем великолепный обед в «Вальтершлиле» и поговорим о кольцах и о том, будем ли мы спать на отдельных кроватях или в одной и хватит ли у меня простыней и наволочек для двоих; поговорим и о других интересных вещах, которые связаны с женитьбой.

В таком духе они провели весь вечер, и у Бонда голова пошла кругом от всех

реальных женских проблем, которые Трейси подняла — и очень серьезно; но он с удивлением обнаружил, что подобное состояние — это строительство собственного гнездышка, доставляет ему истинное удовольствие, он испытывал такое чувство, как будто наконец сможет по-настоящему отдохнуть, жизнь теперь будет полнее, она обретет смысл, так как все теперь пополам, все вместе. Единство душ! Как удивительно нежно звучала избитая фраза, как была кстати!

Весь следующий день прошел за веселым застольем с Марком-Анжем, чей огромный трейлер прибыл ночью и занял большую часть стоянки для машин позади гостиницы, и в поисках кольца для помолвки и обручального кольца в антикварных магазинах. Обручальное кольцо найти было нетрудно, традиционное простое золотое кольцо, но Трейси никак не могла решить, какое кольцо нужно для помолвки. В конце концов она отправила Бонда найти то, что ему понравится, а сама тем временем занялась последней примеркой своего выходного платья. Бонд взял такси и вместе с водителем, который был летчиком «Люфтваффе» во время войны и очень этим гордился, они объездили весь город, пока Бонд не нашел то, что хотел, в антикварном магазине около Нимфенбургского дворца. Это было кольцо в стиле барокко — две переплетающиеся бриллиантовые веточки в белом золоте. Кольцо выглядело благородно и просто, и таксисту оно тоже понравилось. Словом, дело было сделано, и двое мужчин отправились отпраздновать это дело в ближайшую пивную, где съели горы свиных колбасок и выпили по четыре огромных кружки пива, не забыв поклясться, что никогда не станут воевать друг против друга. После этого, довольный своей последней холостяцкой вечеринкой, Бонд, подвыпивший, вернулся в гостиницу, счастливо избежав объятий таксиста, направился прямо в номер Трейси и надел кольцо ей на палец.

Она расплакалась и все приговаривала, что это самое красивое кольцо в мире, но когда он обнял ее, сразу захихикала.

— О, Джеймс, ну ты и типус. От тебя так и разит пивом и колбасками. Где же ты гулял, поросенок эдакий?

Пока Бонд рассказывал ей о своих приключениях, она хохотала от всей души, такими смешными казались сцены его последнего загула. Потом она принялась дефилировать по комнате взад и вперед, делая преувеличенно грациозные движения рукой, выставляя напоказ кольцо, да так, чтобы бриллианты непременно заиграли. Потом раздался телефонный звонок. Это был Марк-Анж, который сказал, что хочет поговорить с Бондом в баре: не будет ли Трейси так добра, чтобы отпустить его на полчаса?

Бонд спустился вниз и, хорошенько подумав, решил, что с тем пивом, которое он уже выпил, хорошо пойдет шнапс, и тут же заказал двойную порцию. Лицо у Марка-Анжа было серьезное.

— Теперь слушай меня внимательно, Джеймс. Мы так еще толком и не поговорили. Это неправильно. Я вот-вот стану твоим тестем, и я настаиваю на серьезном разговоре. Много месяцев тому назад я сделал тебе серьезное предложение. Ты его отклонил. А теперь его принял. Услугами какого банка ты пользуешься?

— Да ну вас, Марк-Анж, — сердито сказал Бонд. — Если вы думаете, что я приму от вас или от кого другого миллион фунтов стерлингов, то ошибаетесь. Я не хочу портить себе жизнь. Когда денег слишком много, нет ничего хуже, это настоящее проклятье. У меня достаточно денег. У Трейси их тоже хватает. И вообще, будет интересно копить деньги, чтобы купить что-то, что мы не можем позволить себе купить сразу. Деньги хороши, когда они есть и вместе с тем вроде их нет. Вот какие нужны деньги.

— Да ты совсем напился, — рассердился Марк-Анж. — Ты не понимаешь, что говоришь. Я вам предлагаю лишь пятую часть моего состояния. Понимаешь? Для

меня это ничего не значит. Трейси привыкла иметь все, что она хочет. Я хочу, чтоб так было и дальше. Она — мой единственный ребенок. Ты же не можешь содержать ее на зарплату государственного служащего. Ты обязан принять от меня деньги!

— Если вы мне дадите какие-нибудь деньги, клянусь, я пушу их на благотворительные цели. Вам что, хочется, чтобы ваши деньги пошли на приют для собачек? Хорошо. Давайте!

— Но, Джеймс, — теперь уже упрашивал Марк-Анж, — а что ты сможешь принять от меня? Хочешь, я помещу капитал на имя ваших будущих детей. Хочешь?

— Еще не легче. Если у нас будут дети, я не хочу, чтобы этот аркан висел на их шее. У меня не было денег, и они мне были не нужны. Мне нравилось добывать деньги, играя в азартные игры, потому что это найденные деньги, деньги, которые вдруг свалились на тебя с неба. Если бы я получил деньги по наследству, то вел бы себя так же, как и все эти бездельники, друзья Трейси, на которых вы так много мне жаловались. Нет, Марк-Анж, — Бонд решительно допил свой шнапс, — так не пойдет.

Марк-Анж выглядел так, как будто он вот-вот расплатится. Бонд смягчился.

— Это очень мило с вашей стороны, Марк-Анж, — сказал он. — И я высоко ценю ваше предложение. Вот что я вам скажу. Если я поклянусь, что обращусь к вам сразу, как только кому-то из нас двоих когда-либо понадобится помощь, этого будет достаточно? Ведь мы можем заболеть и все такое. Или, скажем, было бы неплохо приобрести небольшой домик где-нибудь в деревне. Нам может понадобится помощь, если пойдут дети. Ну и так далее. Так как насчет этого? Договорились?

Марк-Анж с сомнением посмотрел на Бонда своими собачьими глазами:

— Ты обещаешь? Ты не обманешь меня, разрешишь, помочь? Разрешишь мне внести свою лепту в ваше счастье?

Бонд перегнулся через стол и взял Марка-Анжа за руку. Сильно сжал ее.

— Даю слово. Ну, а теперь возьмите себя в руки. Вон идет Трейси. Еще подумает, что мы тут спорим.

— Мы как раз это и делали, — мрачно сказал Марк-Анж. — И, кажется, впервые я спор не выиграл.

27. Целая вечность

«Согласен».

Джеймс Бонд произнес это слово в 10:30 утра, необыкновенно ясного утра в первый день Нового года, в гостиной генерального консульства Великобритании.

И он не кривил душой.

Генеральный консул оказался человеком знающим и сердобольным — таких среди британских консулов большинство. У него был выходной, и, как он доверительно сообщил, ему надо было прийти в себя после встречи Нового года. Он значительно сократил обычный срок со дня подачи заявления, пошел им навстречу и сделал это, по собственному признанию, потому что не раз уже рисковал карьерой — а этого надо бы поостеречься, — если полагая обстоятельства исключительными, ну, например, в случае надвигающейся смерти одного из вступающих в брак. «Вы оба выглядите достаточно здоровыми, — сказал он при первом их посещении, — несмотря на этот ужасный шрам у вас на голове, командер Бонд, и относительную бледность графини. Мне пришлось принять некоторые меры предосторожности и получить из секретариата министерства иностранных дел специальное разрешение на отступление от принятых норм; к моему удивлению, такое разрешение незамедлительно было получено. Словом, пусть регистрация будет в первый день Нового года. И приходите ко мне домой. Жена безнадежно сентиментальна, особенно при отправлении мною подобных церемоний, а это входит в круг моих обязанностей. И я уверен, что ей будет очень приятно встретиться с вами обоими».

Документы были подписаны, и начальник поста «Эм», который согласился быть шафером и которому в глубине души очень хотелось сообщить эту сенсационную новость главе лондонского отделения, вытащил горсть конфетти и бросил ее так, что в основном оно засыпало с ног до головы Марка-Анжа. Он, кстати, явился в цилиндре и фраке и, что еще более удивительно, с двумя рядами правительственных наград, последней из которых, к неописуемому удивлению Бонда, была Королевская медаль, которой награждались борцы Соппротивления, дравшиеся за рубежом.

— Как-нибудь я расскажу тебе об этом, дорогой Джеймс, — сказал он, когда Бонд восхищенно поинтересовался происхождением этой награды. — Это была очень смешная история. Я сам себе устроил, как говорят американцы, «настоящий бал», поразвлекался, словом, вовсю. И, — он перешел на шепот и провел пальцем по своему коричневому носу с раздувавшимися ноздрями, — должен признаться, что не преминул воспользоваться представившейся возможностью и прибрал к рукам кое-какие секретные фонды одного из отделов абвера. Но «херкос одонтон», мой дорогой Джеймс! «Херкос одонтон»! Награды так часто бывают просто значками удачи. Если я и герой, то отличился особо в тех операциях, за которые никаких наград не дают. И, — он провел пальцами по груди, — на лацканах этого фрака, который, между прочим, я приобрел благодаря любезности превосходного парикмахерского салона в Марселе, едва ли есть место для всего, что мне там причитается по заслугам, по неофициальной линии.

Они простились, и Бонд позволил Марку-Анжу — себя он уверил, что в последний раз, — обнять себя; и они спустились с лестницы к ожидавшей их крошке «Ланции». Кто-то, Бонд подозревал, что жена консула, повязал на машине белые ленты, которые шли от угла ветрового стекла к решетке радиатора. Внизу стояла небольшая толпа зевак и прохожих, которые остановились — как это происходит везде и всюду, чтобы посмотреть, кто же новобрачные и как они выглядят.

Генеральный консул пожал Бонду руку.

— Боюсь, нам не удалось сделать все так скромно, незаметно, как вам хотелось бы. Сегодня утром прибыла женщина-репортер из «Мюнхенер иллюстрирт». Не пожелала назвать себя. Думаю, репортер отдела светской хроники. Мне пришлось сообщить ей голые факты. Она особенно интересовалась временем церемонии, если это можно так назвать, дабы они могли прислать фотографа. По крайней мере, хоть этого удалось избежать. Вроде никаких недоразумений, так я полагаю. Ну, прощайте, и всего вам наилучшего.

Трейси, которая решила отправиться в «путешествие» в темно-сером тирольском костюме с традиционной темно-зеленой отделкой и пуговицами из оленьих рогов, небрежно бросила свою шикарную модную альпийскую шляпу с яркой кокардой из бородки серны на заднее сиденье, села в машину и включила зажигание. Двигатель заурчал, затем мягко загудел, когда она переключила скорость, и они поехали по пустынной улице. Оба помахали рукой из окна, и Бонд оглянувшись назад, увидел, как Марк-Анж подбросил свой цилиндр в воздух. Им тоже махали вслед, машина завернула за угол, все исчезло.

Когда подъехали к автострате Зальцбург — Куфштейн, Бонд сказал:

— Будь добра, дорогая, остановись на обочине, мне нужно сделать две вещи.

Она подъехала к обочине, где виднелась трава. Коричневая зимняя трава, проглядывавшая сквозь тонкий слой снега. Бонд потянулся к ней и обнял. Он нежно поцеловал ее.

— Это, во-первых, а во-вторых, я просто хотел сказать, что буду заботиться о тебе, Трейси. Ты же не станешь возражать, если я буду о тебе заботиться?

Она отстранилась и внимательно посмотрела на него. Улыбнулась. Взгляд ее стал задумчивым.

— Так вот что означает быть мужем и женой, не так ли? Ведь не говорят же

просто — муж и жена. Ведь дело в том, чтобы о тебе заботились. Так давай же — просто — заботиться друг о друге.

— Хорошо. Но я бы на твоём месте себе не позавидовал. А теперь, просто, хочу выйти из машины и снять эти ленты. А то слишком похоже на коронацию. Ты не возражаешь?

Она засмеялась:

— У тебя привычка быть скрытным. А я хочу, чтобы все нас приветствовали по пути. Знаю-знаю, ты собираешься перекрасить эту машину в серый или чёрный цвет, как только представится удобный случай. Пусть будет так. Но с сегодняшнего дня ничто не мешает мне гордиться тобой, нести, словно флаг. Пусть и у тебя будет такое желание, будешь носить меня на руках.

— По всем выходным и праздничным дням. — Бонд вышел из машины и снял ленты. Он посмотрел на безоблачное небо, почувствовал тепло солнечных лучей на своём лице. — Как считаешь, мы не замерзнем, если опустим верх машины?

— Нет, давай. А то, когда верх поднят, видим лишь половину мира. И дорога отсюда до Китцбюхеля просто прекрасна. Мы всегда можем поднять верх, если захотим.

Бонд отвернул два болта и сложил парусиновый верх за сиденьями. Бросил взгляд на автостраду. Движение было интенсивным. У большой заправочной станции «Шелл» на полосе одностороннего движения, которую они только что проехали, ему бросился в глаза заправлявшийся ярко-красный открытый «Мазерати». Хорошая машина. И типичная щегольская пара, мужчина и женщина, на переднем сиденье — белые легкие плащи и полотняные шлемы, застегнутые под подбородком. Большие очки с темно-зелеными стеклами из слюды скрывали лицо. Обычная одежда немецких автолихачей. Слишком далеко, чтобы увидеть, так ли они хороши, как их машина, но силуэт женщины многого не обещал. Бонд сел рядом с Трейси, они поехали по дороге, по обе стороны от которой открывался прекрасный пейзаж.

Они почти не разговаривали. Трейси вела машину со скоростью около 80 миль в час, и вокруг них ревел ветер. Этим и плохи открытые машины. Бонд взглянул на часы. 11:45. Где-то в час они будут в Куфштейне. Там, на улице, поворачивающей к большому замку, была великолепная гостиница. Это было симпатичное уютное местечко, трогающее за душу звуками музыки, исполняемой на цитре, и нежными меланхолическими мелодиями тирольских йоде-лей. Именно здесь по традиции останавливались немецкие туристы после однодневных поездок в дешёвую Австрию, прямо за немецкой границей; они останавливались здесь, чтобы заказать последний обильный обед — чисто австрийская кухня и вино. Бонд склонился к уху Трейси и сказал ей об этом, а также о другой достопримечательности Куфштейна — наиболее внушительном из всех когда-либо воздвигнутых мемориалов, посвящённых войне 1914—1918 годов. Точно в полдень каждый день окна замка распахиваются настежь и исполняется соло на большом органе, находящемся в помещении замка. Орган слышно на километры, звуки несутся вниз по долине, расположенной между огромными горными хребтами. Куфштейн является как бы воротами в эту долину.

— Но мы не услышим орган. Сейчас уже почти двенадцать.

— Ничего, — сказала Трейси. — Обойдусь и цитрами, пока ты будешь поглощать свое пиво и шнапс.

Она свернула на правую развилку дороги, ведущей вниз на Куфштейн, вот они уже проскочили Розенгейм, и возникли огромные снежные горные вершины.

Движение уже не было столь интенсивным, навстречу не попадалось почти ни одной машины. Дорога стрелой уходила между белыми полями и рощами лиственниц к той сверкающей границе, где веками проливалась кровь воюющих армий. Бонд оглянулся назад. На расстоянии нескольких миль сзади них на автострате появилась красная точка. «Мазерати»? Да, у них наверняка нет духа

соперничества, если не могут догнать «Ланцию», идущую со скоростью 80 миль! Какой смысл иметь подобную машину, если не гнать на ней с такой скоростью, что весь остальной транспорт можно наблюдать в зеркале заднего обзора. Может, чересчур несправедлив к ним. Может быть, им тоже хочется ехать спокойно и наслаждаться красотой дня.

— Нас быстро нагоняет какая-то красная машина, — сказала Трейси спустя 10 минут. — Хочешь, чтобы мы оторвались от нее?

— Нет, — ответил Бонд. — Пусть обгоняет. Ведь у нас впереди много времени, целая вечность.

Вот он уже слышал звук работы восьми цилиндров. Бонд выкинул руку влево, подняв большой палец, показывая, что «Мазерати» может обгонять их.

Звук восьмицилиндрового двигателя превратился в оглушительный рев. Ветровое стекло «Ланции» рассыпалось, как от удара кулаком какого-то монстра. Бонд увидел напряженно ощерившийся рот под сифилитичным носом, увидел, как полыхнул глушитель какого-то автоматического оружия, и красная машина пролетела мимо, а «Ланция» с бешеной скоростью понеслась с дороги через полосу снега, пробивая себе путь через молодую рощицу. Затем Бонд ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то увидел какого-то человека в форме автодорожной полиции цвета хаки. Молодое лицо его исказил ужас, он изо всех сил тряс Бонда.

— Что произошло? Что произошло? — повторял он по-немецки.

Бонд повернулся в сторону Трейси. Она лежала, наклонившись вперед, лицом на изуродованном руле. Ее розовый платок сполз, и прядь золотистых волос свисала, скрывая лицо. Бонд взял ее за плечи, на которых стали расцветать темные пятна.

Он прижал ее к себе. Он посмотрел на молодого человека и ободряюще улыбнулся.

— Все в порядке, — сказал он четко, как бы объясняя что-то ребенку. — Все абсолютно в порядке. Она отдыхает. Мы скоро снова поедem. Спешить некуда. Понимаете. — Бонд склонил голову к Трейси и прошептал ей на ухо: — У нас ведь впереди много времени, целая вечность.

Молодой полицейский испуганно взглянул в последний раз на неподвижную пару и поспешил к своему мотоциклу, по рации — срочно, очень срочно — он начал торопливо вызывать «скорую помощь».